Э. ФАЛЬКОВИЧ

Искусство лектора

Э. ФАЛЬКОВИЧ

Искусство ЛЕКТОРА

1960

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пропаганда научных знаний, в особенности марксизма-ленинизма, имеет для нас огромное значение. Она приобщает народные массы к достижениям материальной и духовной культуры человечества. Благодаря пропаганде наши люди становятся более сознательными, более активными, более ревностными строителями коммунистического общества.

Одной из самых важных и доступных форм распространения политических и научных знаний является лекция. Тщательно подготовленная и хорошо прочитанная лекция обогащает слушателя новыми сведениями из определенной области, приучает мыслить шире и глубже, помогает лучше ориентироваться в сложных явлениях природы и общества. Хорошая политическая лекция воспитывает слушателя в духе верности принципам пролетарского мировоззрения, марксизма-ленинизма, в духе непримиримости к любым проявлениям буржуазной или мелкобуржуазной (мещанской) идеологии и морали, призывая слушателя действовать в интересах народа и всего человечества.

Составить такую лекцию может только политически и в своей области вполне грамотный, партийно целеустремленный лектор. Хорошая лекция немыслима без отбора интересного познавательного материала, способствующего формированию диалектико-материалистического мировоззрения у слушателей, без связи материала с жизнью, с практической борьбой

за успешное выполнение задач, стоящих перед советским народом.

Однако этого еще мало. Успех лекции во многом предопределяется тем, насколько умело лектор владеет речью, как он излагает факты, аргументы и выводы. «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора,— говорит В. И. Ленин,— в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» [1].

Сказанное Лениным относится в особенности к лектору, ведущему пропаганду в различных по жизненному опыту и культурному уровню массовых аудиториях. Лектор должен уметь говорить о сложнейших проблемах и самых высоких истинах простым языком.

Это умение особенно важно сейчас, когда перед лекторами ставится задача довести до широчайших масс города и деревни великие идеи XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза, вдохновить их на борьбу за выполнение семилетнего плана, за претворение в жизнь программы коммунистического строительства.

Но такое умение не дается легко. Оно достигается лишь в результате напряженного труда, длительных наблюдений и творческих исканий.

В данной книге, задуманной как пособие для молодых пропагандистов и лекторов, делается попытка подсказать, как им повысить научно-познавательную ценность и общественную значимость своих выступлений и как совершенствовать свое мастерство.

Автор будет весьма признателен читателям за указания недостатков книги.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, стр. 304. Здесь и в дальнейшем Ленин цитируется по 4-му изданию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ЛЕКЦИИ

1. НАУЧНОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ В ОСВЕЩЕНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

а) Конкретное рассмотрение и решение вопросов. Без шаблона и догматизма

При работе над лекцией, при составлении ее плана и изложении материала, лектор руководствуется рядом методологических и методических положений. Он стремится прежде всего к тому, чтобы высказывания соответствовали истине, объективной действительности, чтобы они верно отражали порядок вещей и явлений и их причинную связь.

Однако истина, действительность (в широком смысле) — далеко не простые вещи. Они не даются легко, непосредственно. Действительность сложна, многогранна, и формы ее проявления зачастую довольно отдаленно, завуалированно передают ее сущность. «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали,— говорил Маркс,— то всякая наука была бы излишня» [1].

Чтобы разобраться в сложной действительности, необходимо мыслить глубоко, диалектически, т. е. не оставаться у поверхности вещей, а стараться проникнуть в их сущность, брать вещи не изолированно, не в их покое, а в их взаимной связи и движении. Ибо в природе и обществе все находится в тесной взаимосвязи и в постоянном развитии [2].

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1955, стр. 830. О явлении и сущности см. «Основы марксистской философии», 1958, гл. X; «Категории материалистической диалектики» под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса, 1957, гл. II.

[2] См. *Ф. Энгельс,* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.

Процесс диалектического мышления в его классической, образцовой форме прекрасно описал Поль Лафарг в своих «Воспоминаниях о Марксе». «Маркс,— говорит Лафарг,— постигал суть вещи. Он видел не только поверхность, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир» [1].

Беря вещь в ее среде, в движении, обнаруживая тенденции ее развития, мы имеем возможность не только глубже вникнуть в ее суть, познать ее, но и пытаться в ряде случаев содействовать этим тенденциям, если они зовут человечество вперед, или, наоборот, мешать им, если они тянут человечество назад [2].

Итак, диалектическая логика требует всестороннего, исторически конкретного изучения предмета. Она говорит: помни, что жизнь не стоит на месте. Поэтому то, что истинно в одно время, в одних условиях, может оказаться ложным в других. Температура кипения воды равна 100 градусам. Но эта температура не постоянна; она зависит от давления воздуха. Чем выше от поверхности земли, тем меньше давление и ниже температура кипения.

Абстрактных истин вне места и времени, «вечных» истин, излюбленных церковниками и идеалистами, наука не признает. В природе и в обществе все зависит от определенных условий, от конкретных обстоятельств.

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», Госполитиздат, 1956, стр. 68.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии; *К. Маркс,* Тезисы о Фейербахе; *Ф. Энгельс,* Карл Маркс; *В. И. Ленин,* К вопросу о диалектике (Соч., т. 36).

Мыслить не шаблонно, а исторически-конкретно, применительно к живой действительности, учить других мыслить так же — одно из очень важных качеств лектора. Это качество мы должны развивать в себе постоянно, учась у классиков марксизма, в частности у В. И. Ленина. Ленин утверждал, что самая суть, живая душа марксизма — это «конкретный анализ конкретной ситуации» [1], и показал многочисленные изумительные образцы такого именно анализа.

Поучительны в этом смысле замечания В. И. Ленина на «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии», составленный Г. В. Плехановым (1902 г.). Вот, к примеру, начало «Проекта»:

ТЕКСТ ПЛЕХАНОВА	ЗАМЕЧАНИЯ ЛЕНИНА
1. Главную экономическую особенность современного общества составляет господство в нем капиталистических производственных отношений,	Страница 1. № 1 — Капитализм не «особенность» современного общества, а его экономический *строй, уклад* и т. п.
т. е. принадлежность средств производства и обращения товаров очень небольшому по своей численности классу капиталистов,	№ 2 — Средства производства принадлежат не только капиталистам но и землевладельцам и мелким производителям.
между тем как большинство населения состоит из пролетариев,	№ 3 — Пролетариат не большинство населения во многих странах.
не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, и не могущих существовать иначе, как путем ее продажи.	№ 4 — Пролетариат имеет некоторые предметы потребления (а частью и средства производства).
Вследствие этого оно попадает в зависимое положение наемников, создающих своим трудом доход капиталистов.	Страница 2. № 5.+ землевладельцев [2].

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 143; а также т. 35, стр. 200.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 3.

Сравнивая формулировки Плеханова и замечания Ленина, мы видим, что уже тогда, в 1902 г., Ленин значительно глубже и вернее судил о российской действительности, нежели Плеханов. И это не только потому, что Ленин прекрасно изучил экономику России, положение ее рабочего класса и крестьянства и жил в гуще интересов российских народных масс. Это объясняется еще и тем, что Ленин применял марксистские идеи творчески, учитывая в каждый данный момент все особенности конкретной исторической обстановки.

* *
*

Из сказанного следует, что лекцию надо строить таким образом, чтобы она служила примером исторически-конкретного рассмотрения и решения вопросов. А между тем многие лекторы непомерно увлекаются историей, абстрактными рассуждениями, мало уделяя внимания современному положению, актуальным задачам.

В отзывах о лекциях то и дело приходится читать: «Лекция на тему «Почему необходима борьба с пережитками капитализма в сознании людей» привлекла многих рабочих... Но лектор не учел особенностей рабочей аудитории... говорил общими фразами, а о методах борьбы с этими пережитками вообще ничего не сказал»[1]. Или, например, такой отзыв: «В лекции... мало говорится о развитии народного хозяйства области за годы Советской власти... Автор рисует перспективы развития народного хозяйства Амурской области оторванно от задач, поставленных шестым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР...» Или: лекция «в основном дает правильное представление о задачах, стоящих перед Иркутской областью... но отдельные вопросы (природные богатства, специализация районов и т. п.) охарактеризованы общими словами, без достаточного подтверждения конкретным фактическим материалом...»[2]

---

[1] «В помощь политическому самообразованию» № 3, 1957, стр. 97.

[2] См. *А. Ф. Бурыкин,* Опыт пропаганды геолого-географических знаний, 1957.

Само собой разумеется, что общими словами многого не достигнешь. Общие слова и абстрактные рассуждения особенно недопустимы сейчас, когда новые формы управления промышленностью создают все условия для еще более широкого развития местной инициативы, когда требуется всесторонний учет особенностей и возможностей каждого района, каждого хозяйства, когда надо всеми силами добиваться, чтобы каждый труженик лучше использовал машину, станок, агрегат, трактор, комбайн, применяя передовые методы труда, когда лектор призван помогать людям в поисках, обобщении и распространении лучшего опыта социалистического хозяйствования.

Напомним в этой связи некоторые высказывания В. И. Ленина об изучении местного опыта, чрезвычайно актуальные и поныне:

«Самое худое у нас — чрезмерное обилие общих рассуждений в прессе и политической трескотни при крайнем недостатке *изучения* местного опыта...

Еще более и еще более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую; разбор того, где, кому, и почему (какими приемами) удается... достигать действительного, хотя и небольшого улучшения; не бояться вскрывать ошибки и неуменье; популяризировать и *рекламировать* изо всех сил всякого сколько-нибудь выдающегося местного работника, ставить его в образец. Чем больше будет такой работы, чем больше углубляться будем в живую практику... тем успешнее пойдет улучшение и нашей прессы и всего нашего строительства» [1].

Конечно, лекцию об искусственных спутниках Земли, об эпохе Возрождения и т. п. мы не можем строить на местном материале. Но в лекции о сельском хозяйстве, о путях повышения производительности труда, о моральном облике советского человека, о пережитках капитализма в сознании людей или в лекции на историческую тему, в частности по истории КПСС, местную практику непременно нужно использовать.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 36, стр. 530—531.

Данные о местном опыте, важные и поучительные, можно найти во многих справочниках, в специальных исследованиях, в центральной и местной печати. Однако этими источниками ограничиваться не следует. Чтобы собрать конкретные, насущные, злободневные сведения, необходимо побывать на заводе, в колхозе, в партийном или советском учреждении. Порой полезно заглянуть и в краеведческий музей, посмотреть материалы, поговорить со сведущим человеком, который подскажет, у кого из местных старых большевиков, профработников, производственников, комсомольцев и т. д. можно получить важные сведения по истории данного предприятия, данной парторганизации, местности и т. п.

Фактический материал лектору следует отбирать тщательно, исходя из целей и задач лекции, а также из запросов и характера своей будущей аудитории.

Итак, лектору важно уметь связывать теорию с живой действительностью, вскрывая, в частности, значение его темы для практической деятельности: для покорения сил природы, для роста народного хозяйства и обороноспособности страны, для повышения материального и культурного уровня жизни народных масс, а также в целях развития их патриотических чувств, человеколюбия и пролетарского интернационализма. Знать, указывает М. Горький, нужно не затем, чтоб только знать, но для того, чтоб научиться делать.

Связать теорию с практикой, с современностью — не значит, однако, ограничиться лишь упоминанием какого-либо злободневного события. Надо уметь это событие осветить, разобрать, указать его причины и следствия, а иногда и прямых или косвенных вдохновителей этого события.

Лектор, не умеющий связывать теорию с практикой, излагающий материал в отрыве от конкретной действительности и актуальных задач, не может рассчитывать на успех в аудитории.

* *
*

Хорошая лекция служит примером глубокого подхода к предмету речи. Она учит мыслить широко, по-государственному.

Пользуясь конкретным местным материалом для мобилизации слушателей на выполнение известных задач, стоящих перед определенным коллективом, районом, областью или республикой, лектор призван показывать пример широкого освещения вопросов, осуждая малейшие проявления местничества. Его долг убедительно и увлекательно раскрывать перед аудиторией огромные и вместе с тем реальные перспективы коммунистического строительства во всех областях и республиках нашего многонационального государства, пропагандируя важность развития в той или другой республике прежде всего тех отраслей хозяйства, для которых имеются наиболее благоприятные природные и экономические условия. Таким образом мы эффективнее используем ресурсы каждой республики и обеспечим правильное сочетание интересов отдельных республик и Советского Союза в целом.

Опытный лектор учит мыслить по-государственному не на отвлеченном материале, а на конкретных ярких фактах. К примеру:

В городе Борисове БССР трудящиеся заасфальтировали 20 тысяч квадратных метров тротуаров, замостили 25 тысяч квадратных метров дорог, посадили 62 тысячи фруктовых деревьев и 35 тысяч кустарников и проделали другую очень полезную санитарную работу. И вот результат: только в 1956 году количество желудочно-кишечных заболеваний уменьшилось на 37 процентов по сравнению с прошлым годом.

Управленческий аппарат по Карельской АССР за несколько лет был сокращен более чем на 2500 человек с годовой экономией фонда зарплаты почти 25 миллионов рублей. В результате лучше стали выполняться народнохозяйственные планы, меньше стало волокиты и бюрократизма, повысилась ответственность за порученное дело и оперативность в работе.

Хороший лектор использует любой подходящий момент, чтобы призвать слушателей к борьбе против всяких проявлений бесхозяйственности, расточительства, нерадивого отношения к народному добру, против бюрократизма, волокиты и канцелярщины, против всего того, что в той или иной степени вредит коммунистическому строительству.

И в самом деле, разве может советский человек оставаться равнодушным, когда узнает, что Ангарск строился среди девственных лесов, безжалостно вырубались красавицы сосны, а теперь ангарцы поговаривают о древонасаждениях; или что в 187 тысяч рублей обошлось каждое место при строительстве санатория «Чайка» в Сочи, потому что архитектор допустил непомерные излишества...

Разве можно не возмутиться, узнав, что на Московском мясокомбинате, чтобы выписать требование на электрическую лампочку, приходится побывать у заведующего складом, начальника цеха, бухгалтера, начальника группы, начальника отдела снабжения, главного энергетика и т. д.

Лектор не может оставаться в стороне от борьбы против формализма и волокиты. Своим словом он должен восстанавливать слушателя против указанных пороков, вскрывая причины их появления и называя конкретных носителей этих зол. При всяком удобном случае лектор будет бичевать браконьеров, хапуг, рвачей и всех других обывателей и эгоистов, руководствующихся «философией»: «на мой век хватит», «после меня хоть потоп», «моя хата с краю», «своя рубашка ближе к телу» и т. п.

Важно показать слушателям, что вся эта тараканья мудрость, всегда приносившая зло людям, тем более вредна и опасна в социалистическом обществе. Человек всю свою жизнь пользуется помощью, услугами сотен миллионов людей. Каждое поколение людей стоит на плечах всех предшествующих поколений, подготовивших для него величайшие материальные и духовные ценности, блага и удобства, а потому ничего нет отвратительнее человека, пользующегося этими богатствами и удобствами, но мало делающего для сохранения и обогащения их.

Лектор призван всеми силами разоблачать тех, кто отрицательно относится к материальному и духовному наследию, созданному трудом и творчеством предыдущих поколений и современников, равно как и тех, кто без всякой критики преклоняется перед любой стариной и традицией.

В лекции важно показать — и опять-таки не отвлеченными рассуждениями, а фактами,— что в природе

и в обществе все находится в тесной взаимосвязи. Так, сокращение речного стока привело к повышению солености Каспийского и Азовского морей и ухудшению их кормовой базы. Вследствие этого во много раз сократились места нереста судака, леща и других рыб.

Применение пластических масс в машиностроении сокращает затраты труда, снижает вес изделий и дает большую экономию цветных металлов. На базе использования нефтяных газов расширяется выработка синтетического спирта, благодаря чему будет значительно сокращен расход пищевых продуктов на технические цели.

Перевод электростанций ряда городов на газовое топливо позволит резко уменьшить потребность их в дальнепривозном топливе, значительно улучшить санитарное состояние городов и бытовое обслуживание населения.

А как повлияет на всю нашу жизнь выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства!

В тесной взаимосвязи находится не только материальный мир, но и духовный. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу» [1]. Вспомним, например, такие факты, как открытие Америки, учение Коперника, труды Карла Маркса, победа Октябрьской революции, расщепление атома, и значение каждого из этих фактов для материального и духовного развития человечества.

Итак, силой фактов и доводов лектор способствует тому, чтобы люди стали шире, чем раньше, смотреть на вещи, глубже вникать в жизнь цеха, колхоза, предприятия, района, республики, активнее реагировать на все происходящее вокруг; чтобы смотрели на все по-хозяйски, по-коммунистически, «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего» (М. Горький).

---

[1] Ф. Энгельс в письме к Г. Штаркенбургу. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1947, стр. 470. См. там же письма Энгельса к И. Блоху, К. Шмидту и Ф. Мерингу, стр. 422—431, 462—465. Кроме того, см. «Основы марксистской философии», 1958, гл. XIV, Базис и надстройка общества.

* *
*

В лекции красной нитью должна проходить мысль о том, что на одном опыте, на голой практике далеко не уедешь. Теория, в особенности в наше время, играет огромнейшую роль в развитии человека и человеческого общества; успешно бороться за технический прогресс, за лучшую организацию производства и всего нашего быта могут люди, технически подготовленные, знающие, культурные.

Теория должна *опережать* практику. Теория — великая сила. Путем вычислений французский астроном Леверье (1811—1877 гг.) доказал существование и определил положение в то время еще неизвестной планеты Нептун. Пользуясь указаниями Леверье, берлинский астроном Иоганн Галле в 1846 г. действительно нашел эту планету. На основе своего периодического закона (1869 г.) Д. И. Менделеев *предсказал* существование и свойства ряда еще не открытых к тому времени элементов. Французский химик Лекок де Буабодран, получивший в 1875 г. элемент галлий, определил, что его удельный вес равен 4,7; Менделеев же, исходя из своих теоретических выкладок, утверждал, что удельный вес этого элемента 5,9, и правда оказалась на стороне гениального русского ученого.

Известно, какое колоссальное значение для лучшего понимания окружающего и предвидения будущего имело и имеет учение Маркса — Энгельса — Ленина.

Вместе с тем должно быть ясно: нельзя относиться к теории «доктринерски и догматически, считая, что ее надо выучить наизусть,— и этого уже достаточно на все случаи жизни» (Энгельс). Теория — это обобщение процессов объективной действительности, орудие познания и преобразования действительности. Поэтому теория и есть самое надежное, самое разумное руководство к действию. Но превращать ее в догму, в абсолют, в «вечную истину» — значит превращать орудие познания в оковы критической творческой мысли, значит идти по стопам церковников и идеалистов.

«Духу марксистской теории глубоко чужды какой бы то ни был догматизм, стремление делать практические выводы и заключения не из анализа жизненных фактов и процессов, а из заученных теоретических положений, когда марксизм — это вечно живое и развивающееся учение — превращается в сумму мертвых, застывших догм. Консерватизм, нежелание или неумение видеть новые исторические условия, новую обстановку, оперирование застывшими, оторванными от реальной жизни формулами неизбежно приводят к банкротству в политике» [1]. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [2],— говорил Ленин. Поэтому важно уметь не догматически, а творчески применять теорию к решению задач, выдвигаемых жизнью.

Говоря о догматизме и необходимости преодоления его, не следует, однако, упускать из виду, что против догматизма выступают и ревизионисты, правые оппортунисты. Признавая на словах марксизм, ревизионисты отвергают экономическую теорию Маркса, его учение о классовой борьбе, социалистической революции, диктатуре пролетариата и фальсифицируют философские взгляды Маркса и Энгельса [3].

Ревизионисты пытаются подорвать основные принципы марксистско-ленинского учения, в частности, учение о диктатуре пролетариата и руководящей роли партии рабочего класса и тем самым ослабить международное единство рабочего движения — единство партий и государств социалистического лагеря.

Поэтому-то и важно, чтобы лектор хорошо разбирался во всех этих вопросах, чтобы он пропагандировал образцы творческого применения марксизма-ленинизма к решению актуальных проблем.

---

[1] См. тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957)».

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 130.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 15—25.

б) Подлинные факты, правильные обобщения и верные выводы

Указанные выше требования, в особенности требование правильного освещения действительности, являются основой основ коммунистической пропаганды в отличие от пропаганды буржуазной, для которой правда вовсе не обязательна. Еще выдающийся английский сатирик Джонатан Свифт писал в романе «Путешествия Гулливера»: «...у нас есть целая корпорация людей, смолоду обученных искусству доказывать при помощи пространных речей, что белое черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это платят. Эта корпорация держит в рабстве весь народ» (ч. IV, гл. 5).

Слова писателя нисколько не устарели и для современности. Об этом свидетельствует, например, полученная из Вашингтона американскими радиостанциями («Свободная Европа» и др.) официальная инструкция под названием «Как составлять пропагандистские радиопередачи». В инструкции говорится: «...Используйте прием натравливания одного народа на другой, одной группы населения на другую, если возможно, большинство против меньшинства. Это очень важно... Всегда стойте на стороне тех... кого вы можете лучше всего использовать для осуществления вашей цели. Если вам некого поддерживать, создайте такого сами» [1].

Одним словом, не правда, а достижение цели — вот что самое главное для буржуазных пропагандистов. И все средства хороши, даже самые безнравственные.

Свойственное буржуазным идеологам и политикам преднамеренное искажение правды привело к тому, что слово «пропаганда» в капиталистических странах то и дело употребляется как синоним обмана, фальшивки, надувательства. Мы же утверждаем, что правда должна быть душой пропаганды. Пропагандист, безразлично относящийся к правде, приносит огромнейший вред народу.

Из сказанного следует, что лектору надо прежде всего оперировать фактами. «Факты — это воздух

---

[1] См. «Правда», 13 сентября 1958 г.

ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши ««теории» — пустые потуги»,— указывал великий ученый И. П. Павлов[1]. Об этом же неоднократно напоминал и основоположник советской литературы М. Горький: «Начинающие литераторы должны особенно крепко усвоить очень простую мысль: идеи не добываются из воздуха, как, например, азот, идеи создаются на земле, почва их — трудовая жизнь, материалом для них служит наблюдение, сравнение, изучение — в конце концов: факты, факты!»[2]

Об этом полезно помнить и лектору. Поэтому, собирая фактический материал, лектор обязан научиться отделять установленные, действительные факты от сомнительных и ложных.

Возьмем, к примеру, миф о Христе. Миллионы верующих считают, что Христос — не литературный образ, созданный евангелистами, а действительно существовавшая личность и что он родился 25 декабря (7 января). Но, как хорошо известно, ни в каких древних книгах день рождения Иисуса не указан. Откуда же взялась дата праздника рождества? 25 декабря было когда-то праздником рождения *Митры* — одного из богов древнейшей Индии, древнего Ирана, а затем Месопотамии, Сирии и др. Позднее культ Митры распространился по всей Римской империи. Некоторые обряды из этого культа перешли потом в христианство, например крещение, причащение, празднование воскресения и др. Ведя борьбу с митраизмом, христиане установили в IV в. праздник рождества Христова, приурочив его к дате праздника рождения Митры. Так что рождение Христа 25 декабря (7 января) — это такая же «правда», как и то, что он рожден девственницей или что он воскрешал мертвых.

Небылиц и нелепостей в религиозных учениях и церковных книгах бесконечное множество. Однако немало их и в светской литературе. Среди писателей и ученых было — а за рубежом имеется и сейчас — много верующих, которые извращали и извращают «данные своей науки, дабы они,— как говорил

---

[1] *И. П. Павлов,* Избранные труды, 1950, стр. 257—258.
[2] *М. Горький,* Собр. соч., т. 25, стр. 325.

Энгельс,— не слишком сильно били по мифам моисеевой легенды о сотворении мира».

Кроме того, важно иметь в виду, что в капиталистическом мире вообще немало людей, заинтересованных не в раскрытии действительных причин явлений в природе и обществе, а, наоборот, в их сокрытии. Эти люди из кожи лезут вон, чтобы представить в ложном свете законы развития человеческой истории. Они усиленно распространяют всякого рода идеалистические концепции, помогающие буржуазии держать трудящихся под своим идеологическим влиянием, ибо идеалистические учения в конце концов приводят к поповщине, а поповщина — к смирению. Как известно, буржуазия использует не только насилие, но и несознательность, неорганизованность и смирение масс.

Итак, собирая фактический материал, необходимо предельно критически пользоваться источниками, отметая все сказки и построения, извращающие истину.

* *
*

Несуразности, извращения фактов встречаются, к сожалению, и в ряде советских произведений, авторы которых были движимы не стремлением познать истину, а побуждениями, весьма далекими от науки.

Как известно, немало извращений фактов наблюдалось в годы, омраченные культом личности. Искусственное возвеличение одного человека неизбежно требовало искусственного умаления многих других и народа в целом. Ввиду этого значительное количество статей, книг, картин того времени содержит неверные данные, неправильные толкования.

Подчас в литературе встречаются ошибки, вызванные тем, что автор что-то забыл, перепутал, не проверил, ибо есть еще писатели и научные работники, которые питаются вымыслами, слухами и сомнительными сведениями, выдавая их за факты [1].

Выступая с непроверенными данными, лектор может оказаться распространителем ложных сведений, неверных толкований, а иногда и попасть в неловкое положение.

[1] На такие «описки» и «обмолвки» неоднократно обращал внимание писателей М. Горький. См., например, Собр. соч., т. 24, стр. 489, 490; т. 25, стр. 134.

К примеру. Лектор утверждает, что, по учению библии, все животные и растения были созданы богом за один день. «Вы ошибаетесь,— летит из аудитории реплика,— по Ветхому завету, растения и животные создавались в течение трех дней!» Лектор краснеет, пытается возразить, ссылается на статью в журнале «Наука и жизнь» № 5 за 1956 г., из которой он черпал сведения о библии, но слушатели продолжают протестовать: «Значит, и в журнале неверно!»

Видите, как можно попасть впросак, оперируя непроверенным материалом.

Правда, допущенная в вышеуказанной статье и в лекции неточность существенной роли не играет, ибо образование растений и животных в три дня — такая же несуразность с точки зрения науки, как и создание их в один день. Но в изложении фактического материала надо быть абсолютно точным, даже в мелочах.

Кроме того, лектору полезно помнить, что и данные науки, цифры, факты, отдельные положения, считавшиеся до определенного времени непреложными, нередко оказываются устарелыми, неверными. К моменту создания Менделеевым периодической системы химических элементов, в 1869 г., их числилось 63, в еще недавно изданной литературе речь идет о 98 элементах, а в середине 1957 г. уже стали известны 102 элемента.

А как изменилась политическая карта мира за последние годы! Даже в Африке — на этом пока еще самом отсталом континенте — за эти годы возникло несколько новых независимых государств: Ливия, Судан, Марокко, Тунис, Гана, Гвинея.

Из всего этого вытекает: 1) любой факт, любая деталь, любое суждение должны быть строго обоснованы и тщательно проверены; 2) они должны непременно соответствовать последним достижениям научной, критической мысли.

* *
*

Однако факт — даже подлинный, неоспоримый — еще не вся правда. Действительность пестра, многогранна. Об этом нам следует почаще напоминать

слушателям, чтобы они не торопились делать выводы и обобщения на основании случайных, отдельных фактов, как это нередко делают люди с ограниченным житейским опытом.

Чтобы знать действительность и верно судить о ней, «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе,— говорит Ленин,— неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня...» [1]

Ясно, что когда факты берутся вне целого, вне связи, когда они отрывочны и произвольны, мы имеем дело с явным логическим упущением. Кроме того, когда не видят сложностей в жизни, бегут от них, прикрывая неприятную правду сладенькими словами, вместо того чтобы мобилизовать все силы для преодоления этих сложностей, то допускают и политическую ошибку. «Народу,— учил В. И. Ленин,— надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза, и он *научится* бороться против неправды». «Правде, как бы она горька ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика» [2].

Словом, если докладчик или лектор имеет склонность обходить факты, противоречащие его целевой установке, и прибегать к примерам, только подтверждающим ее, он совершает грубейшую ошибку: заслоняет правду, притупляет бдительность к недостаткам и дискредитирует себя как пропагандиста. Ведь его слушают люди сообразительные, с определенным житейским опытом, и, если они знают о таком положительном или отрицательном примере, который выпадает из поля зрения оратора, они могут по одной этой причине поставить под сомнение все сказанное им.

Значит ли это, что в лекции или докладе надо уделить внимание и случайным фактам, лишенным социально-типического значения? Нет, не нужно, но

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 266—267.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 310, 307.

именно для того, чтобы слушатели помнили, что не все факты открывают дорогу к истине, стоит подчас мимоходом коснуться и некоторых случайных фактов.

Итак, необходимо, чтобы суждения отражали явления во всей их сложности, во всем многообразии и чтобы это многообразие было освещено без субъективизма, без предвзятости.

К примеру. Мы ведем речь о подъеме общественного животноводства. Приводим цифры. Средний удой от одной фуражной коровы в колхозах составил в 1953 г. 1016 килограммов, а в 1958 г.— 1913 килограммов[1]. Все это говорит о безусловном подъеме молочного животноводства в наших коллективных хозяйствах. Но если сопоставишь эти цифры с данными, скажем, Рязанской области, где в 1958 г. надоено 3200 килограммов молока от каждой коровы[2], то невольно придешь к выводу: во-первых, что 1913 килограммов молока от коровы за год — это еще далеко не предел, во-вторых, что общественное животноводство таит в себе неисчерпаемые возможности для своего развития.

В самом деле. Если рязанские колхозники смогли добиться таких больших результатов в развитии молочного хозяйства, то это, бесспорно, по плечу членам артелей и других областей, тем более тех, где объективные условия для животноводства значительно лучше, чем в Рязанской области. Если колхозам Запорожья за один только 1955/56 хозяйственный год удалось надоить от каждой коровы на 1026 килограммов молока больше, чем в предыдущем году, они вполне могут рассчитывать на то, чтобы не только догнать, но и обогнать в надоях молока колхозы Рязанской области.

Ведь 3200 килограммов молока от коровы тоже не предел. Многие колхозы уже ряд лет получают от коровы по четыре и пять тысяч килограммов молока в год, а некоторые доярки — и по семь-восемь тысяч и выше. (По данным «Правды» от 8 марта 1957 г., знатная доярка Ефросинья Афанасьевна Демиденко из Переяслав-Хмельницкого района Киевской области

---

[1] См. «Правда», 8 февраля 1959 г.
[2] См. «Правда», 14 февраля 1959 г.

надоила в 1956 г. от каждой коровы по 8259 килограммов молока. Одна из ее коров дает даже около 13 тысяч килограммов молока в год.)

Все эти данные, кстати говоря, могут служить доказательством того, что мы имеем полную возможность в ближайшие годы не только догнать, но и значительно превзойти Соединенные Штаты Америки по производству продуктов животноводства на душу населения.

Однако, ведя речь о колхозах, добившихся больших результатов в развитии животноводства, мы непременно должны подчеркнуть, что имеется еще, к сожалению, немало слабых колхозов, которые плохо используют опыт передовых хозяйств, не заботятся об улучшении культуры земледелия, не добиваются серьезного повышения продуктивности общественного животноводства. Есть колхозы, в которых за год надоено от коровы по одной тысяче килограммов молока и даже меньше этого. Отдельные доярки ухитряются получать от коровы столько же молока, сколько от козы...

Освещая объективно факты, опытный лектор следит за тем, чтобы не сбиться на точку зрения равнодушного обозревателя или регистратора этих фактов. Он сумел *критически разобраться* в них, вскрыть причину возникновения тех или иных положительных или отрицательных явлений. Сумеет он и отделить характерное от случайного и несущественного, сосредоточить внимание на действительно решающих фактах, отражая при этом новое, передовое и всемерно помогая его победе. Такой лектор твердо помнит, что его долг — из анализа уметь делать правильные обобщения, верные выводы и применять их на практике.

Так, например, если речь идет о подъеме общественного животноводства, мы должны не только суммировать и сопоставить те или другие данные по надоям молока, но и указать на те факторы, от которых эти данные зависят: 1) племенная работа в колхозе, процент породистых коров; 2) качество кормления скота и содержание его в осенне-зимний период; 3) механизация ферм; 4) соблюдение принципов материальной заинтересованности колхозников в работе: оплата труда не с «коровьего хвоста», а с литров на-

доенного молока; 5) организация труда в уходе за скотом: отсутствие обезлички, доение коров на специальных площадках; 6) укрепление кормовой базы и т. п. Наконец, самые главные факторы — отношение руководителей колхозов к своим обязанностям и общественно-политическая работа среди членов артели. Опыт многих колхозов убедительно показывает, что в год — два можно поднять любой отстающий колхоз, если руководитель всей душой отдастся делу, если он сумеет организовать людей, поднять их трудовую активность, вызвать в них сознательное, социалистическое отношение к работе, к общественному хозяйству, улучшая заодно и благосостояние самого труженика и членов его семьи.

Словом, мы должны вскрыть те причины, от которых зависит уровень продуктивности молочного хозяйства в колхозах, призывая к борьбе за надлежащий рост этого уровня и за снижение затрат на единицу продукции.

Другой пример. Идет, скажем, речь о выращивании кукурузы. Сообщаем, что в 1958 г. сотни звеньев, бригад, колхозов и совхозов ряда областей получили по 700—800, по тысяче и более центнеров зеленой массы кукурузы с гектара. Звеньевые колхозов Львовщины А. Когус, Е. Добрянская, Т. Колыш и другие вырастили на каждом гектаре по 1200—1300 центнеров кукурузы. На участке звена Ольги Ермолич в колхозе «Перемога» Гомельской области с каждого гектара получено по 1380 центнеров зеленой массы и початков.

Как видите, передовые кукурузоводы научились собирать прекрасные урожаи. Однако наши мастера кукурузного дела не очень довольны своими успехами. Они говорят: нельзя же возделывать кукурузу лишь ради зеленой массы, ведь кукуруза — зернофуражная культура и самое ценное в ней — початки. Хорошо бы наряду с высоким урожаем зеленой массы кукурузы получать хотя бы 30—35 процентов початков молочно-восковой спелости.

Возможно ли это? Конечно, возможно. Комсомольско-молодежное звено Бориса Шевелева из колхоза «Новый путь» Ленинского района Курской области в 1958 г. сняло со своего участка по 945 центнеров

зеленой массы кукурузы с гектара, в том числе 336 центнеров початков. Как же оно добилось этого? Об этом Б. Т. Шевелев рассказывал осенью того же года на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке при встрече с работниками сельского хозяйства Венгрии и Чехословакии, прибывшими в СССР, чтобы изучить советский опыт выращивания кукурузы.

Вот краткое изложение рассказа звеньевого:

«Кукуруза на участке звена была посеяна по зяби, вспаханной на глубину 25—27 сантиметров. Сев проведен квадратно-гнездовым способом с междурядьями 70×70 сантиметров. Посевы два раза подкармливались минеральными удобрениями, трижды рыхлились междурядья. Звено провело прореживание посевов, оставив в гнезде два-три растения. После этого кукуруза стала расти очень быстро, хорошо пошли в рост и початки» [1].

К рассказу Шевелева можно прибавить, что полноценные початки кукурузы снимают колхозы и совхозы не только южных и центральных областей, но и Сибири. Так что получить 30—35 процентов початков молочно-восковой спелости — дело вполне возможное.

В таком же духе можно повести разговор о хлопководстве и виноградарстве, о кооперации и торговле, о транспорте и промышленности, о делах здравоохранения и народного образования и т. д. Надо только знать всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, учесть их специфику, критически в них разобраться и сделать правильные выводы для применения их в жизни.

в) Литература, искусство и пропаганда

Литература и искусство играют огромную роль в воспитании и образовании человека. Художественное произведение помогает нам лучше понять себя и окружающих, выражает наши чувства или чувства других людей, отвечает на те вопросы, которые волнуют нас или волновали наших предшественников. Естественно, что для лектора, пропагандиста знание литературы и искусства имеет особое значение. Об этом

---

[1] «Правда», 11 октября 1958 г.

хорошо сказал М. И. Калинин в беседе со студентами 28 мая 1938 г.:

«Вы будете иметь дело с людьми, а беллетристика для общественника все равно, что физиология для медика. Медик изучает человеческое тело, а беллетристика учит познавать людские характеры. В вашей работе знание беллетристики вам поможет в понимании людей. Это помимо того, что она вас вообще разовьет» [1].

Наконец, беллетристика и вообще художественная литература — это ведь богатейший источник, из которого ораторы, пропагандисты, ученые, писатели и др. черпают яркий, убедительный иллюстративный материал для своих положений.

Например, в устных и письменных выступлениях В. И. Ленина упоминаются образы литературных героев или цитируются произведения Крылова и Салтыкова-Щедрина, Грибоедова и Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Гончарова и Тургенева, Некрасова и Островского, Герцена и Чернышевского, Толстого и Достоевского, Писарева и Успенского, Чехова и Горького, Короленко и Вересаева, Надсона и Брюсова, Маяковского и Демьяна Бедного. В. И. Ленин ссылается также на произведения Сервантеса и Шекспира, Мольера и Вольтера, Гете и Шиллера, Гейне и Диккенса, Доде и Дефо, Золя и Барбюса и ряда других русских и иностранных писателей.

Вот почему лектору, пропагандисту и нужно знать художественную литературу и уметь пользоваться ее образами, сюжетами, ситуациями, идеями и средствами выражения для обогащения своих выступлений.

Конечно, не только художественную литературу нам надо знать. Мы должны иметь представление и о важнейших явлениях живописи, скульптуры и других областей искусства, чтобы уметь использовать их в случае надобности (см. в третьей главе разделы «Исторические и литературные образы» и «Литературные изречения, пословицы, поговорки»).

---

[1] *М. И. Калинин.* Вопросы советского строительства, 1958, стр. 663. Интересно также замечание известного английского ученого и общественного деятеля Дж. Бернала: «...многое из лучшего в общественной науке настоящего и прошлого заключено в романах и поэмах, в пьесах и кинофильмах» («Наука в истории общества», 1956, стр. 529).

* *
*

Чтобы лучше ориентироваться в художественном произведении и правильно его толковать, важно помнить, что искусство не подчиняется частному факту, оно выше его. «Искусство,— говорил М. Горький,— есть искусство типизировать, то есть отбирать наиболее общезначимое, наиболее человеческое и из него строить нечто убедительное, непоколебимое» [1].

Если же автор скользит по поверхности жизни, бесстрастно фиксируя всем известные положения, поступки, взгляды, чувства людей, или говорит о действительности предвзято, малюя ее сплошь одной-единственной краской — белой или черной,— такой автор истинно художественного произведения не создаст.

В своем отзыве о романе украинского писателя Винниченко «Заветы отцов» В. И. Ленин писал (в 1914 г.): «По одиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что́ описывает Винниченко. Но соединить их все вместе *таким* образом — значит, *малевать* ужасы, пужать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его» [2].

К сожалению, и в наши дни наряду с настоящими, большими художниками — писателями, живописцами, скульпторами, актерами, режиссерами и т. п.,— запечатлевшими в своих творениях значительные отрезки советского или досоветского бытия во всей его сложности и многогранности, имеются люди, отображающие в своих произведениях нашу современность крайне односторонне, примитивно, неверно [3].

Поэтому лектору необходимо использовать художественные произведения сугубо критически, с разбором, учитывая особенности художественного факта и художественного творчества.

---

[1] Из письма М. Горького к Никифоровой от 2 июня 1910 г. («Литературная газета», 27 марта 1958 г.). Подробнее о типе и типизации см. *М. Горький,* Собр. соч., т. 24, стр. 468 и след.; *А. В. Луначарский,* Статьи о литературе, 1957, стр. 347.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 35, стр. 107.

[3] См. *Н. С. Хрущев,* За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа, Госполитиздат, 1958.

* *
*

Лектор призван раскрывать перед слушателями мир прекрасного, развивая их эстетический вкус, помогая им стать не только умнее и зорче, но и тоньше в понимании человеческих чувств, в подходе к людям. Его долг — воспитывать и развивать у людей благородные привычки и обычаи, каленым железом выжигать хулиганство, пьянство, сквернословие, грубость, невежливость, бестактность. Обязанность лектора — всеми средствами поддерживать естественное стремление человека к познанию, к совершенству форм, к тому, чтобы делать все окружающее лучше, красивее, чем оно есть [1].

Следует, однако, помнить, что помочь человеку стать умнее и чище может только произведение большого, вдохновенного искусства, произведение истинного реализма. Натуралист, рабски копирующий жизнь, добиваясь поверхностного правдоподобия изображения ее, не в состоянии создать произведений, которые проникали бы в разум и сердце человека. Не могут создать таких произведений и формалисты. Выражая свое мимолетное восприятие действительности или свои искаженные представления о ней, концентрируя все внимание на внешней форме предметов или на их отдельных элементах (объеме, фактуре, линии, красках, светотени, звуках...), формалист может в лучшем случае заинтриговать зрителя или читателя, вызвать к себе некоторое любопытство, но никогда не заденет глубокое человеческое чувство.

В самом деле, какие чувства может вызвать, скажем, такая картина: на большом холсте нарисованы смычок, несколько ног, ухо; посредине полотна изображены разноцветные спирали, а в центре его приклеена спираль из жести. На раме внизу надпись: «Портрет скрипача Фрица Крейслера». Художник А. Магарам, видевший этот «портрет» в 1916 г. на интернациональной выставке футуристов в Лозанне, рассказывает:

---

[1] Благородную роль искусства и силу его воздействия хорошо показал Глеб Успенский в рассказе «Выпрямила». См. также *М. Горький,* В людях, гл. V, VIII—XI, и рассказ «Читатель».

«Я стоял в недоумении, тщетно стараясь понять идею картины. Вдруг подошел Владимир Ильич.

— Ну, что, художник, как вам нравится это «гениальное» произведение? — иронически обратился он ко мне. Я ответил, что еще недостаточно разбираюсь в этом направлении искусства, не понимаю его.

— Тут и понимать нечего,— сказал Ленин,— это попросту шарлатанство.

Не успел он окончить свою фразу, как против него ополчились художники-футуристы. Подошел Луначарский, и тут начался интересный спор его с Владимиром Ильичем. Окруженный публикой, Луначарский говорил, что впечатление от личности человека может быть совершенно абстрактным, независимым от его внешности, и что вообще люди по-разному воспринимают впечатления от окружающего внешнего мира, индивидуально, по-своему, что эти впечатления совершенно субъективны, что впечатления каждого индивидуума по-своему интересны и т. д.

Ленин слушал-слушал оратора и вдруг прервал его. Сделав энергичный жест рукой в сторону «Портрета скрипача Фрица Крейслера», Ленин напрямик спросил:

— Скажите, Анатолий Васильевич, откровенно — хотели бы вы, чтобы после вас остался вот такой портрет?

Луначарский засмеялся, он откровенно ответил:

— Нет.

— Вот то-то и оно! — сказал Ленин.— Вот это понятно и ясно всем» [1].

Абстрактная, беспредметная живопись или скульптура — это такая же нелепость, как натуралистические шумовые эффекты в музыке. И то и другое свидетельствует лишь об идейной бедности, испорченности вкуса и производителей и потребителей такого рода искусства [2].

Вместе с тем не должно быть примитивного представления о реализме в искусстве и литературе. Реализм многогранен. Он создавался такими различными

---

[1] «Литературная газета», 22 апреля 1958 г.

[2] См. *М. Горький,* О музыке толстых (Собр. соч., т. 24, стр. 351 и след.).

творческими натурами, как, например, Леонардо да Винчи и Микеланджело, Рембрандт и Рубенс, Гойя и Давид, Суриков и Репин, Левитан и Серов. Реалистами были Шекспир и Мольер, Сервантес и Свифт, Пушкин и Гоголь, Толстой и Достоевский, Чехов и Горький, Марк Твен и Шолом-Алейхем и многие, многие другие неповторимые мастера. Изображая действительность, жизненную правду, художник-реалист, исходя из своего идейного замысла, зачастую сгущает краски, несколько видоизменяет отдельные детали в вещах, людях, природе, прибегая порой к гиперболам (преувеличениям), к вымыслу и фантастике, к аллегорическим и всяким иным условным образам [1].

Стало быть, важно уметь отличить реализм не только от формализма, но и от эмпирического натурализма с его ограниченным кругозором и мещанским приспособленчеством к отсталым вкусам. Реализм, а в особенности социалистический,— это не сумма определенных внешних приемов, позволяющих добиться поверхностного правдоподобия изображения жизни, а метод познания и художественного раскрытия жизненной правды в ее диалектическом развитии. Социалистический реализм — это реализм, обогащенный социалистической идеологией, реализм, который вступил в бой за переделку мира.

Вот почему в лекционной работе следует вести борьбу против натурализма и формализма, за большое искусство, за искусство социалистического реализма, которое должно правдиво изображать жизнь во всей ее полноте, конфликтах и противоречиях, поддерживая все передовое, отметая все консервативное и реакционное, утверждая новые нравы, социалистическую мораль, пропагандируя идеалы коммунизма.

* *
*

Искусство служило и служит могучим орудием пропаганды и агитации. Искусство вызывает высокие и добрые чувства, сплачивает людей ради более продук-

---

[1] «Фантазия, лишенная разума, производит чудовищ; соединенная с ним, она — мать искусства и источник его чудес» (Гойя).

тивного и радостного труда и отдыха, прославляет жизнь, украшает быт. Искусство организует национальное или классовое сознание для борьбы с врагами, с тиранами, с церковными мракобесами, с крепостными режимами и произволом. Посредством искусства пропагандировали желания, идеалы, в том числе и идеал гармоничного развития телесной и духовной красоты человека, идеал более разумного и справедливого общественного устройства и т. п. Но к искусству прибегали и в противоположных целях: для восхваления тиранов и мракобесов, для прославления аскетизма и смирения, для порицания прогрессивных стремлений, для борьбы с революционными идеями. К искусству нередко обращались и в целях поддержания самых низменных побуждений человека: чревоугодия, пьянства, сладострастия.

К сожалению, и поныне в капиталистических странах очень развито искусство, ставящее себе задачу не просвещать народ, а, наоборот, темнить его ум, засоряя его сознание вредными идеями или усиленно развлекая его безыдейными зрелищами, трюкачеством. Пальма первенства принадлежит, конечно, Америке. Ее кинофирмы создают массу пустых картин, часто с обильной сексуальной начинкой.

Итак, лектор призван развивать эстетический вкус слушателя, учить его понимать и ценить настоящее искусство — этот огромный источник познания, воспитания и эстетического наслаждения, этот могучий фактор воздействия на психику человека. Тем самым лектор поможет слушателю воспитать в себе органическое отвращение ко всему некрасивому в быту, в сознании; поможет воспитать нового человека, в котором должны гармонически сочетаться духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство.

Чтобы справиться со всеми указанными здесь задачами, лектору необходимо серьезно заняться изучением литературы и искусства, ибо для верного понимания и толкования художественного произведения нужна основательная подготовка. Это только кажется, что произведения искусства совершенно доступны всякому. Поучительна запись Л. Н. Толстого в дневнике от 4 января 1857 г.: «Статья (Белинского.— *Э. Ф.*) о Пуш-

кине — чудо. Я только теперь понял Пушкина» [1]. Вы видите, что даже Л. Н. Толстому поэт не сразу давался. Что же говорить о рядовых читателях или о писателях, более трудных для понимания, чем Пушкин? А живопись, скульптура, музыка, балет и другие виды искусства разве так уж доступны? Нет, литература и искусство не даются легко и сразу. Они требуют определенного уровня культурного развития, творческих усилий со стороны читателя, слушателя, зрителя, а нередко и очень больших усилий, чтобы по-настоящему понять замысел художника и уметь отличить истину от фальши, глубокие чувства от показного драматизма, уметь отличить прекрасное от дешевеньких прикрас.

г) Объективность и партийность

Давая слушателю представление о науке, о ее методах, помогая ему вникнуть в подлинную сущность определенного количества фактов, раскрывая перед ним как можно полнее и объективнее действительность и ее прогрессивные тенденции, лектору важно уметь повлиять на слушателя таким образом, чтобы у него появилось и росло желание содействовать этим тенденциям, не надеяться на самотек в развитии, не оставаться равнодушным к борьбе между старым и новым, между реакционным и передовым, между злом и добром.

«Равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть» [2]. А еще чаще «равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует... Кто равнодушен в современной Европе к господству буржуазии,— писал Ленин еще в 1905 году,— тот молчаливо поддерживает буржуазию... Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба» [3].

Словом, слушатель должен знать, что политическое безразличие, беспартийность — это идея буржу-

---

[1] *Л. Н. Толстой,* О литературе, 1955, стр. 40.
[2] Слова героя повести А. П. Чехова «Скучная история».
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 10, стр. 61.

азная, а «партийность есть идея социалистическая»[1]; что материализм, как указывал Ленин еще в работе «Экономическое содержание народничества» (1894 г.), «включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[2].

Но позвольте, скажет читатель, нет ли здесь неувязки? С одной стороны, требование объективного раскрытия действительности, а с другой — необходимость содействия тенденциям, *партийность!* Конечно, здесь нет противоречия. Раскрывая перед слушателем прогрессивные тенденции исторического развития, лектор не только выполняет партийную задачу, но наиболее последовательно отражает неумолимый закон истории, полнее и глубже, чем в самом «объективном», «нейтральном» изложении.

Об этом хорошо сказано в работе «Экономическое содержание народничества»: «...материалист (в данном контексте то же, что марксист.— *Э. Ф.*)... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»[3].

* *
*

Здесь все время шла речь о партийности сознательного авангарда рабочего класса. Именно эта партийность ведет к максимально правильному, объективному, научному освещению действительности. Совсем другое дело — партийность эксплуататорских классов, в частности буржуазии.

Конечно, и класс капиталистов в большой степени заинтересован в том, чтобы толкать науку вперед, дабы собрать как можно больше достоверных сведений об окружающем мире. Но вместе с тем интересы этого класса требуют подчас не раскрытия законов

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 10, стр. 61.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 380—381.
[3] Там же, стр. 380.

развития природы и общества, а, наоборот, их сокрытия.

В период упадка феодализма и становления капитализма, т. е. в период роста крупных городов, развития промышленности, торговли, сельского хозяйства, военной техники, мореплавания и т. п., буржуазии нужна была наука, которая исследовала бы свойства предметов, материалов и формы проявления сил природы. Кроме того, перед наукой ставилась задача помогать буржуазии в ее длительной и упорной борьбе против главной опоры феодализма — против церкви, державшей в своих руках огромнейшие территории и требовавшей беспрекословной приверженности к старине. В этот период лучшие умы буржуазии, ее интеллигенция — ученые, писатели, художники, мореплаватели и другие деятели, побуждаемые интересами и потребностями восходящего класса, сыграли огромную роль в накоплении множества достоверных фактов, общетеоретических выводов, проверенных и доказанных практикой законов. Вместе с тем немало было сделано и для подрыва доверия к церковным догмам и богословской схоластике.

Так, например, польский астроном Николай Коперник (1473—1543 гг.) обосновал теорию, по которой не Земля, а Солнце находится в центре планетной системы; таким образом были опрокинуты многие ложные церковные идеи, в том числе и идея о разделении мира на две резко различные части: на чистое и совершенное небо и грязную, несовершенную землю.

Английский философ Френсис Бэкон (1561—1626 гг.) призывал изучать природу, выводить ее законы из наблюдений, сравнений и экспериментов, опираясь на возможно большее количество подлинных фактов; тем самым был нанесен чувствительный удар богословскому догматизму, который исходит из непроверенных, неизменных, раз навсегда данных начал (догматов), принимаемых за непреложные истины.

В период становления капитализма ученые, писатели, художники, политики, возродив на новой основе прогрессивные идеи, литературные традиции и творческие принципы античной эпохи, сделали очень много для изучения и раскрытия природы и характера человека. Они высмеивали духовенство, феодалов,

схоластическое мудрствование, сословное неравенство, церковную мораль, аскетизм, проповедовали научное знание, ратовали за просвещение, прославляли жизнь, свободу мысли и чувства.

Но как только буржуазия одерживает победу над феодалами в том или другом государстве, как только она начинает чувствовать мощь своих противников с другого фланга — трудящихся масс, она начинает изменять прогрессивным идеям, ищет опору в остатках феодализма и других силах реакции. Она прибегает к помощи религии, которая насаждает превратные, антинаучные представления об окружающем мире, представления, которые отвлекают трудящиеся массы от насущных задач классовой борьбы.

Конечно, и при полном своем господстве класс капиталистов вынужден развивать науку, что заставляет буржуазных ученых судить объективно о многих вещах в области фактических специальных исследований. Но зато в оценке *общественных* явлений и в вопросах философии буржуазный класс и зависящая от него буржуазная наука не в состоянии быть объективными, ибо «объективная истина,— как справедливо отметил А. В. Луначарский,— противоречит интересам и самому существованию буржуазии» [1].

Тем более буржуазия не в состоянии быть объективной, когда ее могильщик — пролетариат начинает выступать активно, организованно, ведет борьбу за власть, добивается своей власти сперва в одной стране, а затем в ряде стран, создавая социалистическую систему государств, которая одним своим существованием подтачивает устои капитализма.

По этой же причине и оппортунисты — современная социальная опора буржуазии — не терпят объективного освещения ряда явлений наших дней. Вот один из многих примеров. Артур Линдхольм, председатель профсоюза неквалифицированных рабочих одного из районов Копенгагена и депутат коммунального совета от социал-демократической партии, опубликовал статью о своих впечатлениях от поездки в Советский Союз. В этой статье автор описал, как он заявил, только

---

[1] *А. В. Луначарский*, Статьи о литературе, 1957, стр. 26; см. также *Дж. Бернал*, Наука в истории общества.

то, что видел собственными глазами, и старался передать все виденное как можно более объективно. За опубликование статьи Линдхольм решением руководства социал-демократического союза избирателей исключен из списков кандидатов в коммунальный совет[1].

Быть объективным во всем: и в оценке общественных явлений, и в вопросах познания — это по плечу только тем, кто не боится правды жизни, кто вооружен марксизмом-ленинизмом — теорией восходящего рабочего класса, основанной на прочном фундаменте знаний, выработанных человечеством за всю его историю, теорией, в которой объективность и партийность органически слиты.

Излагая науку партийно, с точки зрения интересов рабочих, трудящихся, лектор выступает как защитник самого передового в истории, так как интересы рабочего класса и трудящихся масс совпадают с насущными интересами всего общественного развития, всего человечества.

* *
*

Все, что выше говорилось о тенденциях и партийности, надо иметь в виду и в лекции по вопросам литературы и искусства.

«Поэзия начинается там,— писал В. В. Маяковский,— где есть тенденция». Настоящий художник всегда к чему-то стремится, от чего-то отворачивается. Он небезразличен к явлениям жизни, выражая это в том, что какую-то действительность он принимает, пропагандируя ее положительные стороны, а другую действительность он отвергает, выявляя ее отрицательные моменты. Чем художник глубже, ярче, тем определеннее он в своих стремлениях, и, чем он определеннее в своих стремлениях, тем рельефнее образы его произведений. Вот почему творения большого художника — пейзажи, действующие лица, их думы, поступки, чувства и отношения — задевают всегда за живое, возбуждая известные настроения, мысли, желания, заставляя любить или ненавидеть все то, что любит или ненавидит творческая душа художника.

---

[1] «Комсомольская правда», 5 марта 1958 г.

Словом, литература и искусство по своей природе тенденциозны. Так называемое «чистое искусство» или «свободное искусство», которое то и дело превозносят отдельные представители западной интеллигенции, далеко не чисто и совсем не свободно; оно тоже полно тенденциозности, партийности, но плохой, вредной, реакционной. Даже в тех случаях, когда художник замыкается в себе, отворачивается от социальных проблем, наполняет свое произведение совершенно безыдейным содержанием или воспевает жизнь тарзанов, бегство в лес, он служит своим творчеством определенным социальным силам. Сознает ли это художник или нет — дело второстепенное; важно то, что направленностью, идейностью или безыдейностью своих произведений он помогает тому или другому классу, той или другой партии.

Всякое разглагольствование о «чистом» или «свободном» искусстве в буржуазном мире — это недомыслие, а еще чаще лицемерие. Вспомним замечательные слова В. И. Ленина из статьи «Партийная организация и партийная литература» (1905 г.):

«В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,— не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопо-

ставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу»[1].

Эти слова В. И. Ленина, как и все вышеизложенное о партийности и тенденциозности в художественном творчестве, приобретают еще большее значение в наши дни, когда литература и искусство призваны показывать великую преобразовательную деятельность советского народа, когда в мире «идет ожесточенная борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной, и в этой борьбе не может быть нейтральных»[2].

2. РАСПОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИАЛА СОГЛАСНО ТРЕБОВАНИЯМ МЕТОДИКИ

а) От простого и известного к сложному и неизвестному

Любую тему важно сделать по возможности не только конкретной, но и насущной, злободневной, близкой интересам аудитории.

Приведем такой пример.

В 1917 г. старый казак вступил в разговор с солдатом, оказавшимся большевиком. «А что такое, собственно, большевики?» — задал вопрос казак. Солдат вместо ответа спросил: «А ты воевать хочешь?» — «Не хочу»,— ответил станичник. «Ну, значит, ты большевик,— решил солдат.— А земли хочешь?» — «Хочу».— «Значит, ты опять большевик!»[3]

Конечно, солдат очень упростил вопрос. Хотеть земли и быть против войны еще не значит (и в 1917 г. не значило) быть большевиком. Но в разгар революционных сражений, при полном обнажении классовых противоречий, когда перед нашим солдатом-большевиком стояла чисто агитационная задача — повлиять непосредственно на своего собеседника, направляя его волю к определенным действиям,— такое упрощение было, пожалуй, уместным, законным.

Естественно, в другое время, при других обстоятельствах, с другим собеседником наш солдат дал бы

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 10, стр. 30.

[2] *Н. С. Хрущев,* За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., изд. III, т. XXII, стр. 604, примечание 111.

более полный, более многосторонний ответ на вопрос «Что такое большевики?» Однако и здесь, в разговоре с казаком, он неплохо справился со своей задачей, показав нам пример, как можно сделать предмет речи злободневным и близким интересам слушателя.

Чтобы сделать тему актуальной, интересной, доступной, следует прежде всего расположить материал по принципу от простого к сложному, от известного (знакомого) к неизвестному, от близкого и конкретного к далекому и отвлеченному.

Покажем осуществление этих методических требований на примере. Возьмем отрывок из речи Ф. Энгельса на могиле К. Маркса (17 марта 1883 г.):

«Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор» [1].

Здесь мы видим, как Ф. Энгельс, напоминая слушателям о некоторых простых и общеизвестных фактах, подводит их к сложному и отвлеченному вопросу.

Правда, указанный принцип расположения материала — от простого к сложному — не всегда соблюдается. Нередко, особенно в академических источниках, материал излагается в обратном порядке: не *индуктивно,* не от частного к общему, а *дедуктивно* — от общего к частному. Такое размещение материала имеет и свои положительные стороны. Больше того, в научной литературе нередко обходятся вообще без

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 157.

конкретных иллюстраций, пользуясь одними лишь обобщениями. Однако в популярной лекции желательно как можно чаще применять индукцию, излагая материал согласно методическим указаниям, опираясь на жизненный опыт слушателя, легче воспринимающего общее и отвлеченное через частное и конкретное.

Соблюдение требований методики необходимо в особенности тогда, когда речь идет об очень сложном и трудном предмете. Допустим, что предмет нашей речи — материя. Как подойти к этой теме, с чего начать разговор? В Малой советской энциклопедии (2-е изд.) статья «Материя» начинается следующими словами:

«Материя (лат. materia — вещество) — «философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (*Ленин,* Соч., т. XIII, стр. 105—106). Ленинское определение материи направлено как против идеализма, отрицающего не зависимую от сознания, от идеи объективную реальность, так и против агностицизма, с его учением о невозможности познать сущность мира»... и т. д.

Можно ли таким же образом начать разговор в массовой аудитории? Конечно, нет. Данное начало слишком отвлеченно, с большим количеством трудных понятий, требующих разъяснения. Цитируемое ленинское определение взято из большого философского труда «Материализм и эмпириокритицизм», где оно дано после детальнейшего рассмотрения вопроса, вслед за большим количеством утверждений, возражений, анализов и выводов, подготовивших читателя к обобщающей формулировке. Но начать тему с такого определения, да еще в массовой аудитории,— значит идти против методических указаний Ленина, учившего, что надо *ввести читателя (слушателя) в вопрос,* что надо «начать с самого простого, обычного, массовидного», добиваясь того, чтобы неполное, неточное знание становилось более полным и более точным [1].

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 36, стр. 224, 324—328.

«Чтобы понять,— указывал Ленин,— нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему» [1].

Однако эти советы Ленина зачастую игнорируются многими лекторами, пропагандистами. Так, на одном заводе речь на тему «Что такое материя» молодой лектор начал с цитирования вышеприведенной формулировки Ленина, нисколько не подготовив к ней слушателя. Когда потом, в частной беседе, лектору было указано на его методические оплошности, он сослался на статью в «Комсомольской правде», по следам которой он и шел в своем изложении. Пришлось показать, что и автор статьи допустил методическую ошибку. Он, видимо, забыл, что пишет для массовой юношеской газеты, что надо писать популярно, а это значит, говоря словами Ленина, подвести «читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных...» [2] Будь начало статьи «Что такое материя» написано более доходчиво, в духе ленинских методических высказываний, она принесла бы значительно больше пользы, нежели опубликованный текст.

Опытные пропагандисты знают: только то, что человеку хоть немного знакомо, возбуждает в нем жажду дальнейшего знания. Это положение необходимо помнить в особенности массовому лектору, который должен уметь приковать к себе внимание большой аудитории на довольно длительное время.

Итак, хочешь добиться активного внимания слушателя, будь чуток к нему; излагая тему, учитывай его интересы и подготовку; отталкивайся от фактов, ему известных, но неполностью осознанных.

Чтобы показать более правильный с точки зрения методики вариант изложения материала по интересующей нас теме, приведем начало статьи «Материя» из Краткого философского словаря под редакцией М. Розенталя и П. Юдина (1954 г.):

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 178.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 285.

«Материя.— Мир по природе своей материален. Наблюдаемое многообразие явлений в природе представляет собой различные формы движущейся материи. Материя есть единственный источник и последняя причина всех процессов в природе. Атом, живая клетка, организм, мыслящий человек суть разнообразные виды материи. Материя вечна во времени и бесконечна в пространстве. Она не исчезает и не создается вновь... материя только меняет свои формы» и т. д.

Разумеется, и этот вариант можно сделать еще доходчивее, возможны и многие другие конструкции, но бесспорно одно: в данном изложении читатель (слушатель) разберется в обсуждаемом вопросе скорее и основательнее, чем в приведенном ранее, и это потому, что здесь авторы не упустили из виду методических требований, располагая материал по принципу «от известного к неизвестному».

Соблюдение методических принципов имеет большое значение не только на начальной стадии размещения и изложения материала. В массовой лекции, которая читается обычно после трудового дня, в аудитории, где немало людей, привыкших более или менее к конкретному и практическому мышлению, очень важно, чтобы все изложение было в основном построено по принципу показа сложного в простом и объяснения неизвестного через известное.

Этим принципом полезно руководствоваться всем лекторам, в том числе и читающим лекции в высшей школе, ибо многие из них излагают свой предмет излишне трудно, абстрактно, вызывая справедливые нарекания студентов, в особенности первых курсов. Тем более показ сложного в простом и объяснение неизвестного через известное обязательны для массового лектора. Ведь в лекции без больших обобщений и отвлеченностей не обойтись. Нельзя скатываться к узкому практицизму, к отходу от обобщений. Надо уметь подводить слушателя от усвоения конкретного к усвоению общего, в частности к усвоению основных законов и положений марксистско-ленинской теории. Надо приобщить слушателя к научному мышлению, показав ему, *как делается наука.* Чтобы с этим спра-

виться, чтобы приблизить большие отвлеченности, научные категории к пониманию слушателя, нужно подавать их на фоне простых и общеизвестных фактов, вскрывая попутно и в этих фактах нечто новое, поучительное, слушателю еще неизвестное.

В качестве образца такой подачи научного материала приведем выдержку из работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»:

«В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали характера товаров. Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и жизненные средства. Производить на продажу она начала только тогда, когда стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодальному господину; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром» [1].

Из сказанного, однако, не следует, что в лекции фактический материал должен всегда предшествовать обобщениям. Возможен и обратный порядок: начинают с *определения понятия,* а затем раскрывают и уточняют это определение; или выставляют положение в виде краткого, доступного тезиса, а потом его развивают, дополняя фактами, анализом и т. п. См., например, статью «Товар» в Политическом словаре, в Большой советской энциклопедии или в Малой советской энциклопедии.

Примером прекрасного популярного изложения научного материала могут служить: работа К. Маркса «Наемный труд и капитал», в основу которой положены лекции, читанные Марксом в 1847 г. в Брюссельском немецком рабочем обществе; статья Ф. Эн-

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 132.

гельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»; лекция В. И. Ленина «Война и революция», читанная в 1917 г. (Соч., т. 24); цикл лекций К. А. Тимирязева в книге «Жизнь растения». Для массового лектора особый интерес в этом цикле представляет построение последней лекции — «Растение как источник силы». См. также *А. Е. Ферсман,* Занимательная минералогия.

б) Методика определения

Слово *определение* применяется в логическом смысле и в грамматическом значении. Дать определение в логическом смысле — это значит прежде всего подвести одно понятие под другое, более *общее.* Например: банан — растение, пингвин — птица, бронза — сплав. Однако такие определения слишком расплывчаты. Чтобы логическое определение (логическое сказуемое) сделать более полным, более точным, следует указать не только наиболее общие, но и наиболее характерные *отличительные* признаки данного предмета или явления. Для этой цели в логическое определение зачастую приходится включать определения грамматические (атрибуты), т. е. слова, отвечающие на вопросы «какой?», «чей?» или «который?»

Например: банан — пальмообразное тропическое растение с огромными листьями, плоды которого похожи на пальцы; или: банан — плод тропического растения, состоящий из мучнистой, сладкой, ароматичной мякоти и толстой кожуры, формой похожий на палец; и т. п.

Давая определение, важно следить за тем,

1) чтобы оно было доступно данной аудитории;

2) чтобы оно действительно помогло слушателям отличить определяемый предмет от сходных с ним предметов и узнать его характерные признаки;

3) чтобы указываемые признаки выражали сущность определяемого предмета, его существенные стороны.

Возьмем такое определение: ромб — это параллелограмм с равными сторонами. Определение, конечно,

правильное, но для многих слушателей непонятное. Поэтому в ряде случаев лучше сказать, что ромб — четырехугольник, у которого все стороны равны между собой. Однако данное определение еще не гарантирует слушателя от ложных толкований. Поэтому полезно, во-первых, *показать* ромб, во-вторых, отграничить его от сходных фигур, в частности от квадрата (а когда речь идет о квадрате, следует указать на признаки, отличающие его от ромба и прямоугольника вообще).

Нередко, чтобы лучше оттенить понятие, вместе с ним определяют и его противоположность, как, например, у Б. Спинозы в «Этике»: «Все то, что способствует их благосостоянию... люди назвали *добром*, противоположное ему — злом».

Или, например, у Г. В. Плеханова в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»: *«Материализм* есть прямая противоположность *идеализма.* Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или другими свойствами *материи,* той или другой организацией человеческого или вообще животного тела. Все те философы, в глазах которых первичным фактором является *материя,* принадлежат к лагерю *материалистов;* все же те, которые считают таким фактором дух,—*идеалисты»* [1].

Многие предметы требуют большого, сложного определения. В таких случаях опытный лектор сперва выделяет определяемый предмет из ряда других предметов, а затем, в процессе изучения, вскрывает и его существенные черты, резюмируя сказанное определением или соответствующим выводом. См., например, расположение материала в работе В. И. Ленина «Карл Маркс» (1914 г.).

Характер даваемого определения, его бо́льшая или меньшая полнота зависят от состава слушателей или читателей, от цели и установки говорящего, от точки зрения, с которой рассматривается предмет.

---

[1] *Г. В. Плеханов,* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1949, стр. 11.

Сравните, например, определения понятия «класс» у В. И. Ленина в трех следующих местах:

1. В работе «Великий почин» (1919 г.): «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (т. 29, стр. 388).

2. В заключительной речи при закрытии VII Всероссийского съезда Советов (1919 г.): «...классы — это такие группы, из которых одна может жить трудом другой, одна присваивает себе труд другой» (т. 30, стр. 227).

3. В речи на III Всероссийском съезде РКСМ (1920 г.): «А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем классы капиталистов и пролетариев» (т. 31, стр. 267).

Мы здесь видим, что все три определения пронизаны одной и той же центральной идеей, но формулировки у них разные. Таким же образом следует поступать и лектору. Для определения тех или других понятий он подыскивает соответствующие формулировки, учитывая по мере возможности состав слушателей, предмет речи и другие обстоятельства. Вообще говоря, в лекции надо стараться давать как можно более короткие определения, подытоживающие главное[1]. Естественно, что к определениям следует прибегать только в тех случаях, когда они действительно

[1] Об определении, принципах и методике определения см. *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 133; т. 31, стр. 71—72.

необходимы. Нелепо давать определение тому, что ясно само по себе [1].

Наряду с определением, указывающим наиболее существенные отличительные признаки предмета (процесса, явления), нередко приводятся и *характеристики* предмета, отмечающие лишь ту или другую сторону его, важную для данного случая. Сравните, например, следующие выдержки из работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.):

1. «...не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» (т. 22, стр. 253).

2. «Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе» (стр. 283).

3. «Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный, или, вернее, умирающий капитализм» (стр. 288).

---

[1] Любителей таких определений высмеял Чарльз Диккенс в романе «Тяжелые времена», гл. II.

В первой выписке дано *определение* империализма, а в следующих двух — лишь небольшая *характеристика* тех или других свойств империализма.

А в письме Ленина к Инессе Арманд от 19 января 1917 г. подчеркивается другая сторона империализма — что он «есть канун социализма».

Подобными характеристиками в лекционной пропаганде приходится пользоваться довольно часто. Кроме того, опытный лектор, как и опытный писатель, применяет еще и образные характеристики или сравнения, как это делается обычно в художественной литературе. Например, у Л. Н. Толстого: «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает»... «Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям» [1].

Чтобы резче оттенить разницу между чисто логическим определением и образной характеристикой, сопоставим две формулировки М. Горького о литературном типе:

1. «Тип — это синтез множества отдельных черт, присущих людям той или иной породы: лавочникам, монахам, полицейским и т. д.»;

2. «Что значит тип у большого писателя?.. Это творог, выжатый из молока, это нечто сквашенное, нечто сжатое» [2].

Само собой разумеется, что в одном случае требуется логическое определение (полное или частичное), в другом — образная характеристика, а в третьем не мешает применить и то и другое.

Определения и характеристики могут иметь различные формы. Например:

1. «...мы всегда говорили и говорим, что меньшевики — правое крыло с.-д., склоняющееся к оппортунизму, т.-е. к забвению прочных, существенных, коренных интересов пролетариата ради интересов минуты, ради кажущихся возможностей «приспособиться» к минутным настроениям, положениям и отношениям» (В. И. Ленин) [3].

2. «Революции — локомотивы истории» (К. Маркс).

---

[1] *Л. Н. Толстой,* О литературе, 1955, стр. 133, 310.
[2] *М. Горький,* Собр. соч., т. 26, стр. 88, 64.
[3] Здесь дано определение и *меньшевикам* и *оппортунизму.*

3. «...все, что содействует развитию и победе пролетарского дела, есть благо, все, что вредит,— есть зло» (А. В. Луначарский).

4. «Пища служит источником силы в нашем организме потому только, что она — не что иное, как *консерв солнечных лучей»* (К. А. Тимирязев).

Определение или характеристика указывает порой не только на что похож предмет, но и на что он не похож. Например: «Социализм не религия, он основан на разуме и на совести, на науке и на присущем человеку чувстве справедливости» (И. Эренбург).

Или такой пример — из письма А. П. Чехова к А. С. Суворину от 7 мая 1889 г.: «...материалистическое направление — не школа и не направление в узком газетном смысле; оно не есть нечто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно и не во власти человека. Все, что живет на земле, материалистично по необходимости... Существа высшего порядка, мыслящие люди — материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи... Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины».

Определения или характеристики, заключающие в себе и положительные и отрицательные (негативные) утверждения о предмете речи, делают его более рельефным, поэтому данной форме следует отдать предпочтение, особенно тогда, когда требуется отграничить одно понятие от другого или от ряда других.

в) Выделение наиболее важных положений

Хорошая лекция обычно содержит не только богатый фактический материал и ряд поучительных определений, но и много теоретических суждений, интересных выводов. Иной раз лекция начинается именно с того, что выставляют определенное положение в виде краткого тезиса, а потом его развивают, дополняя конкретными данными.

Для выделения наиболее важных положений и для лучшего закрепления их в памяти слушателя тезис,

выставленный в начале высказывания (главы, раздела, пункта...), в том или другом виде полезно *повторить* и в конце изложения.

К примеру. Вы развиваете мысль о том, что мир познаваем, что так называемый скептицизм не выдерживает никакой критики, как не выдерживает ее и разновидность скептицизма — агностицизм. Вы говорите: конечно, в мире еще очень много непознанных вещей. Однако утверждать, что они никогда не будут известны, мы не имеем оснований. Стоит только сравнить наше познание действительности с тем, что думали о ней наши деды и прадеды, чтобы увидеть, каких огромных успехов человечество достигло в раскрытии тайн природы. Благодаря этим успехам люди научились добывать разными способами чудодейственный огонь, консервировать продукты, культивировать растения, добывать и обрабатывать металлы, строить огромнейшие здания и мосты, создавать сложнейшие машины и точнейшие приборы. Благодаря своим познаниям люди могут говорить друг с другом через расстояния в тысячи километров, летать по воздуху, плавать под водой, превращать течение воды в электроэнергию, получая таким образом из воды тепло и свет. Именно знание природы вещей дает нам возможность добывать из дерева спирт, скипидар, бумагу, искусственный шелк, глюкозу и многое другое, а из нефти — парафин, асфальт, синтетический каучук, искусственное волокно и ряд других продуктов. Да, именно потому, что многие вещи постигнуты, проанализированы и даже воспроизведены или созданы в новом качестве, человечество ставит перед собой все более дерзновенные задачи и осуществляет их.

Чтобы усилить доказательства, вы предлагаете слушателям вспомнить, какие величайшие открытия сделаны наукой и претворены в жизнь хотя бы за последние 50—60 лет!

В силе человеческого разума нас в особенности убеждают достижения науки в СССР. Давно ли Россия была одной из самых отсталых стран в Европе? Теперь же Советский Союз во многих областях знаний обогнал Европу и США. В Советском Союзе с 1954 г. работает первая в мире атомная электростанция. У нас построен самый мощный в мире ускоритель частиц — синхрофа-

зотрон. Осуществлен запуск межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты, летающей на больших, еще до сих пор не достигавшихся высотах и способной выходить в заданную точку земного шара. А успешным запуском искусственных спутников Земли и космической ракеты советские ученые и техники поразили весь мир, доказав, какие гигантские возможности таятся в советском общественном строе и на что способны дерзкий разум и умная рука трудового человека.

Из всего этого явствует, что утверждения скептиков и агностиков о непознаваемости мира и слабости человеческого разума совершенно несостоятельны.

Таким образом вы возвращаетесь к исходной мысли о том, что существующий мир познаваем, что силами науки и практики будет раскрыто и все то, что еще покрыто мраком неизвестности.

* *
*

Вывод (обобщение) в начале или в конце высказывания можно иногда делать *по ступеням:* сперва более многословный, а затем крайне сжатый, лаконичный. Например, у В. И. Ленина в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»: «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому,* лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса» [1].

Такое резюмирующее, краткое, многозначительное выражение, будучи понятным благодаря предыдущим разъяснениям, глубже запечатлевается в сознании слушателя (или читателя) и лучше запоминается. Такая

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 65.

форма изложения имеет и определенное воспитательное значение: она приучает к выводам, к обобщениям.

В ряде случаев изложение материала (темы, подтемы, пункта...) желательно закончить образным обобщением или каким-либо афоризмом, изречением. Например, у П. Лафарга: «Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий, и он превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Маркса можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и неизменно получался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления» [1].

Или, например, у М. Горького: «Командующий класс насильников и хищников может признавать истинным только те понятия, идеи, теории, которые классово полезны ему и защищают, утверждают его «право» бессмысленной эксплуатации, бесполезной растраты физической энергии рабочего класса. Разумеется, это естественно, и было бы крайне наивно надеяться, что когда-нибудь капиталисты могут признать свои действия, понятия, идеи — ложными и пагубными для трудового народа. Нет, лиса и волк вполне довольны своей шкурой, а палач сам себе голову не рубит» [2].

Чтобы лучше оттенить свои положения (определения, обобщения, выводы, лозунги и т. п.), порой полезно сопоставить их с высказываниями противников. Прекрасные образцы таких сопоставлений лектор найдет в сочинениях В. И. Ленина. См., например, листовку «Три конституции или три порядка государственного устройства» (1905 г.), брошюру «Политические партии в России и задачи пролетариата» (1917 г.), «Тезисы по поводу декларации Временного правительства» (1917 г.) [3].

---

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 68.

[2] *М. Горький*, Собр. соч., т. 26, стр. 331—332.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 8, стр. 521; т. 24, стр. 72; т. XXX (III изд.), стр. 352.

г) Наглядность

Для приближения трудного материала к восприятию слушателя прекрасным средством являются хорошие примеры, удачные сравнения, особенно примеры и сравнения, взятые из обыденной жизни.

Приведем отрывок из работы Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы». Разбирая и разъясняя положения Гегеля о «диалектическом методе мышления», автор «Очерков» пишет: «...все зависит от обстоятельств, от условий места и времени... каждый предмет, каждое явление имеет свое собственное значение, и судить о нем должно по соображению той обстановки, среди которой оно существует; это правило выражалось формулою: «отвлеченной истины нет; истина конкретна»...» Но Чернышевский, видимо, не удовлетворен своими разъяснениями, он чувствует, что они еще не совсем доходчивы, а потому в специальном примечании он прибегает к такому примеру:

«...Благо или зло дождь?» — это вопрос отвлеченный; определительно отвечать на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, приносит вред; надобно спрашивать определительно: «после того, как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь,— полезен ли он для хлеба?» — только тут ответ ясен и имеет смысл: «этот дождь был очень полезен».— «Но в то же лето, когда настала пора уборки хлеба, целую неделю шел проливной дождь,— хорошо ли было это для хлеба?» Ответ также ясен и также справедлив: «Нет, этот дождь был вреден». Точно так же решаются в гегелевой философии все вопросы» [1].

После такого прекрасного пояснения всякому понятен смысл слов «истина конкретна».

Удачный пример, хорошая иллюстрация, яркое сравнение в лекционной пропаганде всегда служат отличным «наглядным пособием».

Примеры, сравнения могут быть не только фактические. Нередко и выдуманные, предположительные слу-

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Избранные сочинения, т. IV, 1931, стр. 235—236.

чаи помогают говорящему сделать мысль более доходчивой. Например, издеваясь над церковными, телеологическими взглядами, согласно которым человек есть центр мироздания, Мишель Монтень говорит:

«Действительно, почему, например, гусенок не мог бы утверждать о себе следующее: «Внимание вселенной устремлено на меня; земля служит мне, чтобы я мог ходить по ней; солнце — чтобы мне светить; звезды — чтобы оказывать на меня свое влияние; ветры приносят мне одни блага, воды — другие; небосвод ни на кого не взирает с большей благосклонностью, чем на меня; я любимец природы. Разве человек не ухаживает за мной, не дает мне убежище и не служит мне? Для меня сеет и мелет он зерно. Если он съедает меня, то ведь то же самое делает он со своими сотоварищами — людьми, а я поедаю червей, которые точат и пожирают его». Сходным образом мог бы рассуждать о себе журавль и даже более красноречиво, ибо он свободно летает в этой прекрасной небесной выси и владеет ею...» [1]

Естественно, что одно и то же положение можно иллюстрировать в разных аудиториях по-разному. Так, для подтверждения тезиса Гегеля о конкретности истины в одном случае хорош вышеуказанный пример Чернышевского, в другом случае лучше привести сравнение с силой ядерной энергии. Эта сила, как известно, может стать величайшим благом — в короткий срок значительно повысить благосостояние людей и их духовную культуру. Но эта же сила станет величайшим несчастьем человечества, если разразится атомная война.

В научной литературе нередко приводятся сравнения, хотя верные и меткие, но не для всякого круга слушателей подходящие. Например, у Ф. Энгельса: «Ждать от капиталистического способа производства другого распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь в соединении с нею, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород» [2]. Это сравнение хорошо

[1] *Мишель Монтень,* Опыты, ч. II, 1958, стр. 236.

[2] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 134—135.

для слушателей или читателей, обладающих определенными знаниями в области физики и химии, но для другой аудитории оно может оказаться недоступным. Явления и предметы, привлекаемые для объяснения или для сравнения, всегда должны быть аудитории более известны и понятны, чем явления и предметы объясняемые. В противном случае сравнение теряет свой смысл.

Пользуясь сравнением, следует иногда указывать и на *различия* сравниваемых предметов или явлений, как, например, у К. Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [1].

Или у М. Горького: «Бог есть такая же человечья выдумка, как, например, «светопись», с той разницей, что «фотография» фиксирует действительно сущее, а бог — снимок с выдумки человека о себе самом...»

Изложение при помощи примеров, сравнений или сопоставлений может оказывать лектору неоценимую услугу в особенности тогда, когда требуется более четкое *разграничение* ряда понятий, в какой-то степени соприкасающихся и могущих по этой причине быть ошибочно смешанными.

Из сказанного следует, что лектору нужно развить в себе умение подбирать меткие, доступные для рядового слушателя примеры и сравнения, необходимые для раскрытия ряда положений.

* *
*

Во многих лекциях приходится оперировать большими, непривычными для массовой аудитории числами. Для приближения таких чисел к восприятию слушателя пользуются обычно аналогией — сравнением с близким и знакомым. Предположим, речь идет о возбудителях заразных болезней — о вирусах. Вы сообщаете, что микробы измеряются микронами (мик-

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 185.

рон — одна тысячная миллиметра), а для вирусов используют в 1000 раз более мелкую единицу измерения — миллимикроны. По сравнению с копейкой вирус выглядит таким же маленьким, как сама монета по сравнению с футбольным полем стадиона «Динамо» в Москве[1].

К такого рода аналогиям следует прибегать и тогда, когда речь идет о размерах атомов, измеряющихся стомиллионными долями сантиметра, и величине их ядер, которые в десятки и сотни тысяч раз меньше атомов; или когда надо дать представление о размерах Земли и Солнца или о расстоянии между ними и т. п.

Приблизить к восприятию слушателя следует порой не только астрономические цифры. Допустим, вы говорите, что социалистические государства объединяют почти миллиард человек. Если хотите, чтобы все слушатели представили себе эту цифру предельно реально, добавьте: это значит что из каждых трех человек на земном шаре один является гражданином социалистического государства.

Цифровым материалом в лекции, вообще говоря, не следует увлекаться: он трудно воспринимается и утомляет слушателей. Цифры стоит приводить только при крайней необходимости и для сравнений, чаще всего для сравнений во времени (исторически), в пространстве (географически) или в том и другом разрезе. Например:

1. Семилетний план намечает грандиозную программу коренной модернизации и расширения материально-технической базы коммунизма. Этот план подкрепляется еще небывалой цифрой капитальных вложений государства в народное хозяйство в сумме 1940—1970 миллиардов рублей, которая почти достигает объема капитальных вложений за все предшествующие годы существования СССР[2].

2. Осенью 1958 г. в советской высшей школе приступили к занятиям 2 миллиона 150 тысяч студентов. Это в 4 раза больше общего числа студентов в таких

---

[1] Пример взят из статьи П. Н. Косякова в «Комсомольской правде» от 18 сентября 1958 г.

[2] См. «Литературная газета», 2 декабря 1958 г.

крупнейших, вместе взятых, капиталистических странах Европы, как Англия, Франция, Федеративная Республика Германии и Италия, население которых составляет около 200 миллионов человек, т. е. почти столько же, сколько в Советском Союзе[1].

3. В 1913 г.[2] производительность труда в России была в 9,1 раза ниже, чем в США. Это значит, что всего 1 месяц 10 дней требовалось американскому рабочему для того, чтобы выполнить ту работу, которую русский рабочий выполнял за год. К концу 1957 г. производительность труда в СССР выросла в 9,5 раза, а в США — в 2,3 раза[3].

Статистические сведения будут запоминаться лишь в том случае, если за ними у слушателя явятся близкие ему понятия. Мало сказать, например, что производство электроэнергии в СССР увеличилось с 1,9 миллиарда киловатт-часов в 1913 г. до 233 миллиардов киловатт-часов в 1958 г.[4]. А почему это могло случиться, какие здесь действовали силы? А что означает эта цифра — 233 миллиарда киловатт-часов в конкретном представлении слушателя? И, наконец, что означает эта цифра для развития промышленности, городов, сельского хозяйства, для улучшения материальной и духовной жизни народа?

Словом, статистику в лекции надо оживить, оживить посредством конкретизации, как, скажем, в следующем примере: «На деньги и ценности, уничтоженные в первой мировой войне, можно было бы купить каждому солдату отличный дом с большим участком земли, а солдат тогда было 74 миллиона! Вторая мировая война обошлась еще дороже: она сожрала столько, что если бы ее не было, то можно было бы построить пятикомнатные дачи для всех семей мира!»

А вот и другой пример — из речи одного докладчика: «В 1957 г. у нас добыто 463 миллиона тонн угля. Из него можно было бы сложить 130 пирамид Хеопса». Как видите, и здесь есть попытка вызвать у слушателя конкретные представления, но это тщетная попытка.

---

[1] См. «Правда», 17 сентября 1958 г.

[2] 1913 год — год самых высоких промышленных показателей царской России.

[3] См. «Комсомольская правда», 20 ноября 1957 г.

[4] См. «Правда», 8 февраля 1959 г.

Чтобы оживить цифровой материал, надо не мудрствовать, а подыскать примеры, сравнения близкие, слушателю известные.

Оживить и сделать более конкретными и близкими статистические сведения можно различными способами. Вот несколько примеров из Обращения июньского Пленума ЦК КПСС (1959 года):

1. «Дореволюционная Россия была на одном из последних мест по производству стали. К концу семилетки Советский Союз будет выплавлять около 90 миллионов тонн стали в год, или больше, чем выплавляют стали в настоящее время все капиталистические страны Европы».

2. «За один лишь день в 1965 году будет производиться продукции машиностроения и металлообработки столько, сколько в дореволюционной России было произведено за весь 1913 год».

3. «К концу семилетки социалистические страны будут производить больше половины всей мировой промышленной продукции».

Хорошим приемом оживления статистических сведений является также перевод их на душу населения, как, например, в докладе А. Н. Косыгина на июньском Пленуме ЦК КПСС (1959 года):

«...Выпуск тканей в нашей стране достиг в 1958 году почти 7,5 миллиарда метров, превысив уровень 1940 года в 1,7 раза. Сейчас у нас производится тканей больше, чем в любой стране мира, кроме США.

Контрольными цифрами на 1965 год предусмотрено увеличение производства тканей до 10,6 миллиарда метров. По сравнению с 1958 годом производство тканей к концу семилетки возрастет примерно на 3 миллиарда метров. В 1965 году мы будем производить тканей и трикотажа на душу населения 56 метров против 41 метра в 1958 году и 18,5 метра, выработанных в дореволюционной России в 1913 году» [1].

Цифровой материал, в особенности большой, надо стараться располагать в таком порядке и подавать в таком виде, чтобы слушателю было нетрудно усвоить и запомнить его. Возьмем, к примеру, два варианта расположения цифровых данных:

---

[1] См. «Правда», 26 июня 1959 г.

1. В 1900 г. производство чугуна на душу населения в России было в 8 раз меньше, чем в США, в 3 раза меньше, чем во Франции, и в 6 раз меньше, чем в Германии, а в 1913 г. оно было уже в 11 раз меньше, чем в США, в 4 раза меньше, чем во Франции, и в 8 раз меньше, чем в Германии.

2. В 1900 г. ...в России было в 3 раза меньше, чем во Франции, в 6 раз меньше, чем в Германии, и в 8 раз меньше, чем в США, а в 1913 г. ...уже было в 4 раза меньше, чем во Франции, в 8 раз меньше, чем в Германии, и в 11 раз меньше, чем в США.

Второй вариант предпочтительнее первого, ибо порядок цифр 3—6—8, 4—8—11 легче укладывается в памяти, нежели порядок 8—3—6 или 11—4—8.

Само собой разумеется, что при подаче указанных сведений в виде таблицы или диаграммы они будут усваиваться и запоминаться еще лучше.

Для облегчения восприятия больших цифр можно себе разрешить их *округлять*, если только это округление не имеет серьезного значения для существа вопроса.

* *
*

Во всех случаях, когда лекционный материал может быть иллюстрирован картами, таблицами, рисунками, моделями, фотоснимками и другими *наглядными пособиями*, равно как и опытами, лектору следует все это непременно заготовить, продумав заранее технику и порядок демонстрации их. Полезно помнить китайское изречение: «Лучше один раз посмотреть, чем сто раз слышать».

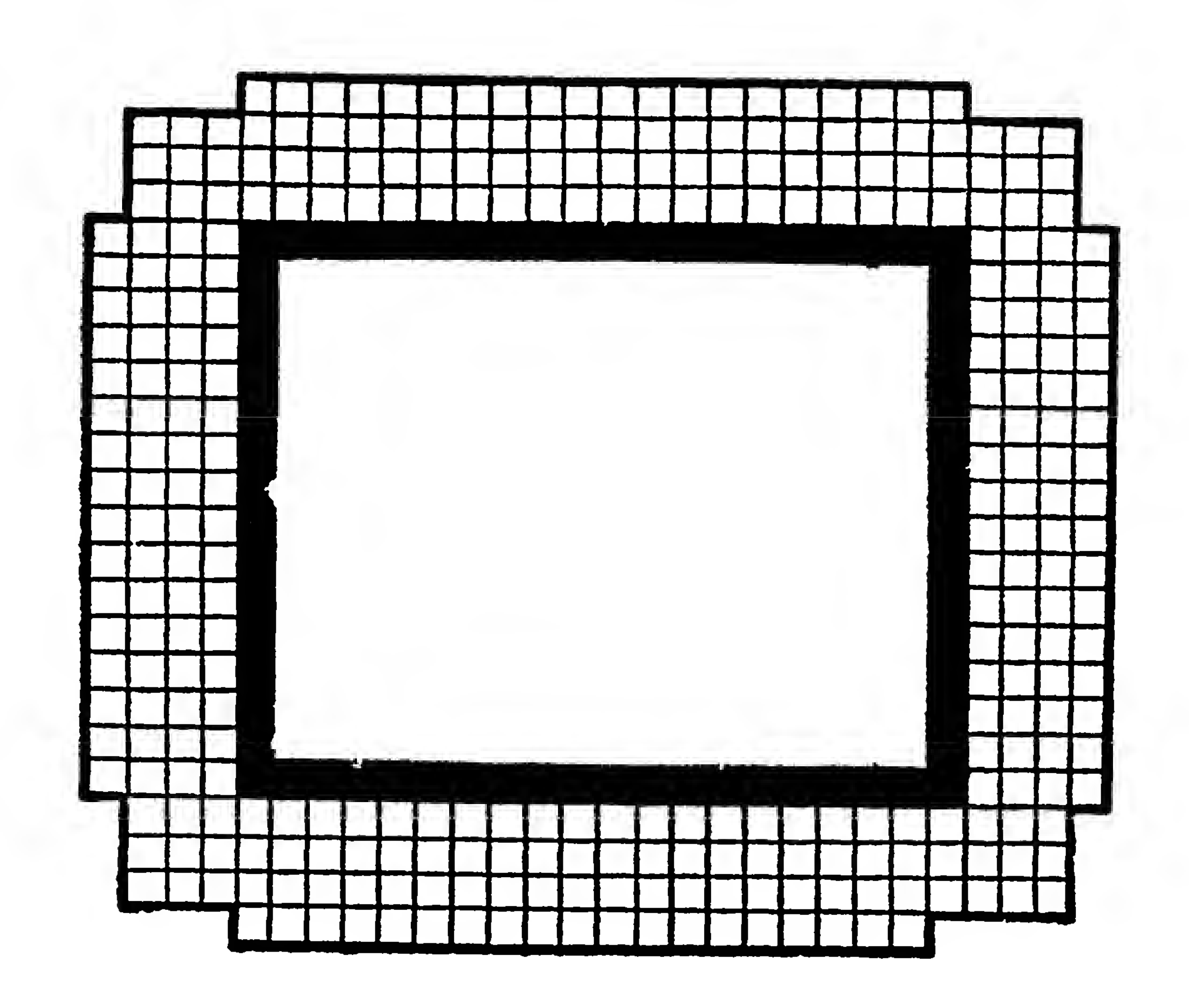
Наглядные пособия нужно оформить как можно проще, яснее и доступнее, без излишеств, без ненужных деталей и украшательства. Пособия должны не отвлекать внимания слушателя от речи, а, наоборот, поднять его интерес к ней [1].

Обратите внимание на чертеж в статье В. И. Ленина «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России», напечатанной в «Правде» 2 марта 1913 г.

---

[1] См. *С. И. Зиновьев*, О применении наглядных пособий при чтении лекций, 1952 г.

Чертеж дает картину распределения земли в Европейской России между помещиками и крестьянами в 1905 г.

«Большой белый четырехугольник в середине — это имение крупного помещика. Маленькие квадратики вокруг,— это мелкие крестьянские участки.

Всего квадратиков — 324, а площадь белого четырехугольника равна 320 квадратикам» [1].

д) Раскрытие темы по существу, без общих мест, без излишних деталей

Располагая и излагая материал согласно вышеуказанным требованиям, важно следить за тем, чтобы не отвлекаться от основного стержня лекции. С первых же фраз следует дать почувствовать аудитории предмет речи, не начинать с далеких подступов, не тратить времени на повторение всем известных истин.

Возьмем начало передовой статьи в «Правде» от 7 мая 1954 г. «К новым успехам советского радио»: «Сегодня — День радио. В Советском Союзе радио —

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 548.

это великое открытие нашего соотечественника А. С. Попова — превращено в одно из могучих средств строительства новой жизни».

Или другое начало на ту же тему — в «Правде» от 6 мая 1957 г.: «Шестьдесят два года отделяют нас от того дня, когда Александр Степанович Попов познакомил научную общественность с изобретенным им «грозоотметчиком» — первой в истории приемной радиостанцией. Гениальное открытие великого русского ученого оказало громадное воздействие на развитие мировой цивилизации, положило начало новому этапу в развитии науки и техники».

И в первом и во втором случае с первых же слов нас вводят в суть вопроса. Мы сразу ощущаем его конкретность, актуальность. А докладчик, выступавший на тему «К новым успехам советского радио» в одном из клубов Москвы, начал свое изложение с такого изобилия общих фраз, общих, хотя и правильных рассуждений, что сразу же погасил интерес слушателей к докладу.

Конечно, в некоторых случаях целесообразно начинать изложение с исторического обзора материалов, со сравнения с прошлым и т. п. Смотрите, например, хорошо сделанную статью-лекцию о кукурузе в «Комсомольской правде» от 16 марта 1955 г., или, скажем, выступление главного инженера Воронова — персонажа романа И. Эренбурга «Девятый вал», гл. 42, или речь Андрея Лобанова на комсомольском собрании в «Искателях» Д. Гранина, гл. XIII. Проанализируйте также своеобразную лекцию профессора Вихрова в гл. VII «Русского леса» Л. Леонова. Исторические экскурсы, сравнения, введения порой не только желательны, но и обязательны, особенно в лекции международника.

Так, говоря о современном положении в Европе, о том, что в Западной Германии создается милитаристская машина, что «благодаря попустительству западных держав Западная Германия стала очагом, способным разжечь пожар войны» [1], мы непременно должны приводить сведения и аналогии из прошлого,

---

[1] Из речи М. А. Суслова на XV съезде Французской коммунистической партии («Правда», 26 июня 1959 г.).

в частности из истории подготовки второй мировой войны. Это необходимо для того, чтобы слушателю было легче ориентироваться в современном международном положении и в недавнем прошлом:

1) чтобы он знал, вследствие чего разразилась вторая мировая война, какие историко-экономические условия, какие классы ее вызвали;

2) чтобы он лучше понимал политику Советского Союза до, во время и после второй мировой войны и важность борьбы за мир;

3) чтобы у него росло желание еще больше содействовать укреплению нашего государства и мирового социалистического лагеря;

4) чтобы он, слушатель, глубже вникал в философию истории, памятуя, что история повторяется, но *на новой основе*. Например: западногерманские реваншисты угрожают развязать третью мировую войну. Но положение в Европе и во всем мире теперь совсем не то, что было накануне второй мировой войны, и т. д. и т. п.

Итак, исторические параллели в ряде случаев безусловно необходимы. История — хороший учитель. Однако все должно быть в рамках обсуждаемого вопроса, должно быть подчинено основной теме. Общие же фразы, прописные истины повторять зря не следует.

Лектор не должен уподобляться чеховскому учителю Ипполиту Ипполитычу, который любил говорить о том, что всем давно уже известно. В пропагандистской практике важно всегда помнить высказывание В. И. Ленина по поводу одной работы, в которой преобладали *общие места*. «Это ни к чему,— писал Владимир Ильич.— Повторять их так голо — вредно; вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки» [1].

Кстати, скуку и злобу можно порой вызвать и неуместными агитационными фразами в лекции, трескотней. Недаром В. И. Ленин в «Великом почине» предупреждал: «Поменьше политической трескотни,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, изд. III, стр. 192. В связи с разговором об общих местах напомним интересное замечание Базарова в романе Тургенева «Отцы и дети»: «Сказать, например, что просвещение полезно, это общее место, а сказать, что просвещение вредно, это противоположное общее место. Оно как будто щеголеватее, а в сущности одно и то же» (гл. XXI).

побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее»[1].

По этим же мотивам в лекции следует избегать излишних толкований и заключений. Допустим, вы ведете речь о положении детей в Советском Союзе, об отношении к ним нашего правительства, общественности. Приводите постановления, цифры и другие данные, иллюстрирующие ваши утверждения.

Наконец, вы рассказываете такой случай. У работницы совхоза «Приволжье», родившей четырех близнецов, возникли трудности с кормлением новорожденных. Об этом сообщили из районной больницы в областной отдел здравоохранения. На другой же день из Куйбышева вылетел специальный самолет. Мать с четырьмя близнецами доставили в областную клиническую больницу. Им отвели отдельную палату. Для ухода за новорожденными прикрепили четырех медицинских сестер. Кроме того, семье работницы была оказана большая поддержка деньгами, в совхозе предоставили просторную и удобную квартиру, помогли обставить ее...[2]

Стоит ли после изложения этих фактов, убедительно показывающих, как бережно и любовно у нас относятся к детям, долго распространяться о том, что в Советской стране много внимания уделяется воспитанию ребят и т. д. и т. п.? Думается, что в этом нет надобности, так как рассказанная здесь история говорит сама за себя.

Другой пример. Вы говорите о положении США после второй мировой войны. Выявляете экономический и политический вес этого государства в наши дни. Напоминаете ряд фактов, вскрывающих реакционный характер деятельности современных властелинов Америки. Чтобы окончательно убедить слушателей, вы обращаетесь к свидетельским показаниям, приводите, к примеру, и такую выдержку из «Японского дневника» американского журналиста Марка Гейна, на-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т 29, стр 386.
[2] См. «Правда», 26 декабря 1956 г.

писанную в Сеуле (Южная Корея) 6 ноября 1946 г.: «Я не считал себя ни радикалом, ни мечтателем. Я корреспондент, который, к своему стыду и горю, обнаружил, что под нашим (американским.— *Э. Ф.*) флагом — а зачастую и при нашем активном поощрении — родилось полицейское государство, столь свирепое в подавлении элементарных человеческих свобод, что ему трудно найти параллель. Я нашел в нашей зоне только пустую болтовню о демократии и совсем не обнаружил последнюю на практике. Я нашел административную и политическую бездарность и союз с самой черной реакцией» [1].

Нужно ли такое свидетельство авторитетного наблюдателя пересказывать своими словами, как это обычно делают многие докладчики и лекторы? Считаем, что не нужно. К показаниям Гейна, может быть, не мешает добавить еще ряд фактов более позднего времени; может быть, сказанное Гейном стоит заключить метким афоризмом или образным выражением, но жвачкой заниматься в лекции не следует. Если пример бьет в цель, если он уместен и типичен, нет смысла тратить время на его объяснение.

Еще Л. Фейербах заметил: «...Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе, что она высказывает не все...» Такую же мысль развивает и А. П. Чехов (в письме к А. С. Суворину от 1 апреля 1890 г.): «Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно уже известно... Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам».

Замечание Фейербаха и реплика Чехова еще в большей степени относятся к *манере говорить.* Предполагая ум также и в слушателе, опытный лектор высказывает порой не все, стараясь путем показа ярких и убедительных фактов подводить аудиторию к определенным обобщениям и выводам.

Словом, не следует начинать «с Адама», доказывать то, что очевидно, распространяться о том, что само собой разумеется. Надо помнить указание методи-

[1] *Марк Гейн,* Японский дневник, 1951, стр. 480.

стов: слушателя одинаково *не интересует* как совершенно неизвестное, так и слишком хорошо известное. Нужно следить за тем, чтобы приводимый в лекции материал был не только интересным, но и существенным, поучительным, важным для данного случая, чтобы изложение было без излишней пространности, без ненужных деталей.

Чрезмерная обстоятельность, обилие деталей неуместны во всех жанрах речи [1]. Тем более этих излишеств не должно быть в лекции. Большая пространность и ненужные детали, прерывая логический ход мыслей, лишают лекцию целеустремленности, уводят слушателя от главного, а порой и убивают его интерес к теме [2]. Кроме того, в распоряжении лектора строго ограниченный отрезок времени. Поэтому все места, не имеющие прямого отношения к делу, не помогающие раскрытию темы, хотя бы они были хороши сами по себе, уберем, сохраняя их для момента (для темы, для аудитории), когда они окажутся подходящими.

Понятно, что при решении вопроса о важности той или другой детали, того или иного обобщения мы учитываем тему, ее направленность, состав аудитории.

Полезно вспомнить остроумное изречение Цицерона: «Величайшее из достоинств оратора — не только сказать то, что нужно, но и не сказать того, что не нужно».

3. СТРОЙНОСТЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ В ИЗЛОЖЕНИИ МАТЕРИАЛА

а) Без разрывов и неувязок

При отборе и изложении материала опытный лектор учитывает *логические* требования. Он строго придерживается предмета речи, следит за тем, чтобы все данные: факты, цифры, примеры и т. п. — были

---

[1] См. письма М. Горького к Л. М. Леонову и А. Н. Толстому, Собр. соч., т. 30, стр. 401 и 379.

[2] О знаменитом греческом философе Платоне, любившем изъясняться несколько пространно, рассказывают, что однажды его лекцию о душе мог дослушать до конца только один Аристотель, другие слушатели мало-помалу исчезли. Почти то же произошло во время его лекции о благе.

не только уместны, но и верны, типичны, служили основанием для выводов достаточно убедительных. Вместе с тем внимание лектора направлено на то, чтобы одно суждение (заключение, вывод, доказательство...) не противоречило другому, а вытекало из него, чтобы все шло в определенной последовательности, одно за другим, а не одно *возле* другого.

В качестве образца возьмем отрывок из «Манифеста Коммунистической партии»:

«Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья» [1].

Авторы «Манифеста» раскрывают здесь перед нами ряд явлений из жизни общества и их причинную связь. При этом все изложено так четко и последовательно, что мы невольно восхищаемся стройностью хода мыслей. Изумительная логичность «Манифеста», его глубочайшая правдивость в сочетании с разящей партийной страстностью — все это и сделало указанное творение Маркса и Энгельса тем источником, духом которого, по выражению Ленина, «живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» [2].

Чтобы лучше оттенить сказанное о последовательности и логичности речи, приведем ряд случаев, где должная логическая увязка отсутствует. Начнем с примеров, в которых *нет стройности* в расположении материала, когда он излагается не в известном порядке, а по мере его накопления, хаотично. Например, докладчик сообщает такие факты:

«К началу 1956 г. в стране насчитывалось около 200 тысяч коллективов физической культуры, которые объединили в своих рядах более 17 миллионов человек.

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 10.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 10.

Более сорока видов спорта культивируется в СССР.

За первое полугодие 1956 г. в РСФСР создано около 7 тысяч новых коллективов физической культуры. Общее число физкультурников увеличилось на 700 тысяч человек. На Украине за это же время организовано 600 новых коллективов, в Армянской республике — 380, в Молдавии — 250».

Естественно, что фраза, рассказывающая здесь о *видах* спорта (второй абзац), не должна вклиниваться между фразами, в которых речь идет о *количестве* коллективов и физкультурников. Вторую фразу следовало бы поместить в самый конец справки.

Или такой пример. Докладчик знакомит слушателей с деятельностью Академии наук. Он говорит:

«В институтах Академии наук СССР ученые создают труды, посвященные истории русской культуры.

Издан очередной выпуск «Трудов Института истории естествознания». Том включает...

Большой интерес представляет многотомный труд по истории Москвы. Сдан в печать первый том этого издания, в котором характеризуется Москва...

Статья Б. Кедрова рассказывает о ценной менделеевской рукописи...

Институт истории искусств подготовил к печати первые тома трудов по истории советского искусства...»

Ясно, что информация о «Трудах Института истории естествознания» и сообщение о менделеевской рукописи (абзацы второй и четвертый) в силу тематической близости материала должны были следовать непосредственно друг за другом, здесь же они разделены рассказом о многотомном труде по истории Москвы.

В основе расположения материала кроме тематического принципа могут лежать и иные, скажем хронологический, географический, но ни в коем случае нельзя допускать хаотического нагромождения.

Возьмем другой случай непоследовательности, когда одни высказывания не вытекают из других. Так, в одной речи сообщалось:

«С окончанием постройки стадиона в Лужниках сильно увеличится нагрузка поездов метрополитена на кировском радиусе... Чтобы как следует подготовиться

к предстоящим большим перевозкам, работники метрополитена уже сейчас проводят в жизнь ряд новшеств. На станции «Центральный парк культуры и отдыха» асфальтированный пол заменен красивым и прочным гранитным. Замена асфальтированных полов на гранитные произведена также на станциях...»

Но разве замена полов решит проблему перевозки больших масс людей? Конечно, нет. В этом и заключается несуразность данной выдержки, напоминающей нам поговорку «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Сказанное в последних фразах не является следствием предыдущих высказываний.

А порой бывает и так: суждения затрагивают один и тот же материал, но между ними *не хватает промежуточного связующего звена,* как, например, в следующей выдержке:

«...А что если через речушку Камышинку подать во́ды Волги в Иловлю, а из Иловли в Дон? Подать воду при помощи каналов и таким способом добраться до Азовского моря... Подобная мысль возникла еще во времена Петра I, и Петр приказал соединить Волгу с Доном через Камышинку и Иловлю. Был согнан народ, назначен управитель, приступили к работе, следы которой остались и по сей день. Но мысль о соединении Волги с Доном продолжала жить...»

Здесь чувствуется известная непоследовательность, необоснованность, ибо между последней фразой и предыдущими явный разрыв.

Стройности мешает подчас и беспомощное *топтание на месте.* Так, в чеховском «Письме к ученому соседу», писанном от имени отставного урядника, мы находим такой шедевр: «Герасимов сообщил мне, что вы неправильно мыслите об луне, т. е. об месяце, который заменяет нам солнце в часы мрака и темноты, когда люди спят...»

Такое накопление единообразных выражений ярко характеризует все скудоумие бывшего казачьего унтер-офицера из дворян. Но если что-то сходное по стилю встречается в лекции, то это вызывает полное недоумение.

Вот яркий пример топтания на месте, взятый из лекции: «Совершенно очевидно, что существующее соотношение между численностью работников, занятых

непосредственно в сфере материального производства, и численностью работников, занятых в сфере управления и обслуживания, требует дальнейших решительных изменений в пользу сферы материального производства. Необходимо неуклонно проводить линию на сокращение, упрощение и удешевление административно-управленческого аппарата. Партийные и советские органы обязаны вести решительную борьбу со всякого рода излишествами в управлении, с расточительством государственных средств. Надо быстрее ликвидировать ненужные звенья, упростить структуру аппарата наших учреждений с тем, чтобы сделать государственный аппарат наших учреждений более экономным, гибким, способным успешно решать поставленные перед ним задачи».

Видите, сколько здесь наворочено лишнего. Оставьте из данных фраз лишь одну — вторую, третью или четвертую — или составьте из этих трех одно экономное предложение, и слушатели не будут скучать.

Надо остерегаться ошибок, появляющихся вследствие того, что при перечислении или сопоставлении *не выдержан принцип* (признак) *деления*. Ошибки этого типа нередко попадаются как в устных выступлениях, так и в письменной речи. К примеру: «Великолепные древние, а ныне живущие полной молодой жизнью культуры Китая, Индии, Египта, арабских стран, чудесное творчество народов Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и других народов, входящих в состав Советского Союза, не могут не вызывать восхищения».

Из данного перечисления слушатели или читатели могут сделать вывод, что Египет — не арабская страна. Надо было сказать: «...культуры... Египта и других арабских стран»—или совсем опустить слово «Египет».

Или такой пример: «Для слога поэта характерны совсем иные синонимические соответствия и замены, чем, например, для слога сатирика».

Поэт может быть сатириком и не сатириком. Сатирик (в литературе) может быть поэтом, прозаиком или драматургом. Поэтому противопоставлять поэта сатирику — это такая же несуразность, как, скажем, противопоставлять инженера мужчине или хромого блондину.

б) Без противоречий

Отсутствие стройности, последовательности в суждениях — большой недостаток любой речи, тем более лекции. Нестройная, нелогичная речь трудно воспринимается, утомляет слушателя. Однако в речевой практике бытуют еще более грубые ошибки, ставящие слушателя или читателя в довольно трудное положение, когда последние не знают, чему верить. Мы имеем в виду противоречивость высказываний.

Вот пример из доклада: «...Театру удалось привлечь к работе молодых драматургов и обеспечить себя новым хорошим репертуаром на весь сезон. Первая премьера будет показана уже на днях, вторая — недели через три. Однако, надо признать, что наши пьесы имеют и слабые места. В них немало искусственных ходов, надуманных ситуаций, немотивированных поступков. Герои действуют не в силу внутренней логики событий и своих характеров, а по авторскому произволу. Язык беден, не индивидуализирован...»

Вы видите, что здесь одно положение не только не вытекает из другого, но совершенно противоречит ему.

Такого рода противоречия, т. е. противоречия неправильного рассуждения, не следует смешивать с настоящими, жизненными противоречиями, отображаемыми в фразе. Например, у Ф. Энгельса: «...всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым».

«Тем же самым и не тем же самым»... Разве это не противоречиво? Да, разумеется, но это — диалектическое противоречие, лежащее в основе всякого развития, ибо любое существо в каждое мгновение «перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, одни клетки его организма отмирают, другие нарождаются, так что спустя известный период времени вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов. Вот почему,— заключает Энгельс,— каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же» [1].

Приведем еще несколько иллюстраций.

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 121.

1. «Двигаться же означает быть в этом месте, и в то же время не быть в нем» (Гегель).

2. «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» (В. И. Ленин).

3. «Когда бы, в какую минуту ни спросили бы ее (Анну Каренину.— *Э. Ф.*), о чем она думала, она без ошибки могла ответить: об одном, о своем счастье и о своем несчастье» (Л. Н. Толстой).

Таким образом, у Энгельса, Гегеля, Ленина и Толстого вскрывается истинная, жизненная противоречивость, в то время как в предыдущем примере противоречия вздорные, ничего общего с действительностью не имеющие [1].

Слушатель никогда не поверит тому, что хотя бы в небольшой степени противоречит логике, здравому человеческому разуму. И наоборот. Скажи что-нибудь разумное, логически обоснованное, и с тобой согласятся даже при отсутствии фактических данных. В работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» есть такое утверждение: «Наши обезьяноподобные предки... были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков» [2].

Вы видите, у Энгельса здесь нет никаких фактических доказательств, он прибегает к чисто логическому доводу — и это убеждает. Логика — непреодолимая сила, ибо логика есть «итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [3].

Из всего этого явствует: работая над лекцией или другим выступлением, нужно очень внимательно проверить все данные, все высказывания, следя за тем, чтобы концы были сведены с концами, чтобы все было сцеплено строго логически.

---

[1] О противоречиях живой жизни и противоречиях неправильного рассуждения см. в «Заметках» В. И. Ленина (1911 г.), Соч., т. 17, стр. 76.

[2] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 72.

[3] См. *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 66.

Последовательность материала, его логическую и методическую стройность — плановость, внутреннюю связь, соотношения отдельных частей и т. п.— лучше всего проверить подробнейшим *оглавлением* в виде простого или сложного плана, составленного на отдельном листе бумаги.

ВСКРЫВАТЬ ЛОГИЧЕСКУЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛЖИВЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ПРОТИВНИКА

Для лектора и пропагандиста важно уметь не только логически стройно излагать свои доводы, но и *вскрывать* логическую *несостоятельность* в аргументах противника. Этим приемом пользовались и пользуются многие ораторы, ученые, писатели. Так, например, римский поэт-философ Лукреций (99—55 гг. до н. э.), полемизируя со скептиками в своем произведении «О природе вещей», писал: «Тот, кто полагает, что нельзя ничего знать, не знает и того, можно ли утверждать, что никакое знание невозможно».

Или, скажем, в «Анти-Дюринге»: «Кто способен мыслить только при посредстве речи,— цитирует Энгельс Дюринга,— тот еще никогда не испытал, что значит *отвлеченное* и *подлинное* мышление». Чтобы показать всю нелепость этих слов, Энгельс говорит: «Если так, то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями, так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством речи» [1].

Или, например, в следующих репликах:

1. «Если бог есть, то он живое существо; если он живое существо, то обладает чувствами; если он обладает чувствами, то подвержен тлению. Если он не имеет тела, то не имеет и души, а следовательно, не способен действовать; если же он имеет тело, то он тленен» (Цицерон).

2. «Что это за бог, который заставил людей убить бога, чтобы они признали бога?» (Дидро).

3. «Самая мысль о боге, искушаемом дьяволом, сотворенным богом, составляет внутреннее противоречие, из которого нельзя выйти» (Л. Н. Толстой).

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1953, стр. 79.

Заметим мимоходом, что и в художественной литературе подчас прибегают к приему подчеркивания логической несостоятельности или противоречий в суждениях или поступках того или другого персонажа. Это делается для того, чтобы показать либо слабость его ума, либо шаткость его позиций. Например, у Чехова в «Письме к ученому соседу» или у Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина»[1].

Умение обнаруживать логическую непоследовательность и несостоятельность в доводах противника должно быть присуще в особенности лекторам, читающим на антирелигиозные темы. Им, как говорится, и книги в руки. Стоит только открыть Ветхий завет — священную книгу иудеев и христиан, и с первых же страниц бросятся в глаза противоречия. Так, например, согласно первой главе, бог сотворил человека после создания всего животного мира, а по второй главе, сперва был сотворен человек, а затем все другие существа. В первой главе говорится, что бог сотворил мужчину и женщину одновременно, во второй же главе утверждается, что сначала был создан мужчина, а потом уже — из его ребра — и женщина. При этом в первом случае «создатель» (в оригинале) именуется *элогим* (elohim) — боги, множественное число от *элоха* (eloha, eloah), а во втором его имя *йегова элогим* (jehowa elohim) — бог богов, или (бог) йегова (он же) элогим[2].

Другой пример явных противоречий. Открываем Новый завет. В нем с первых же строк прослеживается происхождение Иисуса от Авраама... Давида... до Иосифа, мужа Марии. (Знайте, мол, Иисус — не простой иудей, а потомок самого царя Давида, «помазанник» — Христос). Затем рассказывается, что, прежде чем Иосиф и Мария стали жить, как муж с женой, оказалось, что она беременна. Но, раз Иисус не был сыном Иосифа, зачем нужна родословная последнего? Далее сообщается, что Мария была беременна от святого духа. (Автор всей этой истории в Новом завете решил, видимо, что «необыкновенный» человек должен

---

[1] См., например, в «Анне Карениной», ч. 6, конец гл. XXXI (письмо Анны) и начало гл. XXXII.

[2] Так именно толкуется сочетание «йегова элогим» в ряде мест Ветхого завета. В христианской литературе оно переводится (по канону) словами «господь бог».

родиться необыкновенно.) Спрашивается, если дух занимается такими земными, житейскими делами, почему он святой? А если от него может получиться ребенок, почему он дух?

Словом, вскрывая перед слушателем многочисленные разноречия и противоречия в церковных книгах и в религиозном учении в целом и подрывая таким образом авторитет и святость «священного писания», богословской догматики, можно с бóльшим успехом добиться положительного воздействия на аудиторию, нежели голословно полемизировать с церковниками, огульно осуждая религию [1].

Умение вскрывать логическую несостоятельность в доводах противника должно быть присуще в большой мере и лекторам, читающим на политические темы. Как известно, буржуазным и мелкобуржуазным идеологам и практикам нелегко быть объективными и последовательными в освещении многих фактов общественной жизни. Даже излагая верные факты, они то и дело не могут сделать выводов из этих фактов или делают неверные выводы.

Возьмите хотя бы выступление американского сенатора Поля Дугласа на конференции по безработице в Вашингтоне 8 апреля 1959 г. (см. «Правду» от 15 того же месяца и года).

Дуглас говорит, что в Соединенных Штатах миллионы безработных... «имеются мужчины, женщины и дети, которые медленно умирают с голоду... Предпринимателям выгодно наличие большого числа безработных, ибо таким образом можно удерживать зарплату и цены на низком уровне... Политические руководители... закрывают глаза и затыкают уши, не желая видеть и слышать никаких доказательств того, что существует нужда... В нашей стране имеется много нищеты, и правительство всячески пытается замаскировать этот факт... В стране не хватает школьных помещений... Люди нуждаются в большей профилактике для борьбы с раковыми заболеваниями, сердечными приступами и другими губительными болезнями. Правительство сидит сложа руки.

---

[1] Много поучительного читатель найдет в книге Ем. Ярославского «Библия для верующих и неверующих», 1959.

Нам нужно расчистить наши трущобы... Правительство не интересуется этим... Я протестую против мысли о том, что федеральное правительство не должно пытаться бороться с голодом... *Какое варварство допускать, чтобы народ голодал, когда наши склады переполнены продуктами питания!..*

Мы молим бога о том, чтобы страна пробудилась и увидела нужды столь многих миллионов людей. Нам нужны добрые сердца и ясные головы. Дай бог, чтобы мы смогли использовать и то, и другое».

Видите, какая здесь непоследовательность? С одной стороны — более или менее серьезное, добросовестное изложение ряда фактов, вскрывающих язвы самого богатого капиталистического государства и показывающих его истинное лицо, с другой стороны — жалкое, фальшивое, лицемерное, не вытекающее из всего предыдущего заключение. Должно быть, классовая природа оратора не дала ему возможности свести концы с концами.

Вот почему в лекции на политическую тему необходимо вскрывать ошибки таких людей, как Дуглас, делать обоснованные заключения и правильные выводы.

Естественно, что и выступающим на другие темы не следует в своих лекциях проходить мимо неверных, противоречивых высказываний, с которыми слушатель может столкнуться, читая литературу. Ведь непоследовательность — явление нередкое среди ученых и писателей. Вспомните «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого. Там именно профессор является олицетворением «того беспрестанно встречающегося и комического противоречия: исповедание строгих научных приемов и самых фантастических построений и утверждений» [1].

Подобного рода противоречия, ложные толкования, фальшивые учения и надо по возможности вскрывать в лекции, причем вскрывать без скидок на имена. Если, скажем, речь идет о Л. Н. Толстом, нам необходимо обращать внимание слушателя не только на противоречия, обнаруженные гениальным художником в речах

---

[1] Из письма Л. Н. Толстого от 25 марта 1890 г. См. *Л. Н. Толстой,* О литературе, 1955, стр. 244.

и поступках своих героев, но и на непоследовательность, половинчатость, противоречивость и ошибочность во многих высказываниях и делах самого Толстого[1].

Образцом глубокой, честной, принципиальной критики, без скидок на имена могут служить: «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского, множество статей и писем М. Горького[2], ряд глав из «Былого и дум» А. И. Герцена, а в особенности сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, у которых нам следует учиться и этому мастерству — мастерству владеть острым оружием критики[3].

* *
*

В лекции на политическую тему особое внимание должно быть уделено разоблачению лжи буржуазных политиков и их прислужников. Ведь буржуазные политики лгут на каждом шагу. Они говорят не то, что делают; делают не то, что обещают; обещают не то, что думают. Чтобы их обман не слишком бросался в глаза, буржуазные политики и их агенты пользуются определенными приемами маскировки. Так как лектор должен знать приемы и уловки классового противника, чтобы лучше с ним бороться, то попытаемся указать важнейшие из них.

Во-первых, буржуазные политики и их приказчики прибегают к *дезинформации*, замалчивая или искажая факты. Об этом неоднократно напоминал, в частности, Карл Маркс. В своей «Речи на юбилее «Народной Газеты»» в 1856 г. Маркс говорил: «Я знаю, какую героическую борьбу вели английские рабочие с середины прошлого (XVIII.— *Э. Ф.*) столетия, борьбу, которая не столь известна только потому, что буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали»[4]. В письме к В. Либкнехту в 1871 г. Маркс предупреждал: «Из всей

---

[1] См. статьи В. И. Ленина о Л. Толстом, Соч., т. 15, стр. 179; т. 16, стр. 293.

[2] См., например, письма М. Горького к Ф. И. Шаляпину, Собр. соч., т. 29, стр. 166, 167, 170.

[3] См., например, статьи В. И. Ленина «Печальный документ» (т. 24, стр. 309), «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?» (т. 10, стр. 425).

[4] *К. Маркс, Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, стр. 319.

той чепухи, которую пишут в газетах о внутренних событиях в Париже, ты не должен верить ни одному слову. Все это — ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомарание не проявлялось в таком блеске» [1].

К дезинформации относится и игра в объективность, применяемая буржуазными пропагандистами в особенности по отношению к Советскому Союзу. Так, например, желая удовлетворить интерес своих читателей к советской экономике, к семилетнему плану, некий Кукс утверждал в швейцарской газете «Нейе цюрхер цейтунг», что производство мяса в СССР составило в 1957 году не 7,4 миллиона тонн, а всего 5,1 миллиона тонн, и производство молока — 20,5 миллиона тонн, а не 54,7 миллиона тонн. В доказательство он ссылается на статистический сборник «СССР в цифрах». В сборнике действительно есть такие цифры. Но в заголовке сказано: «Государственные заготовки и закупки продуктов сельского хозяйства». Заготовки и закупки, а не производство! [2]

Во-вторых, буржуазные политики и их агенты пользуются *смысловой неясностью,* запутанностью речи. Еще Наполеон I дал в свое время очень точный и конкретный совет, как писать конституцию: «Пишите коротко и неясно». Директива Наполеона действует и поныне в буржуазном обществе, и даже в более широком масштабе. Поэтому так часто мы читаем сообщения вроде того, что «сделанное на пресс-конференции официальным представителем боннских властей заявление об обращении правительства Германской Демократической Республики было путаным и неясным», или: «Прения в Национальном собрании (Франции.— *Э. Ф.*) продолжались до утра... вчера был внесен новый проект (резолюции.— *Э. Ф.*). Он изобилует рядом туманных формулировок...» [3]

Далее, наряду с дезинформацией и смысловой неясностью буржуазные политики и их служащие применяют и более утонченный способ одурманивания масс — способ *словесной драпировки,* или, как его

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1947, стр. 262.
[2] См. «Литературная газета», 25 июня 1959 г.
[3] «Правда», 18 февраля 1952 г.

иногда называют, способ монаха Горанфло. Этому монаху в постный день захотелось мясца. Что же он придумал? Он поймал курицу, совершил над ней обряд крещения, назвав ее рыбой, которая является постной пищей, и, таким образом, смог угодить своему чреву. По примеру этого монаха руководители империалистических государств и их приказчики называют «умиротворением, дипломатическими советами, политикой свободных рук» и подобными словечками свои военные экспедиции, политику разбоя, удушения национальной независимости и демократических прав народов. Этим они пытаются хоть как-нибудь замаскировать свою гонку вооружений и расширение агрессии.

«Когда американцы, англичане и французы захватили Архангельск,— указывал В. И. Ленин,— когда они посылают свои войска на юг,— они защищают свободу и равенство. Вот каким лозунгом прикрываются они...» «...Когда французские, американские и английские капиталисты говорят: «Мы вам гарантируем независимость» — это на практике значит: «Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале. Кроме того, мы вас третируем с наглостью офицера, который приехал в чужую страну управлять и спекулировать и ни с кем не желает считаться»» [1].

Справедливости ради надо сказать, что руководители империалистических государств и их доверенные лица во многих случаях говорят и правду, называя вещи своими именами. Доказательством может служить выдержка из заявления подкомиссии по иностранным делам в конгрессе США (в 1947—1948 гг.): «Весьма предпочтительно, чтобы Соединенные Штаты имели в Китае свободное, хотя и аморальное правительство, а не враждебное правительство, находящееся под влиянием коммунистов, даже если бы оно было в высокой степени чистым и морально безупречным» [2].

Конечно, и здесь есть известная доля маскировки: говорят «свободное», имея в виду «буржуазное», «капиталистическое». Однако во всем остальном в дан-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 499; т. 30, стр. 154.
[2] *Марк Гейн,* Японский дневник, стр. 556.

ной выдержке нет двойной бухгалтерии, как в предыдущих примерах: товар показан лицом, без мишуры. Но говорить так открыто буржуазные политики и их агенты разрешают себе только в своей узкой среде. Выступая же перед народом, они непременно прибегают к одному из указанных приемов лжи и обмана, в первую очередь к словесной драпировке.

Разоблачению буржуазной лжи в пропагандистской работе должно быть уделено сугубое внимание, ибо буржуазное общество, как указывал В. И. Ленин еще в 1915 г., «постоянно вскармливает таких политиков, любящих называть себя внеклассовыми, и таких оппортунистов, любящих называть себя социалистами, которые умышленно и систематически обманывают массы самыми пышными, самыми «левыми» словами» [1]. Ведь даже гитлеровцы, самые заклятые враги социализма, в целях одурманивания масс рядились в тогу «социалистов». Известно, что в среде империалистов США поднимался вопрос о том, чтобы «американский капитализм» назвать «демократическим капитализмом», «экономической демократией» или «взаимопомощью», а в последнее время все чаще в этой среде популяризируется термин «народный капитализм».

Современные капиталисты не кичатся своим богатством, они предпочитают быть замаскированными. Поэтому многие «западные» политики и социологи усиленно доказывают, что в США теперь нет ни банкиров, ни «королей» угля и стали, нет никаких капиталистов, а тем более империалистов. Все американцы поголовно якобы жаждут только одного — мира. В одном из своих посланий бывший президент США Трумэн утверждал: «Лучшая надежда на мир во всем мире заключается в стремлении к миру и братству, которое таится глубоко в сердце каждого человека» [2]. Хочется спросить бывшего президента: фабриканты военной продукции — автоматов, винтовок, револьверов, пулеметов, пушек, минометов, танков, военных самолетов, военных кораблей, патронов, снарядов, бомб, ракет, военного снаряжения и т. д. и т. п.,— такие фаб-

[1] В статье «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами» (т. 21, стр. 392).

[2] «Правда», 8 августа 1951 г.

риканты имеются в США? В их сердцах тоже таится глубоко стремление к миру и братству? Стоит только поставить эти два вопроса, чтобы сразу заметить, какая неправда «таится глубоко» в словах бывшего президента.

Итак, важно смотреть в корень вещей, распознавать людей, течения, партии не по их словам (программам, лозунгам, обещаниям), а по их делам. При каждом удобном случае надо разоблачать идеологов, политиков и агентов капиталистического мира, вскрывая истинный, действительный смысл их слов, подчас довольно «левых», коими они пытались и пытаются затемнять умы и засорять сознание широких народных масс.

При этом не следует забывать, что в засорении сознания народа крупнейшую роль играли и играют еще и церковники всех религий и культов. Частично об этом уже было сказано в предыдущих разделах, а теперь отметим еще одну характерную черту церковников: разрыв между их словами и делами.

Церковники толкуют о братстве, о любви к ближнему, одновременно разжигая всеми силами национальную рознь и вражду. Они воспевают всепрощение без различия друга и недруга, устраивая «священные войны», крестовые походы, инквизиции, погромы всех тех, кто им противоречит. Они без конца повторяют «не воруй», «не убивай», поддерживая воров и убийц индульгенциями, отпущением грехов, ибо, говорит М. Горький устами Егора Булычева: «Ежели украл, да на церковь дал, так ты не вор, а — праведник» [1].

Церковники рассуждают о вечных истинах, об абстрактной морали, уклоняясь от решения конкретных и насущных задач. Когда царь Николай Павлович полюбопытствовал узнать, как смотрит духовенство на освобождение крестьян, митрополит Филарет ответил, что для церкви, собственно, безразлично, свободны ли крестьяне или в кабале, «лишь бы они были православными христианами...» [2]

---

[1] «Хорошо известно, что классовое общество не могло бы построиться и существовать, если б оно подчинялось заповедям: «не воруй» у ближнего, и «не убивай» его» (*М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 6).

[2] *Андреевич,* Опыт философии русской литературы, 1922, стр. 377.

Церковники проповедуют смирение, терпение, самоотречение, нищету духа, равнодушие к обидам; за послушание, за покорное рабство, за нищенское и жалкое существование на земле они обещают награду на небесах; они разглагольствуют о честности, о справедливости, о равенстве, а сами живут сегодняшней жадностью, концентрируя в своих руках огромные ценности, созданные народом [1]. И все это прикрывается именем «всевышнего», ибо бог, уверял папа Пий XII, «установил, чтобы в мире были богатые и бедные для лучшего испытания наших человеческих достоинств» [2].

Следовательно, церковные люди делают то и призывают к тому, против чего направлена вся наша пропаганда. Поэтому при любом подходящем случае следует показать всю несостоятельность и вред религиозных учений, всю фальшь и лицемерие людей, говорящих одно, а делающих другое, противоположное.

Необходимо, чтобы слушатель знал, что нередко «добро» и «зло» одеваются одинаково красивыми словами [3], и чтобы он умел «разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро»...» [4]

* *
*

При изложении материала целеустремленный лектор учитывает не только логические оплошности и фальшивые толкования того или другого ученого, писателя, политика, но и неверные понятия, абсурдные выводы, которыми, возможно, засорено сознание ряда слушателей вследствие превратного их представления о действительности вообще.

Ведь действительность в широком смысле этого слова, как уже было указано, не познается легко и сразу. И не только потому, что она необычайно богата,

---

[1] «Церковь... явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми,— чем продолжает быть и до сих пор» (*В. Г. Белинский,* Письмо к Гоголю).

[2] «Новый мир» № 2, 1951, стр. 134.

[3] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 213.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 383.

многогранна и формы ее проявления зачастую довольно отдаленно, завуалированно передают ее сущность, но и потому, что над человеком нередко тяготеют религиозные пережитки, направляющие его пытливую мысль на путь, весьма далекий от истины.

Есть люди, которые еще верят в бога, в загробную жизнь, в чудеса и исполняют массу бессмысленных, а подчас и диких религиозных обрядов. Среди отсталых групп населения все еще распространены такие явления, как знахарство, гадания, вера в колдовство, приметы, судьбу, дурной глаз, ладанки, в амулеты и т. п.

Вера в чудеса, в сверхъестественные силы, казалось бы, должна быть чужда людям, логически мыслящим, ощущающим материальность мира и знающим массу закономерностей его развития. Но традиции, пережитки в быту и сознании имеют огромную силу внушения. Традиции всех мертвых поколений, говорит Маркс, тяготеют, как кошмар, над умами живых. Да оно и понятно. В продолжение тысячелетий церковники распространяют и поддерживают легенды о боге и дьяволе, о манне небесной, о превращении воды в вино и т. п., приучая людей с детства к восприятию несуразностей, развивая в них при помощи угроз и приманок веру в потусторонний, сверхчувственный мир, утверждая вдобавок, что всякая попытка серьезного, научно-материалистического познания и объяснения явлений есть дело греховное и сугубо наказуемое. По так называемому «священному писанию» (библии) [1], первые люди, Адам и Ева, были якобы подвергнуты наказанию именно за то, что они пожелали вкусить плоды «древа познания». Подобные сказки и нравоучения церковники очень любят пропагандировать, так как людское невежество дает им полнейший простор и свободу для размалевывания таинственного, чертовщины, всего того, что противоречит человеческому опыту и элементарной логике.

Кроме того, не следует забывать, что большие массы людей находятся еще и во власти расовых,

---

[1] Библия, или «священное писание», в понимании евреев — это книги Ветхого завета, в понимании христиан — и Ветхого и Нового заветов. Ветхий завет составлялся в течение ряда веков до н. э., Новый завет — в I и II вв. н. э.

националистических, собственнических и других предрассудков. Как известно, чтобы помешать проявлению классового антагонизма, эксплуататоры, властелины, церковники разжигали и разжигают неприязнь между расовыми, национальными или религиозными группами, культивируя консерватизм, косность, боязнь нового.

Если все это иметь в виду, то станет ясно, почему у людей может быть засорено сознание, могут быть ошибочные представления о действительности, об истине, а у некоторых и неправильные, аморальные, антиобщественные действия.

Поэтому благородный долг лектора — бичевать носителей ложных идей, бороться против безыдейности, беспринципности, скептицизма, аполитичности, помогать людям освободиться от чуждых нравов и привычек, еще имеющихся у некоторой части наших граждан. Его обязанность — разъяснять слушателям, что коммунизм предполагает высокую принципиальность и идейность, нравственную чистоту, сознательное служение обществу, деловитость и скромность, коллективизм и товарищество, умение сочетать личное с общественным, интернациональные чувства с любовью к родине, к своему народу. Лектор призван помочь слушателям воспитать в себе органическое отвращение к феодально-капиталистическому консервативному прошлому и к его язвам: спекуляции и коррупции, зависти и карьеризму, барству и хамству, зазнайству и честолюбию, подхалимству и лицемерию, пошлости и цинизму, национальной ограниченности и шовинизму. Его долг — помочь слушателям окончательно освободиться от влияния церковников и мракобесов с их фантастическими учениями о действительности и ложными сентенциями об истине.

Слушатели должны знать, что истина — это не субъективное восприятие, не кажущаяся действительность, не вымысел, хотя бы и освященный вековыми традициями и прикрываемый авторитетом предков. Истина — это подлинный, неоспоримый факт, совпадение субъективного с объективным, совпадение представления, понятия с предметом. Такое совпадение возникает в результате всей человеческой практики, личной и коллективной, в результате длительного

изучения человеческим обществом мира вещей и явлений, их свойств, процессов и превращений.

Познанию вещей способствует в большой степени изобретение и освоение орудий, машин, приборов (телескопов, микроскопов, фотоаппаратов и т. п.), благодаря которым люди имеют возможность *основательно изучать* даже очень далекие объекты — звезды, морское дно, глубины земли, а также брать под наблюдение мельчайшие предметы, производить над ними эксперименты и таким образом глубже проникать в тайны природы, создавать совершенно новые материалы, более прочные, более стойкие, чем имеющиеся в самой природе.

Такое изучение, обобщенное в виде формул, законов, научных дисциплин, в сочетании с данными ряда наук о жизни и развитии самого человеческого общества расширяет, уточняет наше представление о нас самих и об окружающей действительности, приближая нас все больше и больше к истине, к верному представлению о вещах.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ВАЖНЕЙШИЕ КАЧЕСТВА ЛЕКТОРСКОЙ РЕЧИ

1. ПОНЯТИЕ О СЛОВЕ

О форме изложения своих мыслей лектор начинает думать задолго до выступления. При подборе материала, при изучении и записывании его, а также при построении и оформлении лекции в виде плана, конспекта или полного текста — на всех этих этапах добросовестный лектор думает о том, *что* сказать и *как* сказать.

Между содержанием речи и ее оформлением существует самая тесная связь, ибо мысли формируются, раскрываются в словах.

Вот перед нами береза. Мы воспринимаем ее линии, пропорции, материал, краски, светотени. Запомнив этот образ, мы можем затем представить его себе, не глядя на натуру. Такие процессы осуществляются и без словесного вмешательства. Но, как только мы начинаем *мыслить* о березе или о другом предмете, т. е. *устанавливать связь* между предметами, отмечать их сходства и различия, выявлять их общие и частные особенности и т. п., мы прибегаем к словам. Ибо слово всегда обобщает. Так, например, слово *береза* — это название сотен, тысяч, миллионов единичных деревьев определенного вида с рядом одинаковых признаков, отличающих этот вид дерева от всяких иных растений. Слово «дерево» — это еще большее обобщение [1].

[1] «Чувственное восприятие,— говорит Л. Фейербах,— дает *предмет*, разум — *название* для него. В разуме нет того, чего бы не было в чувственном восприятии, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в разуме находится лишь

Поэтому в самом простом определении («береза — дерево», «лебедь — птица» и т. п.) или даже в отдельном самостоятельном слове («береза», «лебедь», «дом» и т. п.) уже содержатся основные элементы человеческого познания: установление и обозначение взаимосвязи между отдельным и общим [1].

Итак, чувства, созерцания, представления, показывающие непосредственную реальность, могут обходиться без языка, а мысль, самая простая, самая примитивная, нуждается в словесном оформлении.

Правда, размышляя, мы зачастую как будто не замечаем слов, потому что мысли во многих случаях очень коротки, мимолетны, а внутренняя речь предельно сжата. Кроме того, мысли то и дело перемешиваются с чувствами, представлениями, переживаниями, и, таким образом, внутренняя речь как бы оттесняется непосредственными образными впечатлениями, оставаясь неощутимой подчас и для самого говорящего. Но эта внутренняя речь имеет место, и, чем больше наши чувства, созерцания, представления превращаются в мысли, тем ощутимее становится эта внутренняя речь, преследуя нас порой и во сне. Больше того, стоит человеку сильно увлечься своими мыслями или оказаться в положении, когда он теряет контроль над собой (вследствие повышенного нервного возбуждения, полусонного состояния и т. п.), как его внутренняя, беззвучная речь переходит зачастую в звуковую речь. Все это свидетельствует о том, что мысли совершаются, раскрываются в словах.

Однако мысль и речь — хотя и единство, но не тождество. Нередко бывает трудно сказать точно, что надо, даже когда знаешь, что́ хочешь сказать. Еще больше трудностей мы ощущаем, когда нужно выразить не только понятия, мысли о предметах, но и чувства, представления.

Эти трудности хорошо известны всем: не только рядовым людям, но и большим художникам. Г. Флобер,

---

номинально, по названию... Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его целостности» (см. *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 320).

[1] См. *В. И. Ленин,* К вопросу о диалектике, Соч., т. 36, стр. 326.

этот выдающийся мастер слова, жаловался: «Я так хорошо подмечаю комические стороны у многих людей, а выразить это пером не умею...» «То, что я лучше всего чувствую, я высказываю хуже всего»[1]. С этими мыслями перекликаются слова Горького: «Между «сибирским» и «русским» человеком есть какая-то разница, я очень ее чувствую, но — не могу уловить, уложить в слова достаточно ясные»[2].

В повседневном разговоре мы, как правило, подобных трудностей не испытываем. Бытовая речь относительно проста. Приближаясь по своей структуре к внутренней речи, бытовая речь состоит зачастую из несложных коротких фраз, более или менее эллиптических[3] (т. е. с пропуском подразумеваемых членов) предложений, так как разговор идет о хорошо известных или находящихся рядом вещах и собеседники понимают друг друга с полуслова. К тому же они прибегают к помощи таких слов, как «это», «эта штучка» и т. п., которые в сопровождении мимики и жестов могут заменить немалое количество слов.

Совсем другое дело, когда мы ведем разговор на научную или политическую тему в аудитории. Здесь для раскрытия мысли необходим полный набор слов, понятных не только себе и близкому, но и постороннему. В противном случае могут получиться непонятные фразы.

* *
*

Чтобы избежать непонятности в языке, нужно прежде всего самому хорошо знать, о чем говоришь, ибо то, что еще смутно в мыслях, очень трудно изложить в ясных и точных словах. Затем необходимо речь для себя превратить в речь для других, т. е. все понятия и представления перевести на язык слов, понятных другим.

При этом следует, однако, иметь в виду, что понятность речи еще не есть точность.

Пример: «По сравнению с 1913 г. (1913—100 процентов) промышленность США к 1938 г. выросла на 120 процентов, Франции — на 93,2 процента». Здесь

---

[1] *Г. Флобер,* Письма, 1937, стр. 363, 534.
[2] *М. Горький,* Собр. соч., т. 29, стр. 322.
[3] От греческого слова «эллипсис» — опущение, пропуск.

все ясно, но совершенно неверно. За указанный период промышленность США выросла лишь на 20 процентов (или до 120 процентов), промышленность же Франции не выросла, а упала до 93,2 процента.

Следовательно, чтобы быть точным, надо уметь все понятия и представления перевести на язык слов, правильно отражающих действительность. А для этого необходимо хорошо знать предмет речи и тщательно работать над языком, памятуя, что, чем яснее и точнее мы мыслим, тем обычно точнее и полнее наши высказывания и, чем больше мы оттачиваем, отшлифовываем язык, тем яснее и точнее становится и сама мысль.

Вот почему мыслители, художники слова так усердно работают над отделкой и шлифовкой своих фраз. Г. Флобер, будучи уверенным, что «форма и идея — одно целое», что «точность мысли создает (и сама есть) точность слова», предпочитал, по его собственному выражению, «издыхать, как собака, нежели на одну секунду ускорить фразу, которая еще не созрела» [1].

А великий Л. Н. Толстой... Разве он не переписывал много раз свои рассказы, статьи и объемистые романы? Ведь иные его произведения имеют 15—20 вариантов! С таким же усердием трудятся все истинные мастера, большие художники, добиваясь максимального раскрытия своих мыслей, своих стремлений в понятной, убедительной и прекрасной форме.

Ясно, что над лекторской речью необходимо работать со всей тщательностью, ибо одно слово, подобранное случайно и брошенное как попало, может подчас испортить очень ценную мысль, а одна непродуманная фраза в состоянии иногда погубить интересную и полезную лекцию. Лектору надо шлифовать свое выступление, памятуя, «что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только *проявления* действительной жизни» [2]. Поэтому лектору важно работать над языком, стремясь к тому, чтобы он был ясный, простой, точный, экономный, действенный, а по возможности и живой, образный, наглядный [3].

---

[1] *Г. Флобер,* Избранные сочинения, 1947, стр. 596, 575.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Немецкая идеология, 1956, стр. 429.

[3] Много интересных высказываний о языке, о необходимости кропотливой работы над словом лектор найдет в книге «Русские писатели о языке».

2. ГОВОРИТЬ ЯСНО, ТОЧНО, ДОСТУПНО

а) Общенародный язык

Ясность — непременное качество всякого разговора. Лучшие лекторы, речь которых ясна и понятна, говорят и пишут общенародным языком, избегая употребления слов и форм, понятных и бытующих только в отдельных местностях, но не принятых в общелитературном языке. Таковыми являются, например, слова «водополье», «зыбка», «жгёт», «пекёт», «хочете», «легше», «богатее», или: «выбора́», «один яблок», «два дни», «много делов», «до́быча», «э́ксперт», «до́говор». В литературном языке, как известно, вместо указанных применяются слова «половодье», «люлька» («колыбель»), «жжет», «печет», «хотите», «легче», «богаче», «вы́боры», «одно яблоко», «два дня», «много дел», «добы́ча», «экспе́рт», «догово́р».

Пользоваться общенародным языком — значит, кроме того, и употреблять слова в общепринятом смысле. Если вы говорите, например, «одела стеганку» или «одел сапоги», вы пользуетесь общенародным глаголом, но применяете его неверно. С точки зрения правильного, литературного языка стеганку, сапоги, калоши, шляпу, очки и т. д. *надевают; одеть, одевать* можно ребенка, больного, куклу, коня (попоной), поля (снегом), мысль [1] и т. п. Так же неверно поступают те, которые путают «возраст» и «рост». В общенародном языке эти существительные имеют, как известно, различные значения.

Итак, лектору необходимо пользоваться словами из общенародного запаса, верно их произносить, сочетая их по правилам грамматики литературного языка. Однако это еще не все. Существенное значение имеет и правильное пользование фразеологическими сочетаниями — устойчивыми оборотами речи, бытующими в языке, как, например: иметь значение, играть роль, выходить в люди, обратить внимание, оказать услугу, питать отвращение, производить впечатление, метать громы и молнии, на лоне природы, в природе вещей,

[1] Например, у М. Горького в письме к Ромэну Роллану (1928 г.): «...нигде в мире женщину и мысль не умеют одеть так достойно их красоты, их силы, как это делают во Франции» (Собр. соч., т. 30, стр. 86).

встречный и поперечный, (не) последняя спица в колеснице и т. п.

Скажи «играть значение», «делать впечатление» или «в натуре вещей», и слушатели будут усмехаться, как и при формах «много делов», «хочете» и т. п.

Провинциализмы, диалектизмы, неправильное употребление общенародных слов и выражений, искажение их смысла мешают ясности изображения, затрудняют понимание слушателей, засоряют литературный язык. Выступая против одного писателя, пытавшегося оправдать применение в литературе областного слова «скукожился», М. Горький писал: «Когда говорится: с-ежился, с-морщился, с-корчил-ся и т. д., мы видим лица и позы. Но я не вижу, как изменяется тело и лицо человека, который «скукожился»». В другом месте Горький указал: «Щегольство местными жаргонами, речениями — особенно неприятно и вредно именно теперь, когда вся поднятая на дыбы Русь должна хорошо слышать и понимать самое себя»[1].

Правда, в художественной литературе для более выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его нередко прибегают к областным выражениям, а также к словам и формам социальных диалектов. Например: «Откуда у него проявился такой *огромадный* талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю» (*Михаил Шолохов,* Судьба человека).

В целях стилизации порой пользуются диалектными формами и в других видах речи, не только в художественных. Например, у В. И. Ленина в письме к М. Горькому: «Возьмите себя в руки и установите «прижим» (режим) построже, право! Хворать по нынешним временам вещь совсем недопустимая». Или в письме к А. М. Коллонтай: ««Циммервальд» явно обанкрутился...»[2]

Однако крупные писатели, зная меру вещам, не злоупотребляют областными и социальными говорами, ибо речь с большим количеством диалектных слов неминуемо вредит произведению, сокращая сферу его влияния.

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 138; т. 29, стр. 439, 445, 464, а также т. 25, стр. 134—135.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 35, стр. 57, 233.

Разумеется, требование не засорять язык местными речениями не исключает применения областного слова и в нехудожественной речи, если для понятия, им обозначаемого, в общенародном языке нет более меткого выражения, если это слово широко доступно для понимания и не противно слуху [1].

Сказанное имеет непосредственное отношение и к языку лектора. Областное выражение, нелитературная грамматическая форма, неправильное ударение, неверное произношение и другие речевые отклонения мешают слушателю, отвлекая его от темы лекции. Кроме того, эти погрешности могут запечатлеться в памяти слушателя, засоряя таким образом и его речь. Поэтому лектору необходимо знать, какими словами и формами можно пользоваться и каких следует избегать. Точную справку по этим вопросам можно получить в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, в Словаре русского языка С. И. Ожегова и в книге «Русское литературное ударение и произношение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова [2].

Проверьте, правильно ли вы произносите нижеприведенные слова:

1) а́вторы, ба́нты, бра́тья, вы́боры, вы́ходы, инжене́ры, кувши́ны, ле́кторы, о́бщества, опёнки (не опята), сре́дства, тома́, то́рты, хозя́ева, ша́рфы, языки́;

кондуктора́ — работники поездов; конду́кторы — детали машин; корпуса́ — здания, войсковые подразделения; ко́рпусы — туловища; лагеря́ — военные, пионерские и т. п.; ла́гери — общественно-политические группировки; учителя́ — преподаватели; учители — авторы учения;

2) афе́ра, блеф, вско́рмленный,derно́вый, комба́йнер(ка), обре́тший(ся), обы́денный, озло́бленность, озло́бленный, пересе́кший, полу́денный, (пред)уве́домленный, прожи́тие, склеп, хо́леный, хребе́т, фили́стер(ский), шлем, щелочно́й, яре́м(ный);

---

[1] См. *К. Федин,* Мастерство писателя, «Литературная газета», 25 марта 1951 г.

[2] См. также: *Д. Э. Розенталь,* Культура речи лектора, 1956; *К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь,* Литературное редактирование, 1957; *Д. Э. Розенталь,* Культура речи, 1959.

3) безнадёжный, ведёрный (сорокаведёрный), вишнёвый, гравёр, жёлчь, заём, киоскёр, манёвр(ы), наёмник, обыдёнщина, планёр(ный), побасёнка, свёкла, твёрже, тетёрка, шофёр(ский), щёлка, щёлкать;

заведённый (переведённый, подведённый), завезённый (перевезённый, подвезённый), заметённый (переметённый, подметённый), заселённый (населённый, переселённый), непревзойдённый, несённый (поднесённый, принесённый), новоизобретённый, новоиспечённый, новорождённый (перворождённый), осведомлённый, переоценённый (расценённый), переплетённый (приплетённый, расплетённый), побелённый, подключённый, применённый, приобретённый, разрыхлённый, расклинённый, распределённый, расхоложённый, расшевелённый, сменённый, уделённый;

4) солите́р — род крупного брильянта; солитёр — червь-паразит; со́сенка — с ласкательным оттенком; сосёнка — с пренебрежительным оттенком; сло́женный — от сложить; сложённый — обладающий тем или иным телосложением; тка́невый — из органической ткани; тканьёвый — из тканой материи;

5) бредово́й, валово́й, гробово́й, предплюснево́й, случно́й; мастерско́й — искусный, совершенный; ма́стерский — принадлежащий мастеру; образно́й — иконный; о́бразный — картинный, художественный; угрево́й — прыщавый; угрёвый — как у угря́ (рыбы); языково́й — относящийся к языку — речи (языково́й факт, языкова́я политика, языково́е чутье, языковы́е явления); языко́вый — относящийся к языку — органу в полости рта (языко́вая колбаса, языко́вые мышцы).

Проверьте, правильно ли вы ставите ударение в следующих словах:

1) ударение на *первом* слоге: а́том(ник), ве́черя, ди́скант, дре́вко, зна́чимый, и́мпорт(ный), и́шиас, ка́мбала, ки́новарь, ки́рзовый, кла́дбище, ко́жанка, ко́рюшка, ма́занка, ме́жду, му́скулистый, не́нависть, о́стов, па́мятуя (деепричастие), па́стор(ский), пе́телька, по́лог, по́хороны, пра́внучка, при́зрак, при́нцип, ржа́веть, ру́сло, ску́льптор, слу́чай, сме́тливый, сна́добье, ста́туя, су́дно, те́фтели, ти́тульный, то́пливный, ту́ча, ту́чища, фо́льга, э́кспорт(ный), я́годица, я́годичный;

2) ударение на *втором* слоге: абза́ц, авто́бус, авто́граф, аге́нт(ство), арбу́з, ампе́р, аре́ст(ный), атле́т(ика),

безу́держно, беко́н, вальцы́,ванда́л, внаймы́, гекта́р, двою́родный, добы́ча [1], доне́льзя, доце́нт, доче́рний, заи́ндеветь, заку́порить (отку́порить), звони́ть (звони́шь), инду́стрия, кварта́л [2], кожу́х, коклю́ш(ный), колча́ковщина, кошма́р, краси́вее, креме́нь, лино́леум, литро́вый, мизе́рный, мири́ть (мири́шь), мота́льщица, нажи́вший, наме́рение, наня́вший(ся), нача́вший, обме́рший, обня́вший, опто́вый, орна́мент, осве́домить(ся), осо́ка, отча́сти, парте́р, полго́да, поня́вший, портфе́ль, поши́б, предме́т, приво́д, прида́ное, призы́в, пристру́нить, проце́нт, пряди́льщик, раска́яние, реме́нь, спо́риться [3], станко́вый, стату́т, столя́р, страда́, тамо́жня, терро́р, тигро́вый, троюродный, уби́вший, фаво́р, фарфо́р, фено́мен, фети́ш, фити́ль, фланго́вый, хода́тай (ствовать), цеме́нт(ный), щаве́ль(ный), экску́рс, экспе́рт (ный), юро́дивый;

3) ударение на *третьем* слоге: агроно́мия, алкого́ль(ный), алфави́т(ный), апостро́ф, аргуме́нт, балова́ть(ся), демокра́тия, диало́г, догово́р(ный), докуме́нт, ерети́к, заголо́вок, задохну́ться, заостри́ть (обостри́ть), извая́ние, исповеда́ние, инструме́нт [4], катало́г, катастро́фа, каучу́к(овый), киломе́тр, кладова́я, кулина́рия, магази́н, мастерски́, мастерство́, металлу́ргия, молодёжь, моноло́г, начался́, невыла́зный, недо́имка, недо́имщик, некроло́г, ненадо́лго, обеспе́чение, облегчи́ть, общежи́тие, одолжи́ть (одолжи́шь), окрова́вленный, оркестро́вый, отключи́ть, отщепе́нец, парали́ч(ный), поднебе́сье, предплюсна́, пригово́р, псевдони́м, расклини́ть, револьве́р, сантиме́тр, симметри́я, синхрони́я, сноровы́стый, углуби́ть(ся), украи́нец, украи́нский, ханжество́, цитаде́ль, частико́вый, шелкови́ца, шелохну́ть(ся), шестерня́, эпиле́псия, эпило́г;

4) ударение на *четвертом* слоге: аляпова́тый, аристокра́тия, библиоте́ка, буржуази́я, группирова́ть, драматурги́я, изобрете́ние, намерева́ться, насупроти́в, озорнича́ть, премирова́ть, приободри́ть, приобрете́ние, разоружи́ть(ся), разновре́менный, разувере́ние, руководи́ть (руководи́шь);

[1] *Добыча* угля, нефти, газа...

[2] *Квартал* улицы, леса, года (3 месяца).

[3] *Спориться* — удаваться. «С песнями труд человека спорился» (Некрасов).

[4] *Инструмент* слесарный, хирургический, музыкальный (рояль, пианино).

5) а́вгустовский блок; Августо́вские леса; а́тлас — собрание географических карт; атла́с — ткань; бро́ня — закрепление; броня́ — защитная обшивка; ве́домый — известный; ведо́мый — тот, которого ведут; ви́дение — восприятие зрением; виде́ние — призрак, привидение; воро́нить — ротозейничать; ворони́ть — покрывать чернью; вя́занка — вязаное изделие; вяза́нка — дров, хвороста; запа́хнуть — начать пахнуть: запахну́ть — шубу, занавеску; запо́лзать — начать ползать; заполза́ть — залезть ползком; и́рис — растение, радужная оболочка глаза, нитки; ири́с — конфета; ка́шица — уменьшительное к каша; каши́ца — жидкая каша; кирпи́чина — одна штука кирпича; кирпичи́на — большой кирпич; клу́бы — учреждения; клубы́ — дыма, пыли; консерва́торский — от консерватор; консервато́рский — от консерватория; ко́сишь — срезываешь косой, косилкой; коси́шь — делаешь(ся) косым; кре́дит — счет кредитующего; креди́т — предоставление товаров или денег в долг, доверие; ле́дник — погреб со льдом; ледни́к — глетчер; ле́карство — занятие лекаря; лека́рство — лечебное средство; ло́скут — текстильные, кожевенные и другие остатки; лоску́т — отрезок или отрывок материи, бумаги; ма́сличный — дающий масло; масли́чный — плод; масли́чное — дерево; ме́тчик — инструмент для выбивания меток; метчи́к — инструмент для нарезки винтовой резьбы; мокро́та — слизистое выделение; мокрота́ — сырость; мо́рщить — лоб, воду; морщи́ть — лежать не гладко (о платье); о́тзыв — ответ, отклик, оценка; отзы́в — отозвание (депутата, посла); проя́снеть — стать чистым от туч; проясне́ть — стать ясным, осмысленным; тра́нспорт — перевозка, перевозочные средства; транспо́рт — перенос суммы на другую страницу (в бухгалтерии); у́гольный — от уголь; уго́льный — от угол; ха́ос — беспорядочная материя, стихия (в древней мифологии); хао́с — беспорядок, неразбериха; хара́ктерный — с сильным характером, упрямый; характе́рный — штрих, характе́рные — танцы, поступки; ша́баш — субботний отдых, сборище; шаба́ш — кончено, довольно.

При произнесении нижеследующих слов многие люди проглатывают отдельные звуки (админстратор вместо администратор), или вставляют лишние звуки

(желантин вместо желатин), или заменяют одни звуки другими (битон вместо бидон). Проверьте, нет ли у вас этих погрешностей:

авиапочта, администратор, администрация, бивак, бивачный, бидон, блюминг, винегрет, галстук, дерматин, желатин, инициал(ы), инициатива, инициатор, инцидент, картон(ка), кожимит, колодец, компрометировать, констатировать, крыжовник, мадаполам, мармелад, мушкетёр, насмешка, очень, окраина, перспектива, пластилин, прецедент, скомпрометировать, стамеска, табурет(ка), танцевать, университет(ский), упадочнический, упадочничество, упро́чивать, фейерве́рк, шевиот(овый), щиколотка (не щиколка), шприц, экзаменатор, эксплуатация, электрификация, юрисконсульт, ярмарка.

б) Терминология

Как бы мы ни старались говорить и писать понятным, общенародным языком, без целого ряда трудных выражений не обойдемся. Сюда относятся в первую очередь научно-технические иностранные *термины* (от лат. «терминус» — предел, граница), т. е. слова, имеющие ограниченное, определенное содержание, пригодные к применению в той или другой области науки, техники, политики или искусства.

Научно-технических иностранных терминов в современном общелитературном языке огромное количество, и мы то и дело вынуждены прибегать к ним для более *ясного* и *точного* раскрытия своих мыслей. Например, у Н. Г. Чернышевского: «Совершенно чистая (дистиллированная) вода даже неприятна для вкуса».

Или у Ленина — в воззвании «К солдатам и матросам» (апрель 1917 г.): «Капиталисты лгут, пуская слухи, что мы за отдельный (сепаратный) мир с немцами...» [1]

В этих примерах термины «дистиллированная» и «сепаратный» приведены для уточнения смысла предыдущих слов, для более полного раскрытия их значения. Но чаще бывает наоборот: сперва приводится термин, а потом уже его толкование. Например, в «От-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 98.

крытом письме» В. И. Ленина от 7 мая 1917 г.: «Надо скорее кончать эту преступную войну, и *не* сепаратным (отдельным) миром с Германией, *а всеобщим миром...»* [1]

Преимущество термина состоит не только в том, что он имеет более или менее ограниченный, точный смысл, но и в том, что он дает часто возможность «коротко говорить о длинных вещах». Слово «экспорт», например, соответствует смыслу слов «вывоз за границу» (товара, капиталов и т. д.); слово «миф» означает древнее народное сказание о богах или героях; мелиорация — это коренное улучшение земельных участков для сельскохозяйственного пользования путем изменения состава почвы (осушения, орошения и т. п.).

Затем многие термины являются не только более точными и более экономными наименованиями ряда понятий, но и единственными названиями тех или других предметов и явлений в том или ином языке. Вот почему во многих случаях без целого ряда терминов, в том числе и иностранных, просто немыслимо обойтись, ибо нет им подходящих заменителей [2]. Поэтому и в массовой лекции неизбежны трудные термины. Надо только правильно пользоваться ими и умело их пояснять [3].

Об этом необходимо помнить не только массовому лектору. И читающие лекции в вузах, в особенности на первом курсе, должны как можно чаще объяснять трудные термины. В противном случае неизбежны справедливые нарекания студентов. Известно, что даже Александр Блок, выросший в академической среде, будучи первокурсником исторического факультета, жаловался: профессор... употребляет много иностранных

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 337.

[2] См. *В. Г. Белинский,* Взгляд на русскую литературу 1847 года, Избранные сочинения, 1948, стр. 569.

[3] Еще Энгельс в своей критике Эрфуртского проекта программы германской социал-демократической партии писал: «Не беда, если когда и встретится какое-либо иностранное слово или фраза, непонятная на первый взгляд во всей ее широте. Устный доклад на собраниях, письменное разъяснение в печати дадут все, что необходимо, и тогда краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлеется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями» (См. эту цитату у Ленина, Соч., т. 6, стр. 27).

терминов, «не объясняя их, хотя следовало бы ему все-таки помнить, что мы... еще не привыкли к научному языку...» [1]

Естественно, что в толковании нуждаются не только термины иностранного происхождения, но и многие слова родного языка, недостаточно известные некоторой части населения. Пропагандистская практика В. И. Ленина и в этом смысле может нам служить образцом. Рассказывая в своей работе «К деревенской бедноте» о том, что «из 109 миллионов десятин земли у частных владельцев *семь* миллионов находится в руках *удела»,* Ленин считал нужным добавить: «т. е. в частной собственности членов царской фамилии» [2].

Словом, подчас необходимо объяснить не только такие термины, как «региональные» (выборы), «апологеты» (капитализма), «компрадорская» (буржуазия), но и такие, как «буртовать», «черные пары», «безотвальная пахота» и т. п. А если в аудитории находятся иностранцы или представители национальных меньшинств, слабо владеющие языком лектора, нередко надо разъяснять и многие фразеологические обороты. Например: вбить осиновый кол, разделать под орех, с открытым забралом и т. п.

Пояснение слова можно сделать самыми различными способами. Сравните, например:

1. «Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа [3] будет крахом республики и демократизма...» [4]

2. «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю» [5].

---

[1] *Ал. Блок,* Соч., т. II, 1955, стр. 513.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 341.

[3] Речь идет о катастрофе в хозяйстве и о неминуемом голоде в 1917 г.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 299.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 142.

3. «Работа стихийных сил природы... развила в разуме нашем способность анализа — уменье разъединять как будто бы целое — и способность синтеза — уменье соединять как будто бы различные явления в единое, целое» [1].

4. «Целина — народное богатство. Целинные и залежные земли обладают большими запасами органического вещества и имеют хорошую структуру, иначе говоря, отличаются высоким плодородием» (Т. С. Мальцев) [2].

Если в фразе имеется несколько терминов, нуждающихся в переводе на простой язык или в пояснениях, целесообразнее заняться сперва переводами, а потом лишь более подробными пояснениями. Так, например, в ленинской фразе «Империализм есть канун социальной революции пролетариата» к толкованию слова «империализм» стоит приступить лишь после того, как слушатель усвоит значение всех других слов в предложении.

При пояснении трудного слова во многих случаях полезно указать и его происхождение (этимологию), пути образования его значения, например:

1. Утопия (от греч. *у топос* — не место, нигде). Это слово вошло в употребление после появления в 1516 г. книги английского утопического социалиста Томаса Мора (1478—1535 гг.) «Утопия», где описывается идеальный государственный строй на воображаемом острове. С тех пор утопией называют всякое учение, стремление, желание, которое не имеет под собой реальной почвы.

2. «Материализм и идеализм исчерпывают важнейшие направления философской мысли... Наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к *монизму*, т. е. к объяснению явлений с помощью *какого-нибудь одного основного принципа* (monos по-гречески значит единый). Всякий последовательный *идеалист* есть монист в такой же степени, как и всякий последовательный *материалист»* [3].

---

[1] *М. Горький*, Собр. соч., т. 26, стр. 329.

[2] «Правда», 9 сентября 1955 г.

[3] *Г. В. Плеханов*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1949, стр. 12.

3. «Название свое полупроводники получили оттого, что они заполняют место между металлами, обладающими большой электропроводностью, и изоляторами, которые почти совсем не проводят тока. В металле все электроны свободны и переносят ток, в изоляторе все они связаны, а в полупроводнике связь эта настолько слаба, что тепло, свет и другие воздействия освобождают электроны и повышают электропроводность» (академик А. Ф. Иоффе)[1].

При этимологическом анализе термина порой полезно напомнить слушателю некоторые родственные данному термину слова. Например: 1) топос (греч. — место) — утопия, топография; 2) монос (греч.— один) — монизм, монография, монолог, монархия и т. п.; 3) сепаратизм (от лат. «сепаратус» — отделенный) — сепаратный, сепаратор (отделитель) и др.

Разумеется, указание на этимологию или морфологию (структуру) термина должно иметь место лишь тогда, когда это облегчает понимание и усвоение как самого слова, так и выражаемого им понятия. В противном случае этимологическим или морфологическим разбором в массовой лекции нет смысла заниматься.

При разборе и толковании термина не употребляйте слов, нуждающихся в пояснении.

Из всего сказанного следует, что лектору важно уметь анализировать материал и его словесное оформление с точки зрения их доходчивости для той или иной аудитории, следя за тем, чтобы выражения оказались не примитивными, но и не чересчур трудными. При этом нельзя не учитывать, что в аудитории, даже в квалифицированной (учителей, врачей, инженеров и др.), нередко присутствуют и люди без соответствующей подготовки (вахтер, курьер, уборщицы и т. д.), а потому надо развить в себе умение толково пояснить или перевести на доступный язык любое трудное выражение, которое окажется необходимым и важным для лекции, как это делал, например, академик Петров в романе Г. Николаевой «Жатва» (ч. 1, гл. 11). Рассказывая в институтской аудитории, куда зашла и колхозница Авдотья, о черноземных и нечерноземных почвах, академик пояснял на общенародном языке трудные для своей слушательницы термины.

[1] «Правда», 14 ноября 1955 г.

* *
*

Терминами, особенно в массовой аудитории, не следует злоупотреблять. Если речь чрезмерно насыщена словами, требующими объяснения, она воспринимается с большим трудом. В самом деле. Разве может дойти до массового слушателя такое высказывание: «Исключительное по красоте лирико-драматическое сопрано... мягкого, бархатного тембра звучало безупречно ровно во всех регистрах; певучая, свободно льющаяся кантилена легко сменялась музыкальным речитативом»?

Данная фраза, взятая из радиопередачи не очень понятна и массовому *читателю,* но у него есть возможность во время или после чтения обратиться за помощью к словарям, к людям, более грамотным в музыкальной области, чем он. Но что делать массовому *слушателю* при таком потоке незнакомых слов?

Фраза может стать недоступной не только вследствие наличия в ней трудных терминов, но и в силу того, что она содержит какое-либо слово, употребленное *в условном смысле,* понятном лишь в узком кругу.

Разберем фразу «Партия Бронштейн — Толуш закончилась победой гроссмейстера» («Комсомольская правда»). Шахматистам и многим болельщикам, прочитавшим данную фразу, было ясно, кто победил. Но массы читателей «Комсомольской правды» остались, конечно, в неведении, так как они не знают и не обязаны знать, кто из указанных здесь шахматистов был к тому времени гроссмейстером. Из-за условного термина фраза для многих стала неясной.

Хороший лектор не будет злоупотреблять терминами в массовой аудитории. Он постарается заменить их общенародными словами.

Позволим себе напомнить некоторые высказывания В. И. Ленина по этому поводу. Социал-демократы, писал Ленин в своей работе «Социал-демократия и избирательные соглашения» (1906 г.) [1], «должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов,

[1] Социал-демократами тогда назывались и большевики.

определений, заключений»[1]. То же самое Ленин повторял и в ряде других работ. А в первые годы революции, уже в качестве главы Советского государства, будучи чрезвычайно перегружен решением задач мирового значения, Владимир Ильич в своей заметке «Об очистке русского языка» счел необходимым заострить внимание на неправильном употреблении иностранных слов, на употреблении их без надобности и во вред делу, «ибо это затрудняет наше влияние на массу»[2].

в) Без туманности и напускной учености

Недоступность речи в ряде случаев является результатом не только ее перегруженности трудными словами, но и излишней отвлеченности, туманности, как, например, в следующей фразе из книги «Вопросы экономико-статистического анализа колхозного производства»: «Субстанция статистического показателя отражает качественную сторону того явления жизни общества или его производства, характеристикой которого она является»[3].

Нет нужды доказывать нелепость такого слога. Это набор слов, малопонятный не только массовому читателю или слушателю, но и людям, привыкшим к научному стилю.

Туманным, излишне отвлеченным языком изъяснялись подчас и видные писатели, ораторы, деятели науки. Одного из первых известных нам крупных философов — Гераклита (около 530—470 гг. до н. э.) прозвали в древности «темным», так труден был для понимания его язык.

Труднословие в древности было нередким явлением. Об этом свидетельствует Квинтилиан (35—95 гг. н. э.), создатель школы красноречия в древнем Риме и автор трактата «О воспитании оратора». «В своем пристрастии к словам,— писал Квинтилиан,— мы всячески обходим то, что можно сказать прямо; повторяем то, что достаточно высказать один раз; то, что ясно выражается одним словом, загромождаем множеством и ча-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 11, стр. 262.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 274.

[3] См. рецензию в «Правде», 13 мая 1956 г.

сто предпочитаем неопределенные намеки открытой речи... Короче сказать, чем труднее слушателям понимать нас, тем более мы восхищаемся своим умом».

Тяжелым языком излагали свои мысли, в частности, многие немецкие ученые, в том числе и знаменитый Гегель (1770—1831 гг.). Сошлемся на его «Науку логики», по адресу которой В. И. Ленин в своем конспекте наряду с положительными отзывами — «Очень хорошо», «Хорошо сказано», «Остроумно и глубоко», «Остроумно и верно» и т. п.— давал и такие оценки: «Здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное», «...переход количества в качество в абстрактно-теоретическом изложении до того темен, что ничего не поймешь», «...эти части работы должны быть названы: лучшее средство для получения головной боли!» [1]

Гениальный Гегель, как отметил еще Герцен, нередко боялся «идти до последнего следствия своих начал» и, вместо того чтобы искать ясности, затемнял себя.

Тяжеловесный и маловразумительный язык многих писателей и научных деятелей неоднократно вызывал острую критику в литературе. Напомним, кроме уже указанного трактата Квинтилиана, такие произведения, как «Похвальное слово глупости» (1509 г.) Эразма Роттердамского, «Письма темных людей» (1515—1517 гг.) Ульриха фон Гуттена и Крота Рубеана или «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532—1564 гг.) Франсуа Рабле.

Трудный и темный язык очень зло высмеян в «Фаусте» Гете (1749—1832 гг.). В беседе с учеником, который обнять желает «полный круг природы всей и всех наук», гетевский Мефистофель с сарказмом поучает:

...Вместить старайтесь то, что, отродясь
В мозг человеческий не входит;
Вместите ль, нет ли,— не беда:
Словечко громкое всегда
Из затрудненья вас выводит! [2]

Однако, несмотря на острую критику и злое осмеяние, многие писатели и деятели науки продолжали

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Философские тетради, 1947, стр. 152, 107, 112, 82, 91, 151.

[2] «Фауст», часть первая, сцена 4.

пользоваться языком трудным и в то же время неопределенным, которым они столько же высказывались, сколько скрывались [1].

Но к чему весь этот разговор о Гегеле и Мефистофеле? Да к тому, что и в нашей стране было немало людей, которые под воздействием немецкой школы и по ряду других причин «испортили себе не одни фразы, но и пониманье ...Всякое простое чувство было возводимо в отвлеченные категории и возвращалось оттуда без капли живой крови, бледной алгебраической тенью» [2].

«Механическая слепка немецкого *церковно*-ученого диалекта была тем непростительнее,— говорит Герцен,— что главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня» [3], крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть» [4].

Возводить простые чувства в отвлеченные категории пытались, однако, не только во времена Герцена. Многим памятны писания наших декадентов, в которых было много отвлеченного, туманного и непонятного (см., например, отзыв Александра Блока о «симфонии» Андрея Белого) [5]. Да и сам Блок был несвободен от этого недуга. В одном из писем к матери в 1907 г. он жалуется: «Проклятие отвлеченности преследует меня... Злюсь за это на своего отца... Он — декадент до мозга костей, ибо весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное» [6].

К великому сожалению, проклятие отвлеченности преследует и поныне многих ученых, писателей, пропагандистов. Говорят и пишут таким языком, что не только скучно слушать или читать, но временами и понять трудно. Правильная мысль то и дело тонет в расплывчатых фразах. Образцы скверного, тяжеловесного

---

1 См. *А. И. Герцен,* Полное собр. соч., т. III, стр. 197, 210—211; т. V, стр. 15.

2 *А. И. Герцен,* Былое и думы, гл. XXV.

3 «Жизни мышья беготня» — цитата из произведения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессоницы».— *Э. Ф.*

4 *А. И. Герцен,* Былое и думы, гл. XXV.

5 См. *Ал. Блок,* Соч., т. II, 1955, стр. 603.

6 Там же, стр. 603.

языка много раз приводились в «Правде». К примеру: «Украшения, в противоположность одежде... никогда не играли роли основной защиты человеческого тела от непосредственных воздействий внешней среды». Цитируя эту фразу из коллективной работы в журнале «Советская этнография», «Правда» замечает: «Конечно, можно было бы сказать просто: «Украшения не могут защитить человека от дождя и холода». Но авторы всячески пытаются прикрыть свои изыскания шелухой из малопонятных, наукообразных фраз и терминов».

А вот пример из другой области. Вместо того чтобы сказать: «Если окно комнаты разбито, то залетят комары и будут кусаться» — некий доцент в своем труде умудрился написать: «При дефектах остекления этой комнаты она становится местом обитания единиц — десятков переносчиков, устанавливающих трофический контакт с населением» [1].

Наконец, выслушаем представителя зоотехники о пользе местных удобрений: «Конечные продукты питательных веществ, прошедшие через пищеварительный тракт животного, ассимилируют в себе большую энергию для выроста всех сельскохозяйственных культур». Как видите, чтобы узнать простую истину о важности навоза для удобрения полей, слушателю нашего глубокомысленного зоотехника нужно пробраться через такой густой завал мудреных терминов.

В. И. Ленин не раз бичевал уродливый, заумный язык ученой братии. Читая статью одного философа в 1909 г., Ленин на полях отметил: «Верные истины изложены в дьявольски-вычурном abstrus (темном—*Э. Ф.*) виде. Отчего Энгельс не писал таким тарабарским языком?» [2] А еще раньше, в 1901 г., в своей работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» Ленин указывал: «...члены боевой социалистической партии должны и в ученых своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать *просто,* без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки» [3].

---

[1] «Правда», 9 декабря 1954 г., 20 мая 1950 г.

[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 404.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 135.

г) Просто, без вульгаризации

Настоящая мудрость всегда выражается просто и ясно. Что касается лекторской речи, произносимой обычно, как уже было сказано, для людей, уставших после трудового дня и привыкших в большинстве своем к бытовому языку, то тут нужна *исключительная ясность,* чтобы слушателю все было не только понятно, но воспринималось им без особых усилий. «Не тот оратор, кому легко говорить, а тот, кого легко слушать». Поэтому лектору надо всеми силами заставить себя пользоваться обыкновенным языком, переводя, по возможности без ущерба для точного смысла, все определения, формулировки, все трудные обороты на язык, понятный массовой аудитории.

Такая работа чрезвычайно важна не только для слушателей, но и для самого лектора, ибо она является критерием, проверкой ясного понимания им предмета. Поэтому, работая над книгой, журналом, газетой и другими источниками, не следует спешить занести прочитанное в тетрадь, а надо постараться хорошенько разобрать весь текст в целом и в деталях, сформулировать все как можно проще и яснее, а потом лишь записать, руководствуясь при этом метким указанием Л. Н. Толстого: «Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на простонародном языке необразованному человеку» [1].

Просто и доступно излагать мысли — это вопрос, конечно, не только отбора слов. Существенное значение имеет и *грамматический* строй речи. Очень трудно воспринимать на слух большие фразы, предложения со многими придаточными или с цепью существительных в одном и том же падеже [2].

Еще труднее воспринимаются фразы со вставленными предложениями, синтаксически не связанными со всей фразой. Например: «С очень давних времен

---

[1] *Л. Н. Толстой,* Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 286.

[2] Еще в древности было указано, что «...непрерывные длинные периоды, на произнесение которых у говорящего не хватает дыхания ...не только надоедливы, но и неприятны» («Античные теории языка и стиля», 1936, стр. 287).

известно свойство натертых о шерсть или кожу кусков янтаря (янтарь — ископаемая окаменелая смола хвойных деревьев третичного периода) притягивать легкие тела — пушинки, волосы, шерстинки и т. п.»[1]

Конструкциям такого типа не место и в письменной речи, ибо они нелегко читаются. Тем более их следует избегать в лекции, где речь должна максимально приближаться по строю к живому разговорному языку.

Поэтому лектор правильно сделает, если будет развивать в себе умение упрощать сложные конструкции, а длинные фразы заменять более короткими. К примеру. Вы хотите в лекции сказать следующее: «Если основная цель современного капитализма, главный стимул и пружина его развития состоят в извлечении максимальных прибылей путем нещадной эксплуатации трудящихся, что приводит к обогащению небольшой части общества, к разорению и обнищанию большинства населения, то высшей целью социализма, его могучей двигательной силой является неуклонное удовлетворение растущих потребностей всего общества, рост материального благосостояния трудящихся на основе непрерывного развития и совершенствования промышленного и сельскохозяйственного производства, использующего все достижения передовой науки и техники».

Чтобы облегчить слушателям восприятие этой мысли, вы делите фразу на две, опустив «если» и «то».

Само собой разумеется, что при всякой такой операции необходимо следить за ясностью и точностью речи. Возьмем, например, фразу из выступления Н. С. Хрущева 17 февраля 1959 г.: «И если англичане едут к нам с чистым сердцем, для того, чтобы договориться и улучшить отношения как между нашими государствами, так и между Западом и Востоком, то мы со своей стороны будем содействовать всему тому, что способствует укреплению мира во всем мире».

Здесь, конечно, не может быть и речи о том, чтобы опустить слова «И если», «то». Ни в коем случае и ни ради чего нельзя жертвовать ясностью и точностью выражения мысли.

---

[1] *И. М. Соколов,* Курс физики, ч. 3, 1953, стр. 3.

Не всегда, однако, длинные фразы можно и нужно заменять более короткими. Допустим, вам хочется привести в лекции следующее высказывание М. Горького:

«Грозная, но и благотворная сила огня, его жизненность и неукротимая жажда пожирать, истреблять, его ослепительная красота и хитрость действий, его веселая игра, которая придает мясу зверя приятный вкус, превращает дерево в дым и пепел, заставляет рассыпаться камень, а иногда плавит его в жидкость, уничтожает воду и, уничтожаясь ею, гневно шипит и обращается в подобие дыма,— эта разнообразная, чудодейственная сила неоспоримо и мощно должна была действовать на развитие воображения первобытного человека» [1].

Фраза хотя и немаленькая, но вы предпочитаете произнести ее целиком, дословно, нежели переделывать и резать на куски, выжав из нее все соки.

Но удастся ли лектору прочесть в аудитории такого рода фразу должным образом? Без соответствующей сноровки не удастся: не хватит дыхания. Опытные лекторы знают об этом и стараются развить у себя умение правильно и отчетливо произносить и длинные фразы, хотя, повторяем, в лекции ими злоупотреблять не следует.

* *
*

Излагая просто и доступно свои мысли, важно, однако, следить за тем, чтобы не впасть в вульгаризацию. Советские слушатели и читатели очень взыскательны. Они требуют серьезного, толкового разговора, а не деланной простоватости. Лектор или пропагандист, который излишне популярничает, чрезмерно упрощая свое изложение, не может пользоваться успехом у нашей аудитории и делает, по существу, бесполезное, а порой и вредное дело. Хороший популяризатор предполагает даже в неразвитом слушателе или читателе серьезное намерение работать головой и помогает им делать эту серьезную и трудную работу [2]. Помогает, с одной стороны, тем, что располагает материал согласно указанным выше методическим требованиям, а с другой стороны — тем, что старается приблизить

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 185—186.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 285.

свою речь к пониманию слушателей или читателей, поднимая одновременно их речевую культуру на более высокий уровень.

Прекрасные образцы такой речи мы найдем во многих статьях и докладах В. И. Ленина. Вот несколько примеров из классической работы Владимира Ильича «К деревенской бедноте» (1903 г.).

1. «И рабочие не только собираются в *тайные* собрания, а выходят и на улицу *толпами»;* 2. «Рабочие должны сомкнуться как один человек для борьбы против всех, кто *живет* чужим трудом»; 3. «У нас очень многие люди (и даже многие из *образованных*) людей имеют совершенно неправильный взгляд на силу помещичьего класса...» [1]

Мы видим, что в работе для крестьянства, писанной до первой революции, Ленин обходится без слов «нелегальные», «демонстрациями», «эксплуатирует», «интеллигенция», заменяя их словами «тайные», «толпами», «живет» (чужим трудом), «образованных» (людей). Характерными чертами Ленина как пропагандиста были не только глубокая убежденность, глубокое знание предмета, «умение связывать теорию с живой действительностью, что делало теорию понятной и осмысливало окружающую действительность», умение превращать теорию в руководство к действию, но и громадное желание и умение просто и доходчиво разъяснить свои мысли, чтобы «овладеть аудиторией, установить с ней необходимое взаимопонимание» [2]. Отсюда то огромное значение, которое Ленин придавал умению говорить и писать популярно [3]. Отсюда его постоянное требование обращаться к народу «без латинских слов», приводить взамен их русские слова, имеющие то же значение, что он так мастерски и выполнял в своих работах для широкого читателя.

Наряду с этим Ленин показал и бесчисленное множество примеров того, как сделать доступными труд-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 330, 340, 342. Подчеркнуто мной.— *Э. Ф.*

[2] См. *Н. К. Крупская,* Ленин как пропагандист и агитатор; Будем учиться работать у Ленина.

[3] «Я ничего так не желал бы,— писал Ленин в 1897 г. из ссылки,— ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих» (т. XXVIII, изд. III, стр. 17).

ные слова, если в них есть крайняя необходимость. Так, в той же работе «К деревенской бедноте» целый ряд непонятных крестьянству иностранных слов Владимир Ильич сопровождает переводом. Например: «проект (предложение)», «территории (т. е. всей земли)», «организация (т. е. объединение, союз)» ,«колоссальна (т. е. огромна, необъятна)» и т. п.

А многие трудные слова Владимир Ильич подробнейшим образом разъясняет: «...социал-демократы составили свою *программу*. Программа это значит — короткое, ясное и точное заявление *всего, чего партия добивается и за что она борется»* [1].

Таким же образом Ленин поступал и в других работах, рассчитанных на массового слушателя или читателя. Вот две выдержки из статьи Ленина «Объяснение закона о штрафах», писанной в 1895 г. для рабочих. Заметьте, каким доступным языком здесь раскрывается смысл слов «кризис» и «проценты».

«Лет десять тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила *заминка,* так называемый кризис: товар не шел с рук...» «...Рабочие требовали, чтобы... штрафы впредь не превышали 5% заработка, т. е. составляли не более 5 коп. с заработанного рубля...» [2]

Разумеется, с тех пор как были написаны указанные работы Ленина, многое изменилось. Изменился весь строй жизни, изменилось сознание масс, изменилась их речь. Многие иностранные слова и термины, ранее бытовавшие в узком кругу, все шире и глубже входят в живую речь народа. Более того, многие иноземные слова нашли у нас самую плодородную почву для своего развития и распространения, часто более плодородную, нежели у себя на родине, ибо нигде широчайшие народные массы не занимаются так много политикой, экономикой, агрономией, литературой, музыкой, спортом и другими отраслями науки, техники и искусства, как в нашей Советской стране. Слова «автономия», «академия», «библиотека», «театр» у нас употребляются чаще, чем в Греции; слова «магазин», «цифры», «алгебра», «альманах» у нас больше в ходу, чем в арабских странах, а «бюджет»,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 360.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 21—22.

«комбайн», «клуб», «фольклор» — вероятно, больше, нежели в Англии и Соединенных Штатах Америки.

И все же требование Владимира Ильича «уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов» сохраняет и поныне свое значение, ибо наряду со многими действительно необходимыми терминами и иностранными словами имеется немало лишних, затрудняющих наше влияние на массу. Сравните, например:

1. Вопросы этногенеза народов СССР привлекают к себе пристальное внимание наших историков.

2. Вопросы происхождения народов СССР привлекают к себе пристальное внимание наших историков.

Ясно, что фраза со словом «происхождения» для десятков миллионов людей более доходчива, нежели фраза с термином «этногенеза» [1].

В этой связи уместно напомнить и слова В. В. Маяковского (на собрании читателей «Комсомольской правды» 21 февраля 1930 г.): «Я беру сегодняшний номер журнала «Пятидневка», там написано: «Коммунисты — в железную фалангу». Ну, а кто знает, что такое фаланга?.. Почему не сказать: коммунисты — в железные ряды» [2]. И действительно. «Коммунисты — в железные ряды» — не только более понятная фраза, нежели «Коммунисты — в железную фалангу», но и более приятная для слуха: она более ритмична, более ударна.

д) Определенно, без двусмысленностей

При подборе терминов и построении фразы опытный лектор следит за тем, чтобы каждое слово, каждый оборот речи вызывали у всех слушателей или читателей соответствующие понятия. Но это не так просто. Во-первых, потому, что слово по своей сути всегда *обоб-*

---

[1] Кстати, говорить и писать «этногенез народов» вообще не следует — это тавтология (тождесловие): «этногенез» уже заключает в себе понятие «народ(ов)». К сожалению, эта тавтология в последнее время встречается даже в печати.

[2] *В. В. Маяковский,* Соч. в одном томе, 1941, стр. 503. См. также стихотворение Маяковского «О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах», там же, стр. 83.

щает; во-вторых, потому, что оно то и дело употребляется не только в прямом (обычном) значении, но и в переносном (образном, фигуральном) смысле. В силу этого, а также в силу ряда других причин в языке имеется огромное количество слов, каждое из которых обладает *многими значениями*. Словом «стол», например, мы обозначаем любой стол: дубовый и сосновый, деревянный и каменный, четырехугольный и круглый, на четырех ножках и на одной и т. д. Кроме того, слово «стол» может служить наименованием и для других понятий, скажем для еды, для определенного вида учреждения. Например: получать стол и комнату, зайти в личный стол, в стол заказов и т. п.

Правда, *многозначными* слова бывают вне контекста, вне связной речи. Мы же обычно говорим не отдельными словами, а целыми фразами, а в фразе мы объясняем себе ее слова одно посредством другого. Контекст раскрывает конкретное значение слова. Так, например, когда слышим или читаем «Мир в борьбе за мир объединится», мы ясно представляем различное значение этих двух «миров». В стихе Безыменского «Где жал кулак людей в кулак» мы в первый «кулак» вкладываем одно значение, а во второй — иное. Больше того. Пользуясь тем, что контекст подсказывает конкретный смысл слова, мы многозначные слова и выражения порой применяем для *каламбуров* — словесной игры, как, например, в фразе «Много толков, да мало толку».

Однако бывают случаи, когда и контекст не выручает, особенно если он небольшой. Например, в фразе «Нам часто приходилось иметь дело с *вредителями*» мы, не будучи подготовленными предыдущими фразами или темой речи вообще, не сможем определить, о каких вредителях идет речь — о насекомых или о людях.

Или, скажем, *война и мир*. Это сочетание может иметь такое же значение, как в заглавии знаменитого произведения Л. Н. Толстого, т. е. война и ее противоположность; но оно может иметь то же значение, что в названии известной поэмы В. В. Маяковского, а именно: война и вселенная (слово «мир» в заглавии поэмы Маяковского писалось по дореволюционной орфографии через «и с точкой» — міръ).

Такого рода затруднения в понимании бывают значительно чаще, чем мы предполагаем. В романе «Анна Каренина» показана драматическая сцена, разыгравшаяся во время родов Кити из-за слова «кончается». Услыхав от доктора это слово, Левин, муж Кити, понял *кончается* в смысле умирает, за что он чуть не поплатился разрывом сердца (см. ч. 7, гл. XV).

Заметим попутно, что к многозначным словам любят прибегать софисты, т. е. люди, которые преднамеренно искажают истину. При помощи многозначных слов им легче прикрыть свою мнимую мудрость и показную последовательность в рассуждениях, легче ввести слушателя или читателя в заблуждение. На эту черту софистов обратил внимание еще великий мыслитель древности Аристотель (384—322 гг. до н. э.).

Отсюда вывод: речь надо строить таким образом, чтобы она была понята в определенном, желательном для нас смысле. В тех же случаях, когда приходится пользоваться словом недостаточно конкретным и в контексте, то такое слово необходимо разъяснить. Например, у Ф. Меринга: ««Манифест» (Маркса и Энгельса.— *Э. Ф.*) — исторический документ в полном значении этого слова, исторический и в том смысле, что таков, как он есть, он мог возникнуть лишь в тот исторический момент, когда он действительно появился» [1].

* *
*

При пользовании словами в переносном смысле важно иметь в виду, что массовый слушатель может их иногда толковать в прямом значении, ибо он гораздо чаще, чем более образованный человек, мыслит конкретно, предметно. Поэтому одно и то же выражение может быть понято разными людьми по-разному. Вот, например, разговор между журналистом Арнольдовым и крестьянином в трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам» (речь идет о начале первой мировой войны):

«— А что, скажите, из вашей деревни охотно пошли на войну?

---

[1] *Ф. Меринг*, История германской социал-демократии, т. 1, 1921, стр. 323.

— Охотой многие пошли, господин.

— Был, значит, подъем?

— Да, поднялись. Отчего не пойти? Все-таки посмотрят — как там и что» (книга 1, гл. XIV).

Стало быть, чем менее подготовлен слушатель, тем большее количество слов, употребляемых нами в переносном смысле, необходимо ему растолковать.

Затем в пояснениях нуждаются нередко и слова из обиходного языка, которые мы применяем в той или другой области науки в качестве терминов. Так, например, если вы говорите, что все животные произошли от немногих видов животных, и хотите, чтобы слушатель понимал вашу фразу абсолютно точно, вы непременно должны раскрыть ему смысл слова «животное» в науке, а именно: любое живое существо, включая и человека.

Толкование таких слов, как «животное», «род», «вид», «товар», «стоимость», «капитал», «колония», «идеалист», «материалист» и т. д., имеющих в науке не тот же смысл, что в обиходе, во многих случаях так же важно, как раскрытие значений совершенно незнакомых терминов.

Кстати, если среди слушателей есть люди без соответствующей подготовки, то порой не мешает раскрыть значение и ряда простых ходовых терминов. Опыт показывает, что многие пользуются иногда словами, не зная их точного смысла. В одном из подмосковных колхозов спрашивают бригадира:

— Как вы будете сажать кукурузу?

— Квадратами.

— С какими расстояниями между гнездами?

— Шестьдесят сантиметров на семьдесят,— отвечает бригадир[1].

Впрочем, известны случаи, когда и более грамотные люди, чем наш бригадир, не знают точного смысла слова «квадрат», путая его со значением слова «прямоугольник».

Другой пример, свидетельствующий о том, что не всегда люди знают точный смысл употребляемых слов: «Все более и более сжимается... сила газа, ...до тех пор, пока емкость его не уменьшается в пятьдесят раз».

---

[1] См. «Правда», 17 мая 1955 г.

«Емкость газа» — это, конечно, явная бессмыслица: газ имеет объем, а не емкость.

Следовательно, во многих случаях необходимо растолковать и такие простые термины, как «квадрат», «прямоугольник», «кубометр», «объем», «емкость».

Трудное или многозначное слово нередко целесообразнее не разъяснять, а заменить его *синонимом,* т. е. сходным по смыслу словом. Так, например, вместо «это предложение очень удачно» порой полезнее сказать: «этот проект очень удачен», или в другом контексте: «эта фраза очень удачна»; вместо «пионер» (в какой-нибудь отрасли) подчас лучше пользоваться словом «зачинатель», «новатор», «передовик»; взамен слова «положение» иногда более желательно употребить слово «состояние», «местонахождение», «ситуация», «поза», «тезис», «утверждение» и т. п.

А в ряде случаев трудное или многозначное слово не заменяется синонимом, а сопровождается таковым. Например, у М. И. Калинина: «...Никто не живет так худо в мире, как мизантроп — человеконенавистник» [1].

3. АКТУАЛЬНО, УМЕСТНО, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО

Чтобы установить со слушателями полное взаимопонимание, чтобы каждый оборот речи несомненно вызывал у них соответствующие понятия, лектору необходимо помнить о том, что язык, в особенности его словарный состав, находится в движении, в развитии. Появляются новые слова, изменяются значения старых выражений. Значение слова становится несколько шире или у́же, а в ряде случаев слово приобретает совершенно иной смысл.

Слово «проводник», например, сейчас обозначает не только провожатого для указания пути в какой-либо местности, но и железнодорожного служащего, наблюдающего за порядком в вагоне. Кроме того, «проводником» называется всякое вещество, хорошо проводящее теплоту, электричество, звук и т. п., как и любой предмет или лицо, служащие передатчиком, посредником для распространения чего-нибудь. Напри-

[1] *М. И. Калинин,* О коммунистическом воспитании, 1958, стр. 176.

мер: проводник(и) социалистической культуры, проводник(и) мичуринских идей. А в горном деле «проводник» означает деревянный брус, или стальной канат, или рельс в вертикальном стволе шахты, направляющие движение клети.

А слово «партизан» в последнее время проделало несколько иной путь развития. Его основное значение — участник легкого отряда, вредящего врагу внезапными нападениями с тыла, с флангов,— получившее особый народно-патриотический смысл и широчайшее распространение в годы Отечественной войны, совершенно вытеснило другие значения этого слова: «неорганизованный», «бесплановый», «недисциплинированный» и т. п. А еще раньше были забыты его значения «сторонник», «соучастник», которые слово «партизан» имело в XIX в. Например, у Н. Г. Чернышевского: «Месяц проходил за месяцем в известных переговорах между банкротом и его партизанами» [1].

Значение слов мы нередко изменяем так существенно, что начинаем употреблять то или другое слово не только в ином значении, но даже в значении, ему противоположном. Так, например, мы говорим «красная роза», «черная краска», «синие чернила», совершенно не считаясь с тем (вернее, забыв о том), что слово «роза» предполагает что-то розовое, «краска» — красное, а «чернила» — черное (как, например, «белила» — белое). Мы говорим «деление атома», и нас абсолютно не трогает буквальное значение греческого слова «атом» (атомос) — неделимый.

Вот почему к словам и к их значениям надо подходить исторически-конкретно. И если мы ведем речь о демократии в древней Греции, о пролетариях древнего Рима, о приказах в Московском государстве или об атоме в понимании ученых прежних веков и т. п., мы непременно должны раскрыть, чтó под этими и подобными словами подразумевалось в ту или иную эпоху.

Затем следует помнить, что одно и то же слово в устах представителей различных классов *одной и той же эпохи* может иметь различный и даже противопо-

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Избранные сочинения, т. IV, 1931, стр. 443.

ложный смысл. В особенности это касается многих наименований из социально-экономической области, таких, как «порядок», «закон», «истина», «нравственность», «справедливость», «свобода», «равенство», «революция», «эксплуатация», «барин», «кулак», «пролетариат», «партизан», «патриот», «патриотизм», «космополитизм», «народ», «родина» и т. п.

На разное понимание различными социальными группами, классами одних и тех же слов неоднократно указывал В. И. Ленин. «У нас с нашими противниками,— говорил Ленин на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов в 1917 г.,— основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства!» [1]

То, что одно и то же слово прикрывает принципиально различное, а порой и *противоположное,* содержание (противоположные идеи) при наличии и необходимости *общенародного языка,* способствует тому, как уже было указано, что язык используется эксплуатирующими классами и их агентами как орудие обмана и угнетения народных масс. «Язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли»,— говаривал Талейран (1754—1838 гг.), этот ловкий беспринципный французский дипломат, бывший епископ и величайшая каналья своего века. А все талейраны всех родов и видов в своих многочисленных речах и документах подтверждают это каждодневно, ежечасно.

Вот почему вожди рабочего класса вели всегда такую решительную и упорную борьбу за смысловую точность слов, за их конкретное и актуальное содержание, против терминов, которые предполагают что угодно, против фраз, которыми постоянно обманывают народ в буржуазных парламентских республиках.

Еще в 1843 г. Ф. Энгельс писал: «Французская революция положила начало демократии в Европе. Демократия, в конечном счете... есть... ложь, не что иное, как лицемерие... Политическая свобода есть мнимая

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 454.

свобода, худший вид рабства; она лишь видимость свободы и поэтому в действительности — рабство»[1].

Известно, какое огромное количество высказываний мы имеем у В. И. Ленина против р-р-революционной фразы, против всех тех, кто слово «принимает за сущность, вывеску за содержание». Ленин всегда требовал, «чтобы фраза не темнила ума, не засоряла сознания. Когда говорят о «революции», о «революционном народе», о «революционной демократии» и т. п., то *в девяти случаях из десяти* это лганье или самообман. Надо спрашивать, о революции *какого класса* идет речь? о революции *против кого?*»[2]

«Пока не уничтожены классы,— учил В. И. Ленин,— при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов, прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров»[3].

Итак, будем помнить, что тождество слов еще не значит тождества мыслей, что к словам надо подходить исторически-конкретно, вскрывая их точное, актуальное содержание, разоблачая всех тех, кто использует язык как орудие обмана и угнетения народа.

Лектору должно быть известно и следующее. Чтобы слова соответствовали мысли, чтобы они не засоряли сознания, в тех или других случаях приходится совершенно *отказываться от употребления ряда слов,* ставших расплывчатыми, неточными или одиозными, неприятными. Когда Ленин на собрании большевиков 4(17) апреля 1917 г. предлагал отказаться от старого названия партии «социал-демократическая» и назвать ее «коммунистической», он мотивировал тем, что слово «социал-демократия» неточно, что «большинство официальных социал-демократов изменили, предали социализм», а потому не надо цепляться за старое слово, которое насквозь прогнило. «...Чтобы переменить

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., изд. второе, т. 1, 1955, стр. 526.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 326.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 366.

белье,— говорил тогда Владимир Ильич,— надо снять грязную рубашку и надеть чистую» [1].

Отказ от неприятных слов, от слов с неугодным значением — явление далеко не случайное. Ведь слово, если только оно понятно, всегда вызывает определенную ассоциацию, напоминает о каком-либо предмете, явлении, действии, состоянии, отношении и т. д. Эти предметы, явления, действия и т. д. могут быть приятными или неприятными; они могут вызывать чувство уважения или пренебрежения, чувство радости, надежды или печали, покоя, уверенности или тревоги и т. д. Ввиду этого к определенным словам устанавливается *различное эмоциональное отношение*.

«История повторяется, хотя и на новой основе,— писал И. В. Сталин в статье «Международный характер Октябрьской революции» (1927 г.).— Как раньше, в период падения *феодализма*, слово «якобинец» вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения *капитализма*, слово «большевик» вызывает у буржуазии всех стран ужас и омерзение. И, наоборот, как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей подымающейся *буржуазии*, так и теперь Москва является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося *пролетариата*».

Словами, вызывающими различное эмоциональное отношение, в первую очередь являются те, которые так или иначе напоминают о существовании, деятельности, успехах своего коллектива, класса, народа или, наоборот, своего врага и его агентуры. Это различное отношение может быть выражено: либо в тоне, с которым мы произносим определенную группу слов; либо в определениях (эпитетах), которыми мы сопровождаем эти слова; либо в том, что мы пользуемся последними как можно чаще, популяризируем их или, наоборот, стараемся их применять как можно реже, а иногда совершенно отказываемся от их употребления [2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 36, стр. 403.

[2] См., например, у Н. Г. Чернышевского: «Цензурные правила таковы, что ...нельзя, например, сказать: «великий Коперник совершил революцию в науке». Тут надобно или выбросить слово *великий*, чтобы не было похвалы человеку за совершение революции, или заменить слово революция словом переворот» (Полное собрание соч., т. XVI, стр. 358).

* *
*

Мы должны требовать от себя и учить слушателей называть вещи своими именами, подбирая для каждого случая не вообще пригодные выражения, а самые подходящие или даже единственно возможные слова. Поэтому вызывает возражение фраза: «Миллионы пуль пели, как пчелы на огромном пчельнике». «Пели» здесь явно не соответствует. Лектор увлекся, должно быть, звуковой стороной речи и в погоне за созвучием поступился точностью изображения.

Другой пример: «По желанию трудовых крестьянских масс 15 ноября 1917 г. произошло слияние Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьянских депутатов с Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов. Трудящиеся городов и деревень с горячим одобрением встретили это мероприятие».

«Мероприятие» в данном контексте — совершенно неподходящее слово: режет слух.

Есть несоответствие и в следующем высказывании: «9(22) января 1905 г. рабочие пошли к Зимнему дворцу... Рабочие шли к царю целыми семьями... Николай II встретил их недружелюбно. Он приказал стрелять в безоружных рабочих».

Как известно, в Кровавое воскресенье более 1200 человек было убито и свыше 5 тысяч ранено. Поэтому слово «недружелюбно» или даже слова «неприязненно», «враждебно» здесь никак не подходят. Пожалуй, лучше всего сказать: «...Николай II встретил их ружейными залпами...», или: «...Николай II приказал стрелять...»

Требование уместного сочетания слов важно иметь в виду особенно при отборе *синонимов* (от греч.— одноименный). Под синонимами, как известно, подразумевают слова, разные по звучанию, но *одинаковые* или *сходные* по значению. Например:

1) самолет — аэроплан, бегемот — гиппопотам — *одинаковые* синонимы, с тождественным значением; они всегда могут заменять друг друга в научно-политической фразе;

2) природа — натура, конь — лошадь — *сходные* синонимы, различаемые смысловыми оттенками или эмоциональной окраской, в силу чего каждым из этих синонимов можно пользоваться лишь в известной связи, в определенном контексте. Можно сказать: «служить натурой художнику», но нельзя сказать: «служить природой художнику». А разницу между «конем» и «лошадью» покажет такой пример: дворянский поэт А. А. Фет (1820—1892 гг.) упомянул в своих стихах сорок шесть раз слово «конь» и ни разу не заметил, как говорит В. В. Маяковский, «что вокруг него бегают и лошади. Конь изысканно, лошадь буднично» [1].

Смысловой оттенок слова обычно зависит от *происхождения* (этимологии) слова, от его структуры. Например, в «Заметках» А. Н. Островского: «Почему язык хорош? Потому что это *творение,* а не *сочинение».* (Курсив мой.— *Э. Ф.*)

Однако во многих случаях смысловой оттенок и другие выразительные качества слова определяются лексической (словарной) средой, откуда данное слово заимствовано. Ведь язык — продукт всего народа, всех его слоев. Поэтому наряду с основным запасом общеупотребительных, повседневных, а потому и менее выразительных слов и выражений имеется огромное количество оборотов, возникших в определенной среде (областной, социальной, профессиональной и т. д.) и являющихся или являвшихся принадлежностью известных групп населения. Это так называемые слова «крестьянские» или «интеллигентские», «адвокатские» или «школьные», «научные» или «церковные» и т. д. [2]

По рассказу А. И. Герцена, в его родительском доме старый лакей Бакай учил мальчишек: «А ты, мужик, знай: я тебе даю, а барин изволит тебе *жаловать*; ты ешь, а барин изволит *кушать;* ты спишь, щенок, а барин изволит *почивать*. Этот лексикон был у него вполне выработан, и Бакай никогда не ошибался, когда надобно было сказать *рубашка* и когда *сорочка»* [3].

---

[1] *В. В. Маяковский,* Соч., в одном томе, 1941, стр. 491.

[2] В своих «Мыслях и заметках о русской литературе» (1846 г.) В. Г. Белинский отметил: «...у каждого нашего сословия все свое, особенное — и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык» (Избранные сочинения, 1948, стр. 525).

[3] *А. И. Герцен,* Полное собр. соч., т. IX, стр. 437.

Конечно, в Советском Союзе мы уже не встретим такого «лексикона». В наших языках различий между теми и другими социальными говорами становится все меньше, поскольку грань между социальными слоями общества все больше и больше стирается. Однако некоторые различия все еще имеются, и мы их в разговоре ощущаем. Особенно мы чувствуем и выделяем так называемые слова «официальные» и «фамильярные», «торжественные» и «вульгарные» и т. п. Сравните, например: глаз — око, губы — уста, архитектор — зодчий, родина — отчизна, одинаковый — тождественный, умирать — подыхать, напрасно — всуе и т. п.

В большинстве случаев применяют первое слово из данных двух, но подчас появляется необходимость именно во втором из них, ибо, как менее часто употребляемое, такое слово несколько интенсивнее задерживает наше внимание, вызывая более конкретное представление. Например, у Горького: «Художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его» [1].

Поставьте здесь вместо «око» более ходовое слово «глаз» — и фраза несколько потускнеет, будет звучать более буднично, менее торжественно, к тому же и менее ритмично. Но если вы скажете: «У меня заболело правое око»,— ваша фраза непременно вызовет усмешку, ибо, как говорили еще в древности, ничто не может нравиться, если оно неуместно.

Когда перед нами *одинаковые синонимы,* следует отдавать предпочтение тому из них, который более распространен, легче воспринимается, быстрее запоминается. Стало быть, «бегемот» желательнее, чем «гиппопотам», а «карлик» — чем «лилипут» [2]. По этим же мотивам следует, как правило, употреблять слова «причинность», «туземцы», а не «каузальность», «аборигены» или «автохтоны». Порой, однако, при отборе синонима мы невольно считаемся и с чисто внешними, фонетическими, соображениями: с количеством слогов, характером звуков — гласных, согласных, местом ударения и т. п., ибо и само звучание слова не-

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 24, стр. 491.

[2] Из письма М. Горького: «Вы употребляете слово «лилипуты», когда можно обойтись более широко знакомым словом — «карлики»» (Соч., т. 30, стр. 142).

редко является ощутимым и существенным свойством речи. Поэтому в одном контексте будем первенство отдавать, скажем, слову «самолет», а в ином — слову «аэроплан».

Следовательно, при отборе синонима и всякого другого слова следует принять во внимание все выразительные качества слова, проверяя, насколько оно подходит для данного случая.

* *
*

Очень важно уметь подбирать слова *емкие*, *веские*, чтобы они как можно полнее и глубже раскрывали смысл фраз, вызывая у слушателя или читателя как можно больше представлений. В рассказе М. Горького «9-ое января» есть такое место:

« — Давайте говорить солдатам,— может, они поймут, что нет закона убивать народ!

— А может, есть,— почему мы знаем?

Толпа медленно, но неуклонно изменялась, перерождаясь в народ».

Здесь несколькими штрихами убедительно показано историческое значение 9 января: авторитет закона (власти, царя) подорван; вышедшая на улицу *толпа* — неорганизованная, безликая масса — в течение одного дня превратилась в *народ*, в разумно действующую силу, в сознательного творца истории. И большую роль в этом показе играют слова «толпа», «народ», ставшие здесь особенно выразительными благодаря их сопоставлению.

Веское слово, однако, не значит непременно яркое слово. Порой можно и будничным выражением вызвать у слушателя или читателя живой образ. Вспомните первый день в доме Карениных по приезде Анны. Алексей Александрович Каренин ровно в пять часов «вошел в залу, раскланялся со всеми и поспешно сел, улыбаясь жене:

— Да, кончилось мое уединение. Ты не поверишь, как неловко (он ударил на слове *неловко*) обедать одному» [1].

С первого взгляда может показаться, что у Л. Н. Толстого здесь описка. Ведь слова «скучно»,

[1] *Л. Н. Толстой,* Анна Каренина, ч. 1, гл. XXXIII.

«грустно», «тоскливо», «печально» и подобные соответствовали бы больше данному контексту, нежели обыденное слово «неловко». Однако здесь никакой описки нет. Теплые слова, выражающие серьезные чувства, не в стиле Каренина. Отсутствие Анны, его уединение сводятся лишь к некоторому неудобству: *неловко* обедать одному. Если еще вспомнить предыдущие сцены в романе: встречу Анны с Вронским на платформе, его открытое и сердечное признание,— то мы еще больше почувствуем уместность этого серого, повседневного слова «неловко», которое в данном случае выразительнее, колоритнее всяких других.

Или, например, у М. Горького — в рассказе «Рождение человека»: «Превосходная должность — быть на земле человеком». Быть человеком — это не занятие, не работа, не служба, не обязанность и т. п., а должность (долг, должны...). Это слово придает всей фразе тон величавости, торжественности, что так хорошо соответствует всему рассказу.

Такими же уместными должны быть слова и в лекторской речи. Каждое слово, каждая фраза должны выражать мысль четко, определенно, рельефно.

* *
*

Отбор слов, метких, разящих, должен помочь лектору, пропагандисту не только ясно и точно выразить свою мысль, но и выявить свое *отношение* к обсуждаемому вопросу. Например, у М. Горького: «Эпоха повелительно требует от литератора участия в строительстве нового мира, в обороне страны, в борьбе против мещанина...— эпоха требует от литературы активного участия в классовых битвах. Мы рановато укладываемся дрыхнуть на дешевеньких лаврах» [1].

Как видите, здесь у Горького не «почивать на... лаврах» — это слишком праздничное, почтительное выражение. Не пожелал автор для данного контекста и слов «спать», «дремать» или «отдыхать» — эти слишком будничны, нейтральны, мало выразительны. Великому писателю и гражданину, всеми фибрами своего существа ненавидящему мещан, индивидуалистов, торгашей, требуется здесь слово острое, резкое, осуждающее,

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 276.

которым можно не только выразить свой замысел, но и показать свое отношение к вопросу. Поэтому Горький берет из просторечия глагол «дрыхнуть», сочетает его со словами «на дешевеньких лаврах» и хлещет фразой по лицу определенного типа литераторов.

Другой пример удачного подбора метких, хлестких слов: «...он (царь Николай II) жил, окруженный сетью охраны, под защитою конвоя со звероподобными и наглыми мордами, тратя на это огромные народные деньги» (А. Ф. Кони).

И, наконец, иллюстрация из лекции: «Кто может считать нормальным такое положение, когда самая большая страна в мире — Китай лишен возможности участвовать в работе Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, а вместо этого в органах ООН торчит какое-то гоминдановское чучело».

Попробуем здесь дать другой конец: «...а вместо этого в органах ООН находится (имеется, заседает...) какой-то гоминдановский представитель». Вы видите, какая резкая разница? Фраза потеряла свое лицо, свой накал.

Разумеется, думая о меткости и хлесткости слов, не следует упускать из виду и все другие требования речи. Надо стараться совмещать в фразе все необходимые качества.

Разберем с этой точки зрения название статьи В. И. Ленина «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» (1905 г.). А почему «крадется»? Разве нельзя было сказать: ...буржуазия «идет», «стремится», «рвется» или «тянется к власти»? Или: «зарится на власть», «мечтает о власти» и т. п.? Конечно, можно, но «крадется» — здесь более подходящее слово. Вспомним ситуацию. В стране революция. Ее возглавляет рабочий класс. Буржуазия, мечтая о реформах, о власти, пугает царя революцией, но боится последней не меньше царя. Для достижения своих целей буржуазия нуждается в поддержке народа, но страшится его: неразлучный спутник буржуазии — пролетариат — перерос ее, ведя за собой большие народные массы. Поэтому российская буржуазия в 1905 г. страшно нерешительна.

«Сегодня — она у царя и просит у него, от имени «народа», монархической конституции, трусливо отре-

каясь в то же время от народа, от «смуты», от «крамолы», от революции. Завтра — она грозит царю со своего съезда, грозит монархической конституцией и мирным сопротивлением против штыка» [1]. Буржуазия боится решительной борьбы, и, пока пролетариат борется, она выжидает, не победит ли народ, не явится ли у нее возможность взять в руки власть после победы народа. И именно поэтому слово «крадется» здесь наиболее уместно: оно самым точным образом показывает нам объективное положение вещей, выявляя заодно и отношение говорящего к предмету речи.

Или другой пример из той же статьи В. И. Ленина: «Идет вперед революция, за ней ковыляет и буржуазная демократия». Попробуем заменить здесь «ковыляет» другим сходным глаголом: «шагает», «следует», «тянется», «плетется», «ползет», «хромает» и т. п.— и увидим, что ленинское сочетание слов более соответствует действительности и цели, преследуемой высказыванием.

Как мы уже говорили, лектору необходимо уметь обнажать намерение противника, срывать ту пелену, которая служит прикрытием его подлинных стремлений. Такой пеленой кроме уже ранее указанных — дезинформации, смысловой неясности, словесной драпировки — является и *приглаженность* речи, ее, так сказать, обтекаемая форма.

К обтекаемым формам речи буржуазные политики и их пропагандисты прибегают нередко. Нам, конечно, такие формы не к лицу. «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения»,— было заявлено еще в «Манифесте Коммунистической партии». Честная пропаганда не нуждается в приглаженности речи. Мы должны уметь подавать материал предельно выпукло, как это делал В. И. Ленин, ратовавший не только за совершеннейшую точность мысли и выражений, но и за их действенность и целенаправленность. Ленин всегда стремился давать такие формулировки, из коих неизбежно вытекал определенный вывод.

Возьмем небольшое высказывание В. И. Ленина из его работы «Детская болезнь «левизны» в коммуниз-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, стр. 153.

ме» (1920 г.): «Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой «рабочей аристократии» переходили постоянно на сторону буржуазии, были — прямо или косвенно — на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями» [1].

Здесь мы видим не только констатирование ряда фактов, но и раскрытие их причинной связи. Одновременно мы чувствуем и отношение автора к существу дела, о котором он говорит, и его воинственную целеустремленность. Отсюда и своеобразный слог этой выдержки. Наряду с определенным количеством терминов научно-публицистического характера мы тут отмечаем и выражения из бытового словаря («были... на содержании...») и даже просторечные формы («этой сволочи»), и все для того, чтобы как можно точнее, убедительнее и резче не только показать истинное лицо вождей английской «рабочей аристократии», но и выявить отношение к ним. Указанные качества ленинского стиля легко обнаружить не только в политических статьях В. И. Ленина, но и в его экономических работах, и в статьях о Толстом, и в философских трудах. «Агностик,— разъясняет В. И. Ленин,— слово греческое: *а* значит по-гречески *не; gnosis — знание*. Агностик говорит: *не знаю*, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это... Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах» [2].

В любой фразе, в любом высказывании В. И. Ленина мы чувствуем остроту его языка, его воинственность, партийную целеустремленность. Ведь язык — важнейшее орудие развития и борьбы. «Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его» [3].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 25.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 115.
[3] *М. Горький*, Собр. соч., т. 27, стр. 170.

* *
*

Чтобы уметь оттачивать язык, надо его знать, хорошо им владеть, иметь богатый запас слов, оборотов и уметь отбирать из них самые удачные, самые целесообразные для данного случая. Но это не так просто и легко. Дело в том, что словарь современного культурного языка содержит много десятков тысяч слов, а словарь такого языка, как русский, одного из богатейших языков мира, достигает многих сотен тысяч слов. Как правило, каждый из нас владеет лишь какой-то небольшой долей словарных богатств своего языка, и то больше в *пассивной* форме, т. е. многие слова нам понятны, но в своей активной речи мы их не употребляем. Вот почему мы обычно как будто неплохо воспринимаем произведения крупнейших мастеров словесного искусства, понимаем все их выражения и обороты, но, когда нам самим приходится что-то толково сказать или написать, многие из нас порой становятся беспомощными: все языковые накопления как бы улетучиваются, и мы не в состоянии, как говорится, связать и двух слов.

Для преодоления этой трудности опытные лекторы постоянно активизируют свой запас слов и обогащают его. Они внимательно читают и изучают произведения крупных мастеров художественного и публицистического слова и вместе с тем прислушиваются к говорам народа — создателя языковых сокровищ. Они часто заглядывают в толковые словари, в словари синонимов и выписывают оттуда слова и обороты, которыми до того не пользовались. Многие лекторы, пропагандисты, так же как и писатели, нередко составляют особые списки по семантическому принципу, т. е. группируя слова по их значению (смыслу), например:

1. Вой, гам, гром, грохот, гудение, гул, лязг, писк, плеск, рев, свист, скрежет, скрип, трение, треск, уханье, шелест, шипение, шепот, шорох, шум, шуршание, щелк...

2. Безукоризненный, безупречный, бесподобный, блестящий, блистательный, великолепный, восхитительный, гениальный, даровитый, дивный, замечательный, идеальный, изумительный, исключительный, не-

дюжинный, необыкновенный, неподражаемый, обаятельный, обворожительный, образцовый, одаренный, отличный, очаровательный, пленительный, поразительный, превосходный, прекрасный, прелестный, славный, совершенный, талантливый, удачный, удивительный, феноменальный, хороший, чудесный, чудный...

Слова заносятся в список либо в алфавитном порядке, либо в порядке нарастания выражаемого ими качества или действия. В том или другом случае слова могут быть разбиты на подгруппы. Так, из приведенного выше ряда прилагательных выделяют особо те, которые сочетаются со словом «человек», со словом «порядок», со словом «климат» и т. п.

4. СЖАТО, ЭКОНОМНО

Сила речи состоит в умении выразить многое в немногих словах, в умении быть *кратким*. Краткость, однако, заключается не в том, чтобы речь была непродолжительна, а в том, чтобы в ней не было ничего лишнего, ничего случайного.

Чтобы быть кратким в изложении материала, важно прежде всего, как это уже было однажды сказано, не начинать с Адама, а строго придерживаться *предмета речи*. В противном случае мы только мешаем слушателю или читателю сосредоточиться. Вот, к примеру, статья на тему «За массовое радиолюбительство» в журнале «Радио» № 1 за 1954 г. В первых *десяти* абзацах статьи нет ни единого слова о радиолюбительстве и о радио вообще. Разве это нормально? Разве таким путем можно вызвать интерес к теме? Это только трата материала и времени.

Затем краткость требует, чтобы в речи не было *прописных истин*. Если вы начинаете доказывать, как в одном учебнике по зоологии, что «при разжевывании пищи кролик двигает челюстями», а «без пищи кролик жить не может», то вы невольно копируете нашего знакомого Ипполита Ипполитыча, который также учил, что «без пищи люди не могут существовать» (*А. П. Чехов,* Учитель словесности).

Далее, необходимо, чтобы в изложении *не было длиннот,* многоречивости. Как известно, это беда многих ученых, журналистов, писателей. Читая книгу

Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса», В. И. Ленин замечает: «Лассаль совершенно не знает чувства меры в этом сочинении, прямо-таки *т о п я* Гераклита в *Г е г е л е*... Из 850 страниц Лассаля надо бы сделать 85 страниц квинтэссенции и перевести на русский... Могла бы выйти полезная вещь!» [1]

А вот пример многоречивости несколько иного характера: «Любовь — специфическое человеческое чувство. Кроме человека, оно не свойственно ни одному из представителей органического мира».

Вы видите, автор этого высказывания старался затратить слов как можно больше для выражения самых простых и общепонятных вещей. Однако в указанной выдержке есть еще более серьезная болезнь, чем словесная водянка. Как хорошо известно, к органическому миру относятся не только животные, но и растения, торф, нефть и др. Поэтому упоминание об органическом мире в контексте о любви — нелепость.

Любителям многословия и словесных выкрутасов было бы полезно иметь всегда перед собой одно из писем Л. Н. Толстого к С. А. Толстой (1887 г.): «...вчера много занимался; писал совсем новую главу... Пересматривал, поправлял сначала. Как бы хотелось перевести все на русский язык, так, чтобы Тит понял. И как тогда все сокращается и уясняется» [2].

Подобными же мотивами, как известно, руководствовался и В. И. Ленин в своей речевой практике. Даже в своих философских конспектах Ленин дал нам прекрасные образцы того, как надо излагать материал, освобождая его от всяких ненужностей.

Например, у Гегеля в «Энциклопедии философских наук» (ч. 1, Логика, § 216) есть такое «прибавление»: «Различные члены тела суть то, что они представляют собой лишь в их единстве и в соотношении с последним. Так, например, отрубленная от тела рука есть, как уже указал *Аристотель,* рука лишь по названию, а не по существу дела». В «Философских тетрадях» Ленина данное «прибавление» записано такими словами: «Энциклопедия § 216: отдельные члены тела

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 291.
[2] *Л. Н. Толстой,* Полное собр. соч., т. 26, стр. 761—762.

лишь в своей связи суть то, что они суть. Рука, отделенная от тела, лишь по названию рука (Аристотель)»[1].

Ленин излагает здесь мысли Гегеля совершенно точно. Но у Гегеля многословие и труднословие, а у Ленина сжатость и полная ясность.

Кроме длиннот, следует также избегать *излишних повторений*. Возьмем пример из лекции: «Органическими соединениями в настоящее время называют все вещества, в состав которых входит углерод. К органическим соединениям сейчас относят не только вещества растительного и животного происхождения, но и все другие вещества, содержащие углерод».

Последняя фраза заключает в себе все то, что сказано в предыдущем предложении. Зачем же тогда оно? Ведь от такого повторения один только вред: слушатель или читатель запутывается в массе лишних слов, тратя много времени на выяснение разницы между сходными фразами.

В речи не должно быть не только явных, крупных повторений, как только что указанные. Слог надо беречь от всякого неоправданного накопления единообразных выражений, беспомощного *топтания* на месте. (Вспомните примеры в разделе «Стройность и последовательность в изложении материала».)

Частным случаем словесного топтания на месте и наиболее частым является так называемая *тавтология* (тождесловие) — ненужное повторение одних и тех же или сходных по смыслу слов. Например, в чеховском «Письме к ученому соседу», о котором мы уже упоминали, встречаются такие перлы: «Я не согласен с Герасимовым касательно ваших умственных идей...», «Кофей для полнокровных людей вреден, потому что производит в голове головокружение...»

«Умственных идей», «в голове головокружение» — это и есть тавтология, ибо идеи всегда умственны, а головокружение происходит только в голове.

А вот примеры тавтологии из устных выступлений: 1. Всеобщий восторг всех присутствующих вызвала игра детей. 2. В тени гигантских тенистых деревьев был устроен чай. 3. Удача писателя заключается в том, что ему удалось живо передать интонации

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 175.

речи узбекских ребят. 4. Советскому читателю хорошо известен популярный роман Ажаева «Далеко от Москвы».

Слово «всех» в первой фразе лишнее, ибо уже сказано «всеобщий». Нет смысла писать: «В *тени* гигантских *тенистых»,* достаточно: «В тени гигантских деревьев» или: «В тени гигантских ветвистых деревьев». В третьей фразе слова «ему удалось» лучше заменить словами «он сумел» или вместо всех слов до «удалось» дать только одно: «Писателю». В четвертой фразе слово «популярный» ни к чему. Раз роман «хорошо известен», то само собой разумеется, что он популярен. Правда, «популярный» имеет и другой смысл — «общедоступный», «понятный», и, если бы речь шла о научной книге, можно было бы данное слово так и толковать. Но в цитированной фразе «популярный» значит «известный», а потому и здесь тавтология, хотя и не столь открытая, как в предыдущих примерах.

Тавтология бывает порой в еще более скрытой форме, чем в только что разобранной фразе, например: «Страсть к графомании» [1]. Указывая на эту тавтологию в одном из своих писем, А. П. Чехов говорит: ««Страсть к графомании» — не годится, потому что само слово «графомания» содержит уже в себе понятие — страсть».

Надо остерегаться *неоправданных вводных слов,* ходячих, «дежурных» выражений и других видов *пустословия,* как, например:

1. *Значит, я думаю,* товарищи, *пожалуй,* начнем.

2. Однако *надо сказать, что* в наших занятиях на *сегодняшний день* есть еще отрицательные стороны.

Подчеркнутые слова явно лишни. Это речевые паразиты. Опустите их, и фразы станут не только короче, но и проще, яснее.

Некоторые люди настолько привыкают к словесным паразитам, что начинают ими пользоваться совершенно невпопад, как генерал Козловский в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» [2].

---

[1] Графомания — пристрастие к писательству, нередко у лица, лишенного литературных способностей; от греч. *графо* — пишу и *мания* — сильное, почти болезненное влечение к чему-нибудь.

[2] Небольшой отрывок из речи генерала на прощальном

Словесные паразиты неприятны во всех случаях, тем более в публичной речи. Чтобы избавиться от них, многие лекторы просят друзей проследить, нет ли в их разговоре «дежурных» оборотов, трафаретных выражений, пустых слов и всякой иной шелухи.

В речи не должно быть ни единого слова без нагрузки. «Не нужно говорить: «Он был красивый такой», а говорить: «Он был красивый»»,— учит Л. Н. Толстой. А. П. Чехов считает, что не следует писать: ««Вывески, красующиеся над дверью». Почему не просто: «Вывески над дверью»?» В одном из своих отзывов М. Горький указывает: «Частенько употребляете лишние слова... «Быстрой чехардой» — чехарда и не может не быть быстрой, значит, *быстрой* — лишнее слово».

Подобных излишеств мы найдем немало у ряда писателей и даже у поэтов. Так, в одном из стихотворений сказано: «Приехал на своей машине Герой Труда, на пиджаке по той причине горит звезда». Здесь можно зачеркнуть слова «по той причине», ибо они ничего не прибавляют к сказанному. А если еще строже подойти к цитированной фразе, то можно опустить и все второе предложение, так как и дошкольнику известно, что всякий Герой Труда имеет этот знак отличия. В каждой фразе каждое слово должно быть уместно и необходимо. Прикрывать же наготу мыслей набором ничего не говорящих выражений — значит следовать известному наставлению Мефистофеля:

> Коль скоро недочет в понятиях случится,
> Их можно словом заменить.

* *
*

В речи не должно быть ненужных деталей, *излишнего растолковывания* вещей понятных и очевидных. Приведем сперва положительный образец — из практики М. Горького: «Без Пушкина были бы долго

обеде: «...я уезжаю от вас, расстаюсь с вами, господа офицеры,— сказал он.— Но считайте меня всегда, как, с вами... Вам, господа, знакома, как, истина — один в поле не воин. Поэтому все, чем я на службе моей, как, награжден, все, как, чем осыпан, великими щедротами государя императора, как, всем положением моим и, как, добрым именем — всем, всем решительно как...» (гл. XXI).

невозможны Гоголь,— которому он дал тему пьесы «Ревизор»,— Лев Толстой, Тургенев, Достоевский,— все эти великие люди России признавали Пушкина своим духовным родоначальником и преклонялись пред ним» [1].

Такова была первоначальная редакция этой фразы (из предисловия к изданию сочинений А. С. Пушкина на английском языке). Но потом Горький зачеркнул слова «и преклонялись пред ним», рассуждая, видимо, так: раз «все эти великие... признавали Пушкина своим духовным родоначальником», то само собой разумеется, что они «преклонялись пред ним».

Другой образец — отрицательный, приводимый в интересной книге К. И. Чуковского «Искусство перевода»: «Почки на деревьях распустились в листья». Нужны ли здесь слова «в листья»? Отбросьте их, и фраза станет не только менее водянистой и пухлой, но и более точной, ибо эти слова мешают нам зрительно ощущать, как почки распустились на деревьях.

Лектору, пропагандисту, как и писателю, полезно помнить замечание А. И. Герцена: «Подразумеваемые слова увеличивают силу речи, нагота же подавляет воображение».

В особенности неприятен в речи, а тем более в публичной, *натурализм* — фотографически точное воспроизведение мелочей, да еще малопривлекательных.

Словом, лучше обойтись без лишних уточнений, доверчиво относиться к слушателям, предоставляя им право шевелить мозгами. Вместе с тем желательно предупреждать всякую неясность, ни в коем случае не оставлять чего-либо недоговоренным, если это может привести к неверному толкованию, неправильному обобщению, ложному выводу.

* *
*

Ради краткости во многих случаях следует применять эллиптические построения, т. е. фразы, в которых подразумеваемые члены предложения опускаются. Например, у В. И. Ленина:

---

[1] «Архив А. М. Горького», т. III, 1951, стр. 224.

1. «Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости».

2. «Материализм берет природу за первичное, дух — за вторичное, на первое место ставит бытие, на второе — мышление».

Здесь опущены в первом примере три слова, а во втором — шесть.

Эллиптические построения кроме экономии слов имеют еще одно преимущество: они придают силу языку, что тоже очень существенно, особенно в пропагандистском выступлении.

Обратите внимание на сжатость изложения в следующих отрывках из письма В. И. Ленина «Большевики должны взять власть» (сентябрь 1917 г.):

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее...

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики? Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими...

История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации» [1].

* *
*

Из всего изложенного вытекает: каждое слово должно быть необходимым материалом для построения фразы, а каждая фраза — непременным звеном в цепи фактов, доводов, заключений. Это особенно важно в лекторской речи, где каждая минута на учете.

Говорить густо можно научиться у классиков марксизма-ленинизма, у видных лекторов, у больших мастеров художественного слова, в частности у

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 1—3.

А. П. Чехова, умевшего немногими словами сказать много. Один только пример — из его рассказа «Припадок»: «Два разбойника зарезали в лесу нищего; стали делить между собою его одежду и нашли в сумке кусок свиного сала. «Очень кстати,— сказал один из них,— давай закусим».— «Что ты, как можно? — ужаснулся другой.— Разве ты забыл, что сегодня среда?» И не стали есть. Они, зарезавши человека, вышли из лесу с уверенностью, что они постники».

Здесь всего несколько строк, но они вызывают в читателе (слушателе) столько мыслей и представлений, что ему кажется, будто он прочел ряд страниц.

Итак, строго придерживаться темы; не произносить прописных истин; не допускать длиннот и ненужных повторений; избегать тавтологии; оберегать речь от неоправданных вводных слов, «дежурных» выражений и другого пустословия; дать каждому слову смысловую нагрузку; обходиться без ненужных уточнений, без натурализма; пользоваться эллиптическими построениями и говорить как можно гуще, лаконичнее — вот какие качества лектору следует развивать, чтобы придать своей речи нужную мощь.

Однако, стремясь к лаконичности, важно следить за тем, чтобы высказывания были *полными,* понятными. Излишняя сжатость, чрезмерная экономия могут и повредить, как в следующей фразе: «13 мая 1907 года в Лондоне открылся V съезд социал-демократической партии». Какой социал-демократической партии — неясно. Надо полагать, что лектор хотел сказать об открытии съезда Российской социал-демократической партии.

Или такое утверждение: «Пушкин — основоположник русской литературы». В этой фразе все ясно, но далеко не все точно. Русская литература на много веков старше Пушкина. Очевидно, лектор хотел сказать: «Пушкин — основоположник русской *классической* литературы».

Следовательно, краткость хороша, когда она сочетается с ясностью и точностью, без этого она вредит речи.

Кроме того, следует иметь в виду, что излишняя сжатость может иной раз сделать фразу не совсем

доступной для слушателей и читателей, и ее поэтому нужно дополнить разъяснениями.

В ряде случаев допустимо, а порой и крайне необходимо повторение того или иного слова в одной и той же фразе. Например, у В. И. Ленина: «Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,— идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу» [1].

Здесь слово «идей» повторено для *облегчения восприятия* сказанного. А нередко приходится повторять слова или целые фразы для *предупреждения двусмысленностей* и ложных толкований, как, например, в статье Ленина «Социализм и религия» (1905 г.):

«Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии» [2].

Подчас к повторению слов прибегают *ради усиления* определенной части высказывания. Например: «Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше» [3].

В целях усиления и развития определенной части высказывания нередко применяются и *тавтологические обороты* типа «криком кричит», «ждет не дождется», «давным-давно», «один-одинешенек» и т. п. или *тавтология* такого рода, как в фразе: «Коммунистическая партия есть боевая организация... живущая живой жизнью, разрушающая старое и творящая новое». Здесь мы имеем даже двойную тавтологию — «живущая живой жизнью», и такая тавтология вполне оправданна, ибо «живущая» или «живущая жизнью» без «живой» — бессмыслица.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 35, стр. 93.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 10, стр. 66.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 6, стр. 459.

5. ЖИВО, ОБРАЗНО

«Как бы ни были интересны и многозначительны мысли, они оскорбляют, однако же, взыскательный слух, если они преподносятся в неискусной форме». Это изречение Цицерона (106—43 гг. до н. э.), знаменитого трибуна древнего Рима, следует помнить и нам, лекторам, ибо неумелой, а тем более убогой формой речи можно убить интерес слушателя к теме и к лекционной пропаганде вообще.

Умение оформлять свои мысли — большое и очень важное искусство. «С этой стороны,— рассказывает Н. К. Крупская,— Владимир Ильич особенно ценил Анатолия Васильевича Луначарского... Вот выскажет кто-нибудь какую-нибудь верную и интересную мысль, подхватит ее Анатолий Васильевич и так красиво, талантливо сумеет ее оформить... что сам автор мысли даже диву дается, неужели это его мысль, такая простая и часто неуклюжая, вылилась в такую неожиданно изящную, увлекательную форму» [1].

Хорошо оформленная речь — это стройное, последовательное расположение материала, удачное сочетание ясных, точных, веских слов, раскрывающих этот материал. Однако для лекторской речи перечисленного еще мало, ибо недостаточно, чтобы слушатели понимали лектора. Надо, чтобы они его слушали с увлечением, чтобы сказанное запечатлелось в их памяти, чтобы оно подчинило их себе. Ведь лектор учит слушателей не только для того, чтобы они *знали*, но и для того, чтобы вызвать у них желание *делать*. Поэтому важно еще и уметь пленить слушателя, предельно активизируя его внимание и волю, а это достигается в основном живостью речи, ее образностью.

Вот пример — из речи А. В. Луначарского в 1919 г.: «Путиловский завод... обращается к правительству с просьбой поддержать его в деле воздвижения в Петрограде гигантского народного дворца. Они говорят, что хотя бы вы нам давали десятки, сотни Синодов, Сенатов и др. зданий старого образца, буржуазных домов, этого нам недостаточно, это не

---

[1] *Н. К. Крупская,* Будем учиться работать у Ленина, 1933, стр. 109—110.

выражает нашу потребность; мы хотим иметь *свой* дом на заказ, по *нашему* росту, а не с буржуазного плеча» [1].

Примененный Луначарским образ, показывающий очень метко заявку нового, советского человека на новую материальную культуру, активизирует внимание слушателя и имеет определенную силу внушения. Образно выраженная мысль воспринимается осязаемо, зримо, вследствие этого истины, содержащиеся в речи, делаются для слушателя и читателя более убедительными, легче ими усваиваются и тверже запечатлеваются, что чрезвычайно важно в лекционной пропаганде [2].

Образ представляет собой отражение действительности, идей через изображение конкретных предметов (явлений) природы и общества. Образ применяется для того, чтобы изображаемый предмет предстал перед нашим взором как можно нагляднее, а также в целях возвеличения или умаления предмета.

Итак, образ воздействует не только на разум, но и на сердце слушателя, читателя. Другими словами, благодаря образу «мысль входит в сознание вратами чувств» (Гельвеций) [3]. Именно поэтому образная речь обычно более понятна, легче воспринимается и лучше удерживается в уме, чем простая, необразная речь. Кроме того, живое, образное слово доставляет слушателям, читателям радость, наслаждение, а это в свою очередь усиливает их интерес и внимание к речи, к тексту.

Образное слово применяется, как известно, больше всего в художественной литературе. Однако приемами образности пользуются нередко и в речах.

Вот пример из речи А. В. Луначарского «Ленин и молодежь» (1924 г.): «Все винты и гайки нашей государственной машины (в первые годы революции.— *Э. Ф.*) представляли из себя набор, который фигурировал прежде в совершенно другом механизме и

---

[1] *А. В. Луначарский,* Искусство и революция, 1924, стр. 30.

[2] Рекомендуем изучить статьи В. И. Ленина «В лакейской» (1919 г.), т. 29, и «Заметки публициста. О восхождении на высокие горы...» (1922 г.), т. 33.

[3] Гельвеций (1715—1771 гг.) — выдающийся представитель французского материализма и атеизма.

который пришлось случайно коммунистическому молотку нагнать и набить друг на друга. Когда эту чудовищную машину из старых чиновников тот или другой коммунист пускает в ход, она, конечно, болтается, она гремит, она стучит и пускает пыль, она ломается на каждом шагу и дает весьма мало результатов. Это Владимир Ильич с полной ясностью видел»[1].

Представляя предмет конкретно, наглядно, образная речь является во многих случаях наилучшим средством для ясной и доступной характеристики и ряда научных понятий. Например: «Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает»[2].

Или, например, в работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»: «Традиция — это великий тормоз, это сила инерции в истории... В Англии рабочие... скованы различными традициями. Прежде всего буржуазными традициями... Рабочий класс движется — как все в Англии — медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощупью неуверенные, порой бесплодные попытки»[3].

Образная речь обладает еще одним важным качеством: она зачастую несравненно короче необразной речи. Возьмем, к примеру, несколько формулировок из статей и писем М. Горького:

1. «Пессимизм — философия объевшихся, обожравшихся»[4].

2. «Поэт — эхо мира, а не только няня своей души».

3. «Слова — тот материал, из которого шьются пиджаки и брюки мыслям, чувствам».

4. «А лишние и неверные, неточные слова в произведении — как веснушки и бородавки на лице»[5].

---

[1] *А. Луначарский,* Ленин, 1924, стр. 29.

[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 238. См. там же на стр. 764 еще одну очень интересную характеристику капитала.

[3] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 104—105.

[4] «Литературная газета», 18 июня 1957 г.

[5] *М. Горький,* Собр. соч., т. 29, стр. 371; т. 30, стр. 88—89, 410.

Эти и подобные формулировки, сжатые, выпуклые, запечатлеваются в уме слушателя (читателя) значительно глубже, нежели безо́бразные характеристики.

Наконец, образная речь имеет еще и такое преимущество: она дает возможность не докучать слушателю прописными истинами. Как уже было сказано, лектор не должен говорить о том, что всем известно. Но как ему знать, что известно или неизвестно аудитории, в особенности массовой? Ведь мысль, представляющаяся одному человеку глубокой и новой, для другого — прописная истина! Вот в таких-то случаях образная речь выручает лектора. Скажи в лекции что-нибудь известное [1], но в живой форме, и никто не будет на тебя в обиде.

Живую, картинную речь могут создать не только образы. Этого можно достичь и чисто повествовательным путем, излагая яркие факты, как это делает, например, Ф. Энгельс, рассказывая о промышленных кризисах: «Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к жизни, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся товарные массы, более или менее обесцененные, не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию,

---

[1] Пусть даже такие «великие истины», которые высмеивал В. С. Курочкин:

«День с ночью составляет сутки;
Рубль состоит из двух полтин;
Желают пищи все желудки;
Одиножды один — один»

(*В. С. Курочкин,* Собрание стихотворений, 1934, стр. 327).

чтобы после отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха» [1].

Здесь только в последней фразе имеются явные образы, в предыдущих фразах их нет. Однако и эти фразы производят яркое впечатление благодаря живости повествования.

Итак, если лектор будет говорить живо, пользуясь при всякой возможности формой рассказа, полубеллетристическим стилем, он сможет распоряжаться не только мыслями, но и чувствами слушателей.

Изобразительные средства языка должны занимать подчиненное положение по отношению к смысловой стороне речи, не быть самоцелью. Если лектор думает главным образом о том, чтобы сделать свою лекцию возможно более красочной, образной, и недостаточно заботится о ее познавательных, поучительных сторонах, то от такого лектора очень мало толку даже в том случае, когда ему удается увлечь известную часть аудитории. Слушая подобные лекции, невольно вспоминаешь меткую характеристику, данную А. И. Герценом французскому политическому деятелю и писателю Ламартину: «Его речи похожи на взбитые сливки: кажется, берешь полную ложку в рот, а выйдет несколько капель молока с сахаром» [2].

Кроме того, следует помнить, что живость и образность речи не всегда уместны. К ним прибегают тогда, когда нужно дать живое представление о каком-либо событии или вызвать в слушателях радость, надежду, ненависть, отвращение, негодование, максимально воздействуя на их внимание и волю, или когда нужно несколько оживить деловое сообщение. Но нельзя щеголять выразительными средствами там, где требуется простое изложение фактов, строго научное определение, совершенно точная директива и т. п. Во всех таких случаях самые глубокие мысли должны быть воплощены в простых словах.

Словом, все, что выше было сказано о синонимах и об отборе слов при построении фразы, всецело относится и к изобразительным средствам языка. Надо знать, что, где, когда и как сказать.

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 135—136.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собр. соч., т. VI, стр. 60.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В РЕЧИ ЛЕКТОРА

1. ХАРАКТЕРИСТИКА. ЭПИТЕТ

Для более четкого и наглядного оформления своих мыслей лектору и пропагандисту приходится пользоваться различными приемами. В первую очередь это всевозможные грамматические определения, выявляющие те или другие признаки предметов, иначе говоря, слова, отвечающие на вопросы: «какой?», «чей?» или «который?»

Грамматические определения чаще всего имеют форму прилагательного, но они могут быть выражены и существительными. Например: Ленинград — это город-революционер, город-воин, город-труженик. Порой грамматическое определение выражается наречием. Сравните, например: громкое чтение — чтение вслух. Нередко в качестве определений фигурируют и словосочетания (группы слов) и даже целые придаточные предложения. Например:

«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» [1].

«Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всею суммой явлений социальной жизни древних людей» (М. Горький).

Впрочем, определение в форме развернутого придаточного предложения подчас полезно, особенно в лекции, превратить в самостоятельную фразу и таким

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 342.

образом придать этой части высказывания бóльшую значимость.

Количество определений при одном определяемом слове может быть и довольно большим, ибо предметы и явления многогранны, а нам то и дело бывает необходимо осветить не только ряд сторон того или другого предмета или явления, но и ряд оттенков одной и той же стороны. Например, у Ленина в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»:

1. «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества».

2. «На Западе тамошние меньшевики горáздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой *профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии»*, чем у нас» [1].

Подобрать точную, полную и яркую гамму определений, чтобы при их помощи можно было не только отличить предмет от других, даже с ним сходных, предметов, но и заставить его предстать перед нашим взором во всей его рельефности и наглядности,— одна из важных задач в лекционной пропаганде.

* *
*

В определениях больше всего выражается ряд объективно необходимых отличительных признаков того или иного предмета или явления. Однако наряду с необходимыми определениями, без которых высказывание было бы неполным, неточным, непонятным, а порой и неверным, нередко встречаются и определения, прилагаемые к названию предмета или явления для большей образности либо для оценки автором характеризуемого им предмета или явления. Например: «Если вопреки всем убедительным и наглядным урокам истории господа империалисты все же

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 27, 34.

навяжут человечеству третью мировую войну, можно не сомневаться, что эта война положит конец бренному существованию старого, одряхлевшего капиталистического мира» (К. Е. Ворошилов)[1].

Сравнивая три последних определения, не трудно заметить, что самое последнее из них — «капиталистического» — является необходимым определением, в то время как два предыдущих определения — «старого, одряхлевшего» — являются образными, оценочными.

Образные, оценочные определения часто называют *эпитетами* (от греческого epitheton — приложенное).

В эпитетах порой выделяется признак, уже данный в определяемом слове. Это так называемый тождественный, или тавтологический, эпитет. Например: белый снег, зеленая трава, красное солнышко, темные тени, живая жизнь. А иногда эпитет может и противоречить определяемому слову. Например: живой труп, мертвые души, красноречивое молчание, торжественные будни, убогая роскошь, фантастическая реальность, цивилизованное варварство и т. п.

Противоречащими и тождественными эпитетами, употребляемыми обычно для усиления впечатления, по правилам античных (древних) стилистов разрешалось пользоваться только в поэтических оборотах. «В поэзии,— говорил Аристотель,— вполне возможно называть молоко белым, в прозе же подобные эпитеты совершенно неуместны». Однако противоречащие и тождественные эпитеты порой уместны и даже необходимы также и в прозе. Так, например, мы говорим «буржуазная демократия», «народная демократия», хотя формально мы в первом случае имеем дело с противоречащим определением, а во втором — с тождественным, ибо «демократия» значит буквально (по-гречески) «народовластие», а буржуазная демократия — это власть эксплуататоров, капиталистов, направленная против трудящихся, против народа.

Или другой пример. Вследствие того, что некоторая часть хорошо оплачиваемых рабочих в капиталистических странах становится своего рода аристократией, «обуржуазивается», по выражению Энгельса,

---

[1] «Правда», 8 марта 1950 г.

мы нередко встречаем такие сочетания, как «рабочая аристократия», «буржуазный пролетариат» [1].

Формально мы здесь, конечно, имеем дело с противоречащими эпитетами, а по существу — это определения с отличительной функцией, крайне необходимые для того, чтобы называть вещи своими именами, дабы «фраза не темнила ума».

* *
*

Хорошо подобранный эпитет является очень действенным средством, иной раз стоящим целой характеристики. «Мертвые души», писал в своем «Дневнике» А. И. Герцен, «это заглавие само носит в себе что-то наводящее ужас». Однако эпитет имеет свои положительные качества лишь тогда, когда он действительно хорошо подобран к определяемому слову. В противном случае он только мешает.

В своих «Письмах начинающим литераторам» (1930 г.) М. Горький приводит образцы неудачных эпитетов. ««Бессмысленная, вялая какая-то, скучная смерть веяла ровным дыханием». Это — очень характерная фраза для Вас,— указывает Горький одному литератору.— А ведь в ней, несмотря на три определения понятия «смерть»,— нет ясности. Сказать «вялая смерть» и прибавить к слову «вялая» — «какая-то» — это значит подвергнуть сомнению правильность эпитета «вялая». Затем Вы добавляете — «скучная»,—к чему это нагромождение?» [2]

В другом письме М. Горький указывает: «...Фраза (у Вас) — рваная, местами — неясная. Что значит, например: «тупое излучение глаз»? Излучение *не может* быть тупым» [3].

Или пример из лекции: «Новая победа четырех молодых советских скрипачей является новым ярким свидетельством успехов самого передового, подлинно народного, реалистического, прогрессивного советского искусства». В данном предложении лучше было бы обойтись без «прогрессивного», ибо суть этого

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1953, стр. 105; *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 25.

[2] *М. Горький*, Собр. соч., т. 25, стр. 139—140.

[3] *М. Горький*, Собр. соч., т. 29, стр. 434.

определения уже была высказана раньше прилагательным «передового», тем более что слово «прогрессивного» включает в себя значительно меньше прогрессивности, чем слова «самого передового». Так что здесь получается не нарастание выразительности, а, наоборот, ее ослабление. К тому же сочетание «прогрессивного советского искусства» вообще неудачно, так как «прогрессивный» при «советском» сильно ограничивает, обедняет.

В каждом отдельном случае из всей массы принадлежащих предмету признаков следует отобрать только те, которые характеризуют предмет с той точки зрения, с какой мы его в данный момент рассматриваем, и именно только те, которые характеризуют его точно и ярко — без нагромождения. Лишние, а тем более неподходящие эпитеты лишь расхолаживают слушателя и мешают точному восприятию.

* *
*

Значение, почти равное эпитету, нередко присуще и ряду словообразовательных элементов, в особенности многим суффиксам — частям слова, стоящим за корнем, перед окончанием.

Например: домище — большой дом, домик — маленький дом.

При этом тот или другой суффикс может зачастую выражать ряд характеристик и отношений: не только увеличение или уменьшение, но и презрение, уничижение и др. Например, у В. В. Маяковского: «Царь на балкон выходил с манифестиком».

Или, например, из лекции: «Книжный рынок на Тайване наводняется низкопробной литературой американских писак».

В этих фразах слова «манифестиком», «писак» кроме своего логического значения содержат в себе еще определенный элемент презрительности, уничижения, сарказма.

А вот и обратные примеры: благодаря суффиксу слово содержит в себе элемент ласкательности или увеличения, приподнятости, торжественности. Например, у Ленина в письме к А. М. Горькому от 3 января 1911 г. «...Сегодня получился № 1. Поздравьте —

наш журнальчик в Москве, марксистский. То-то радости сегодня у нас было»[1]. Или у В. В. Маяковского: «К моменту спуска (на берег.— *Э. Ф.*) полил дождь, никогда не виданный мной тропический дождина»[2]. Или у М. Горького в письме к А. С. Макаренко (1926 г.): «Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человечище, и как раз из таких, в каких Русь нуждается...»

Суффиксы в словах «журнальчик», «дождина», «человечище» и в ранее указанных словах «манифестиком», «писак» и целый ряд других суффиксов, как и различные виды эпитетов,— все это служит прекрасным средством не только для более точного определения предметов и явлений, для более образного их представления, но часто и для выражения отношений говорящего к предметам и явлениям, о которых идет речь.

2. СРАВНЕНИЕ

Второй прием образности, часто применяемый в речи,— это сравнение, или аналогия, т. е. сопоставление двух предметов или явлений по какому-либо сходству между ними. Ведь каждый предмет находится в известных отношениях к другим предметам: он такой же, как они, либо больше или меньше, тяжелее или легче, светлее или темнее и т. д. Сравнивая, сопоставляя незнакомый или мало знакомый предмет со знакомым, мы делаем нашу мысль более ясной, более ощутимой, ибо вещи, как известно, лучше всего познаются сравнением. Например:

1. «...бывают люди, которые набиты учеными текстами, как мешок картофелем, а практически применять эти знания не могут» (М. И. Калинин).

2. «...ложь тот же лес: чем дальше в лес, тем труднее выбраться из него» (А. П. Чехов).

А вот несколько удачных сравнений из лекций:

1. Гонка вооружения нарастает, как снежная лавина, создает опасность военной катастрофы.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 34, стр. 383.

[2] *В. В. Маяковский,* Соч. в одном томе, 1941, стр. 188.

2. Коррупция, подкуп, взяточничество, словно ржавчина, проели насквозь все современные капиталистические отношения.

3. Перед империалистами стоит, как гранитная скала, наш непобедимый социалистический лагерь во главе с Советским Союзом, стоят рабочие и народы всего мира.

Сравнения бывают не только положительные. В ряде языков, в том числе и русском, бытует еще и форма *отрицательного сравнения.* Например: «Наука не пиво, в рот не вольешь» (В. И. Даль). Или, например, у Н. Г. Чернышевского: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри».

Из всех этих примеров мы видим, что сравнение может состоять из одного слова или из ряда слов и иметь различные грамматические формы. С основной частью высказывания сравнение связывается интонационно или посредством слов «как», «чем», «нежели», «что», «будто», «словно», «вроде», «точно», «так», «точь-в-точь», «подобно», «подобно тому как» и некоторых других.

Сравнение бывает порой органической частью высказывания, определенным членом предложения, например: «Время... летит иногда птицей (как птица.— *Э. Ф.),* иногда ползет червяком...» *(И. С. Тургенев,* Отцы и дети, гл. XVII). Или, например, у В. И. Ленина: «...соловьем пел И. Г. Церетели».

А порой сравнение или сопоставление образует отдельную фразу. Например, у М. Горького: «Домашняя кошка играет пойманной мышью, потому что этого требуют мускулы зверя, охотника за мелкими, быстрыми зверями, эта игра — тренировка тела. Фашист, сбивающий ударом ноги в подбородок рабочего голову его с позвонков,— это уже не зверь, а что-то несравнимо хуже зверя, это — безумное животное, подлежащее уничтожению...» [1]

В данной выдержке сравнение — первая фраза — находится впереди основного материала, ради которого оно привлечено. Но бывает и наоборот: сравнение

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 314.

в виде отдельной фразы идет позади основной мысли. Например, у А. И. Герцена: «...ревнивая каста (ученых.— *Э. Ф.*) хочет удержать свет за собою, окружает науку лесом схоластики, варварской терминологии, тяжелым и отталкивающим языком. Так огородники сажают около гряд своих колючее растение, чтоб дерзкий, намеревающийся перелезть, сперва десять раз укололся и изорвал платье в клочки. Все тщетно! Время аристократии знания миновало» [1].

Сравнение может разрастаться в сценку, в эпизод, в целую картину. Например, у В. И. Ленина в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»:

«В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны, напр., «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечание товарища Лэнсбери, сделанное им в разговоре со мной: «наши английские вожди тред-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти по добру по здорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу» [2].

* *
*

Сравнения надо подбирать подходящие, верные, доступные. Не нужно забывать, что «всякое сравнение хромает». А если оно уж очень хромает, то лучше им

[1] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч., т. III, стр. 197.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 19—20.

и вовсе не пользоваться. В своих письмах к писателям М. Горький цитирует очень много неудачных, неверных сравнений:

«Вы пишете: «работает, как вечный двигатель», но вечный двигатель не существует... «Зубы, блестящие, как зеркало» — неверно и нехорошо... Так же неудачно сравнение «город шевелится разноцветным персидским ковром». Неверно «уханье, похожее на трескотню», уханье — звук тяжелый, глухой, трескотня звучит сухо, легко».

«...Вы пишете такие несуразности: «Мечта о перевороте безжалостно смята царизмом, как бывает сорван порывом бури нежный пух одуванчика».

Революционное движение 1905—1906 годов нельзя и смешно сравнивать с «одуванчиком». Тут уж Вы обнаруживаете малограмотность социальную.

А для того, чтобы разнести семена одуванчика,— не требуется «порыва бури», а достаточно дуновения ребенка» [1].

Сравнения должны быть не только подходящими, верными, но и выразительными, яркими, оригинальными. Сравнения, которые мы слышим на каждом шагу: «бел, как снег», «глуп, как пробка», «дрожит, как осиновый лист» и т. п., — не задерживаются в уме слушателя или читателя и не производят должного впечатления. С другой же стороны, не следует пользоваться сравнениями, мало знакомыми слушателю (читателю). Как мы уже имели случай заметить, явления и предметы, привлекаемые для сравнения или для объяснения, должны быть аудитории более известны и понятны, чем явления и предметы объясняемые. В противном случае сравнение теряет свой смысл.

При подборе сравнений полезно иметь в виду следующее указание: «Чем больше различия в предметах сравнения, тем неожиданнее черты сходства, тем лучше сравнение» (П. Сергеич). Например, у А. П. Чехова (в письме от 16 сентября 1891 г.): «Это не рассказ и не повесть, не художественное произведение, а длинный ряд тяжелых угрюмых казарм».

Или пример из рассказа В. А. Карпинского о

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 30, стр. 142, 143; т. 25, стр. 133—134. См. также т. 29, стр. 123, 335, 434.

Ленине: «В годы революций перед массами выступали ораторы всяких направлений. Но рабочие, еще не знавшие Ленина, сразу угадывали в нем *своего человека:*

— Вот этот — наш! Говорит, как гвозди забивает! Правду-матку режет!» [1]

3. ПЕРЕНОС ЗНАЧЕНИЯ. МЕТОНИМИЯ И МЕТАФОРА

Очень важный в лекционной пропаганде прием — это употребление слов в переносном смысле. Например, у Г. В. Плеханова: «Бедная внешними событиями жизнь Белинского ознаменовалась настоящими бурями в умственной области». Или у А. В. Луначарского: «Сердечность иногда очень хорошо прокрадывалась в чугунное литье колокола Маяковского»; «Украинская музыка и поэзия — самая пышная и ароматная ветвь на древе мирового народного творчества».

Порой одно и то же слово употребляется одновременно и в прямом смысле и в переносном. Например, слово «затемнить» в следующем отрывке из речи И. Г. Эренбурга на заседании Верховного Совета (в августе 1955 г.):

«В течение долгих лет люди раскрывали газету с опаской: какое новое смертоносное оружие изобретено? Какую речь произнес вчера тот или иной неосмотрительный политик? Что еще придумано для того, чтобы усилить рознь между народами, закрыть наглухо двери, затемнить на час города и навеки сознание, довести людей до нищеты, до страха, до отчаяния?

Впервые за много лет газеты принесли всем народам добрую весть: главы правительств четырех великих держав признали, что есть только один разумный способ разрешения разногласий — договориться, найти решения, приемлемые для всех».

Употребление слов в переносном смысле — чрезвычайно распространенное явление. Оно возникло главным образом вследствие относительной бедности человеческого словаря, как правило, отстающего в

---

[1] «Воспоминания о Ленине», т. 2, стр. 698.

своем движении от хода развития быта, мыслей и чувствований человека.

Мы говорим: «потоки дождя» и «потоки слов», «золотая медаль» и «золотая пора», «пролетела ворона» и «пролетела зима». Есть «благородные люди» и «благородные чувства, задачи, поступки...», «благородные металлы» и «благородные газы» [1]. Да и в первом случае слово «благородные» некогда имело несколько иной смысл, самый буквальный: люди благого рода, т. е. хорошего, аристократического, в частности дворянского, происхождения (сравните, например: «благородное собрание», «институт благородных девиц» и т. п.).

Напомним, что имеется немало слов, переносный смысл которых совершенно вытеснил их первоначальное, прямое значение. Так, например, под словом «опешить» мы сейчас подразумеваем не стать пешим, лишиться лошади, а прийти в замешательство от неожиданности; под словом «ошеломить» мы имеем в виду не ударить по шелому (по шлему) противника, а крайне поразить, изумить, ошарашить; слово «погост» уже давно перестало означать место для гостьбы, для торговли (с церковью при этом), а служит наименованием сельского кладбища; а слово «обруч», первоначально означавшее браслет, охватывающий руку, является названием железного или деревянного кольца, набиваемого на бочки, а также женского головного украшения.

Затем имеются слова, которые еще сохранили свое прямое значение, но чаще они применяются в переносном смысле. Например: топорный человек, топорная работа, топорное лицо. Даже в словосочетании «топорные доски» мы склонны понимать это прилагательное скорей в переносном смысле (неуклюжие), чем в буквальном значении этого слова: сделанные топором.

Поэтому при употреблении подобного рода слов в прямом значении приходится иногда разъяснять его точный смысл. Например, у В. В. Маяковского:

---

[1] Благородные металлы — золото, серебро, платина, не окисляющиеся на воздухе. Благородные, или инертные, газы — гелий, неон, аргон, криптон, ксенон, радон, не образующие устойчивых химических соединений.

«Бумага и гниль (на задних улицах Нью-Йорка.— *Э. Ф.*) валяются по щиколку — не образно по щиколку, а по-настоящему, всамделишно».

* *
*

Употребление слов в переносном смысле осуществляется различными путями.

Во-первых, название с одного предмета переносится на другой по какой-либо непосредственной связи между ними. Так, например, порой называют:

а) предмет по месту его производства или возникновения, появления: боржом, малага [1], рокфор [2], кашемир [3], сатин [4], ломбард [5], панама, вандея, форум и т. п.;

б) предмет по имени его изобретателя или потребителя: максим (вид станкового пулемета), наган, мартен (мартеновская печь, сталь), вольт, силуэт, батист, гобелен [6], макинтош, френч [7], галифе и т. п.;

в) автора вместо его произведения: Я уже Белинского прочел. Дайте, пожалуйста, Герцена;

г) орудие действия взамен действия: Перо у него честное, чистое. Возьму его на карандаш;

д) содержащее вместо содержимого: Зал (слушатели, зрители) шумно реагировал. Весь город вышел навстречу;

е) материал вместо вещи: Пылает город кумачом (флагами, знаменами);

ж) конкретный образ вместо отвлеченного понятия: Мир — хижинам, война — дворцам. «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» [8] (царская власть). Или,

---

[1] Малага — сорт виноградного вина — по имени города в Испании.

[2] Рокфор — сорт сыра — по названию местечка в Южной Франции, где он первоначально выделывался.

[3] Кашемир — мягкая шерстяная или полушерстяная ткань — по имени области Каш(е)мира в Азии.

[4] Сатин — по названию места вывоза — китайского порта Тсётунг.

[5] Ломбард — учреждение для выдачи ссуд под заклад движимости — по названию итальянской провинции Ломбардии.

[6] Гобелен — по имени известного красильщика Жана Гобелена (Париж, XV в.).

[7] Френч — по имени главнокомандующего английской армией в 1914—1915 гг.

[8] Слова Годунова в драме Пушкина «Борис Годунов».

например, у Белинского (в «Письме к Гоголю»): «Нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель».

К вышеуказанным можно еще добавить наименование части вместо целого. Например: Сидеть у родного очага (дома). Сколько голов (людей) — столько умов. «За нашей жизнью жадно следят десятки миллионов глаз» (М. Горький).

Переносное употребление слов, как в указанных случаях, в основе которого лежит ассоциация (связь) по смежности, называется *метонимией* (греч.— переименование).

Во-вторых, название одного предмета переносится на другой по какому-либо *сходству* между ними: в функциях, поступках, повадках, форме, цвете, материале и др. Так, ряд предметов или их детали мы зачастую именуем названиями членов и частей тела: голова, головка, ручка, ножка, спинка, ушко, глазок, нос, носик и т. д. Человека мы нередко называем орлом, львом или волком, собакой, акулой, хамелеоном, балдой, чурбаном, дубиной и т. д.

Таким же образом в переносном смысле употребляются часто и целые выражения. Так, о человеке говорят, что он: морской волк, мокрая курица, глухая тетеря, дойная корова, ворона в павлиньих перьях, ни пава ни ворона; а то еще: старая кочерга, прямой чурбан; или: дитя природы, ходячая газета, восходящая звезда и т. п. Или, скажем, выражения такого типа: вертеть хвостом, стать на дыбы, уходить в скорлупу, свить себе гнездо, ходить на задних лапах; или: заварить кашу, снимать сливки, вариться в собственном соку; или: сложить оружие, служить мишенью, идти в атаку, быть на коне и под конем и т. д. и т. п.

Переносное употребление слов, в основе которого лежит ассоциация по сходству, называется *метафорой* (греч.— перенос).

Одним из видов метафоры является часто употребляемый прием олицетворения — изображение неодушевленного или абстрактного предмета как одушевленного, что очень часто практикуется в художественной

речи [1], а нередко и в других жанрах. Например, у С. М. Кирова: «Надо быть глухим, чтобы не слышать, как дрожит и стонет земля под тяжестью той великой борьбы, которая развернулась сейчас... между трудом и капиталом» [2].

Или у Луначарского: «Он (В. И. Ленин.— *Э. Ф.*) знал, что история всех хитрецов перехитрит, что история всех могучих врагов поборет, и знал, что история — с ним, что он любимый сын этой истории, что он ее наперсник, что он подслушал у ее сердца, чего она хочет и к чему ведет» [3].

* *
*

Выразительность метафоры особенно ощутима, когда слово употребляется в необычной ассоциации. Например, у А. И. Герцена: 1. «Западный человек не в нормальном состоянии — *он линяет*» [4]. 2. «Ничего не может быть страшнее, когда в человеке виден горизонт» [5]. 3. «Идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с клюкой.., но трудно для них снова завладеть жизнью и вести ее» [6].

Не совсем привычные, но необычайно меткие сочетания «человек... линяет», «в человеке... горизонт», «идеи... с клюкой» активизируют внимание слушателя или читателя, делают их восприятие более острым.

Очень остро, активно воспринимается высказывание, когда оно построено на целой цепи метафор, как, например, в речи К. Маркса на юбилее «Народной Газеты»: «Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими эпизодами, ничтожными щелями и трещинами в твердой коре европейского общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, обнаружился необъятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разбить на части целые материки из твердых скал» [7].

---

[1] Помните у Пушкина: «Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года...» («Евгений Онегин», гл. VII, 1).

[2] *С. М. Киров*, Избранные статьи и речи, 1939, стр. 492.

[3] *А. Луначарский*, Ленин, 1924, стр. 20.

[4] *А. И. Герцен*, Былое и думы, 1946, стр. 272.

[5] *А. И. Герцен*, Полное собр. соч., т. III, 1915, стр. 129.

[6] *А. И. Герцен*, Былое и думы, 1946, стр. 374.

[7] *К. Маркс, Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, стр. 317.

* *
*

Метафора содержит подчас и сравнение. Так, например, для обозначения определенной манеры речи мы порой говорим: долбит, как дятел; журчит, как ручеек; скрипит, как немазаное колесо; или: поет соловьем (как соловей).

Между метафорой и сравнением во многих случаях довольно тонкая грань, и нередко сравнение переходит в метафору. Еще Аристотель отметил: «Когда поэт говорит об Ахилле[1]: «он ринулся, как лев»,— это есть сравнение. Когда же он говорит: «лев ринулся»,— это есть метафора: так как оба — Ахилл и лев — обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом».

Или более близкий нам пример перехода сравнения в метафору:

1. «Советский народ, как богатырь в былинных сказаниях, развернул свои могучие плечи, наголову разбил силы контрреволюции...» (Н. С. Хрущев).

2. Этот богатырь сломал хребет и фашистскому зверю, принесшему народам Европы неисчислимые страдания.

В первой фразе — сравнение: советский народ, как богатырь; во второй фразе — метафора: богатырь (т. е. советский народ) сломал.

Еще пример — из речи М. Шолохова на съезде писателей Казахстана в 1954 г.: «Мне рассказывали, как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыле, он не дает им опускаться вниз, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесье... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься все выше и выше, чтобы впоследствии

---

[1] Ахилл (Ахиллес) — легендарный древнегреческий герой в гомеровской поэме «Илиада».

они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами. Но беркут не ломает крылья своим птенцам, не умеющим или боящимся на первых шагах подняться на должную высоту. Наша критика не должна и не имеет права «ломать крылья» начинающим писателям»[1].

О разнице между метафорой и сравнением хорошо сказано в интересной книге П. Сергеича «Искусство речи на суде» (1910 г.): «Всякая метафора есть в сущности сокращенное сравнение; но в сравнении сходство бывает указано прямо, а в метафоре подразумевается; поэтому последняя не так заметна для слушателей и меньше напоминает об искусственности; она вместе с тем и короче; следовательно, в виде общего правила метафора предпочтительнее сравнения» (стр. 59).

На практике метафоры и сравнения часто переплетаются, скрещиваются, образуя метафорические сравнения, т. е. образ в квадрате. Такой же сложный, сильнодействующий образ получается и от метафоризации эпитета. Все эти приемы, усиливая друг друга, служат могучим средством выразительности, как, например, в лекции А. В. Луначарского «А. И. Герцен и люди сороковых годов»:

«Когда вы читаете Белинского, то, как ни горяча и прекрасна его речь, она захватывает вас меньше, чем захватывает Герцен. Вам никогда не кажется, что Белинский щеголяет стилем. Это у него, как лава из огнедышащей горы, само собой струится. Нельзя представить себе, чтобы Белинский стал исправлять свой слог, не предназначенный для печати. Герцен же любит сверкать, любит сознавать, что сверкает, он себя показывает и охорашивается, у него необыкновенно яркий и роскошный павлиний хвост, который он любит раскрывать, ослепляя читателя, причем «хвост» этот необыкновенно благородной окраски и его переливы страшно содержательны. Это не фатовская и дрянная самовлюбленность, не жажда фокусничанья,— Герцен раскрывается в красках богатого ума, это какое-то умственное северное сияние»[2].

---

1 «Литературная газета», 18 сентября 1954 г.
2 *А. В. Луначарский,* Статьи о литературе, 1957, стр. 157.

* *
*

Хорошая метафора, метафорическое сравнение или метафорический эпитет придают речи большую яркость и блеск. Однако с метафорами нужно обращаться осмотрительно. От метафоры может получиться и слабое, а то совсем плохое впечатление.

Не следует пользоваться метафорой, во-первых, если она слишком далекая и ее смысл трудно понять. Например: Яркая тарелка на чистом небе освещала нам путь.

Во-вторых, если она логически противоречива или, иначе говоря, если в фразе соединены слова — метафоры, не вяжущиеся друг с другом. Например: Правое крыло студенческой корпорации разбилось тогда на несколько ручейков.

В-третьих, если метафора слишком поверхностная, избитая или пошлая. Например: Я долго прокладывал телеграфную линию к своему счастью, но она обрывалась от ударов житейского грома.

Вообще надо иметь в виду, что плохое образное выражение всегда слабее, бледнее необразного. Впрочем, и хорошие, блестящие выражения следует применять в меру. Слишком часто повторяющиеся образы могут и мешать друг другу. Но об этом подробнее будет сказано ниже.

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ

Для усиления выразительности, углубления сравнения, расширения метафоры хорошим средством служат имена исторических личностей. Например:

1. «Ломоносов — это Петр нашей литературы» (В. Г. Белинский).

2. «Одним из лучших наших источников о первых христианах является Лукиан из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который относился ко всем видам религиозных суеверий одинаково скептически...» (Ф. Энгельс).

3. «После 4 июля контрреволюционная буржуазия... отдала фактическую государственную власть в

руки Кавеньяков[1], в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющей большевиков в Питере»[2].

При пользовании историческими образами, как и историческими параллелями, необходимо, однако, быть осмотрительным, не забывать, что каждая эпоха слишком индивидуальна, своеобразна, неповторима.

* *
*

Целям выразительности издавна служат и мифологические образы — герои или боги из древних народных сказаний, в частности и в особенности герои произведений древних греков, римлян и иудеев. Например:

1. «Гете, как и Гегель, был — каждый в своей области — настоящий Зевс-олимпиец[3], но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от немецкого филистерства» (Ф. Энгельс).

2. «...Бебель не мог стать Бебелем без длительной партийной работы...» «Бебели не выходят готовыми, как Минерва[4] из головы Юпитера, а создаются партией и рабочим классом»[5].

3. «Семьдесят тысяч зрителей (нью-йоркского цирка.— *Э. Ф.*), это — в большинстве тщедушные и хилые люди, среди которых я кажусь Голиафом[6]» (В. Маяковский).

Попутно заметим. Многие исторические и мифологические образы так часто приводились в качестве эпитетов, сравнений или метафор, что они стали нарицательными словами, т. е. именами, обозначающими не единичные предметы, а целый ряд однородных

---

[1] Кавеньяк — французский генерал, военный министр, зверски расправившийся в июне 1848 г. с восставшими парижскими рабочими.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 166.

[3] Зевс — отец (царь) богов, создатель вселенной у греков; жил на Олимпе (в римской мифологии Зевсу соответствовал Юпитер).

[4] Минерва — богиня мудрости, искусств и войны у древних римлян; появилась на свет, по мифологии римлян, выйдя во всеоружии из головы Юпитера.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 361.

[6] Голиаф — библейский великан.

предметов. Например: аристарх [1], меценат [2], ментор [3], хам [4], грация [5], баян [6]. Такой же путь на наших глазах проделало и имя норвежского предателя Квислинга [7].

Мифологическими образами пользовались многие писатели, художники, ораторы, научные работники. К мифологическим образам часто обращались и основоположники марксизма. Например, в первом томе «Капитала» Маркс оперирует десятками образов из библейской и античной словесности.

Античная и библейская мифология в течение ряда веков была необходимым элементом в системе образования европейской интеллигенции. Сейчас, разумеется, в наших школьных программах и учебниках мифологии уделяется меньше внимания. Поэтому и в лекционной пропаганде мифологической образностью не следует увлекаться. Если же ею пользоваться, то большей частью с соответствующим разъяснением, как, например, у М. И. Калинина: «В истреблении рабочей силы фашистская Германия похожа на Минотавра, этого, по преданию греков, чудовища, которому бросались на пожирание юноши и девушки. Гитлер, как Минотавр, беспрестанно требует от своих союзников и вассалов все новых и новых жертв» [8].

---

[1] Аристарх — строгий критик — по имени известного греческого грамматика и текстолога (215—143 гг. до н. э.). Например, у Белинского: «Теперь смешно читать нападки тогдашних аристархов на Пушкина» (Избр. соч., 1948, стр. 380).

[2] Меценат — щедрый покровитель деятелей науки и искусств — по имени богатого римского патриция, вельможи (I в. до н. э.).

[3] Ментор — наставник, воспитатель, учитель — по имени воспитателя сына Одиссея в гомеровской поэме «Одиссея».

[4] Хам — сын библейского Ноя; разрешил себе непочтительную, непристойную выходку по отношению к отцу. Отсюда хам, хамство, хамить и т. д.

[5] Грация — изящество, красота в движениях — по имени Граций — мифологических богинь прекрасного и изящного у древних римлян.

[6] Баян — по имени древнерусского певца Бояна, упоминаемого в «Слове о полку Игореве».

[7] «Гитлер хотел договориться с завоеванными народами. Он посадил в Норвегии Квислинга, и слово Квислинг тотчас стало ругательством» (*И. Эренбург,* Война, 1942, стр. 108).

[8] *М. И. Калинин,* О коммунистическом воспитании, 1946, стр. 192.

Или, например, у А. Ф. Кони: «Прокурор должен поступить, как Геркулес в мифе об Антее. Известно, что Антей по временам становился неодолимо силен, и Геркулес заметил, что это бывает тогда, когда он касается ногами почвы, которая и дает ему эту чудодейственную силу [1]. Тогда он поднял его на воздух и там, оторвав от почвы, задушил. Почва Антея в деле Засулич — это факт наказания Боголюбова [2]. Надо сделать этому факту надлежащую оценку в унисон с защитником, но затем оторвать его от почвы...» [3]

Или пример из лекции: Уже давно было замечено, что Вакх утопил больше людей, чем Нептун, т. е. вино погубило больше народу, чем море.

Естественно, что при разъяснении мифологического образа [4], как и при толковании трудных слов вообще, необходимо учитывать не только культурный уровень слушателей, но и предмет речи, и цель, преследуемую высказыванием. Возьмем, к примеру, образ василиска, этого сказочного животного у древних греков, убивающего своим взглядом все живое. В одной аудитории, возможно, обойдемся без комментариев вообще, как это сделал Лермонтов, например, в «Вадиме»: «...И глаза, если бы остановились в эту минуту на человеке, то произвели бы действие глаз василиска». В другом месте дадим небольшое пояснение, как только что приведенное. Но могут быть случаи, когда о василиске потребуется рассказать подробно, дабы предельно использовать этот образ для раскрытия определенной мысли, как, например, в одном из фельетонов И. Эренбурга периода Отечественной войны:

---

[1] Антей — сын Посейдона и Геи (богини земли); побеждал в единоборстве всех своих противников, так как во время борьбы каждое прикосновение к земле — его матери давало ему новые силы.

[2] Вера Засулич (1849—1919 гг.) выстрелом из револьвера тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова за его приказ высечь политического заключенного Боголюбова.

[3] *А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 552.

[4] Справки о мифологических образах можно получить в энциклопедиях и словарях. Для лучшего понимания и толкования мифологии, в частности греческой, полезно изучить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Полезна и работа Н. А. Куна «Легенды и мифы древней Греции».

«В древности люди считали, что существует мифический зверь василиск. По описанию Плиния[1], василиск — ужасен. Когда он глядит на траву, трава вянет. Когда он заползает в лес, умирают птицы. Глаза василиска несут смерть. Но Плиний говорит, что есть средство против василиска: подвести его к зеркалу — гад не может выдержать своего собственного вида и околевает. Фашизм — это василиск. Он несет смерть»[2].

* *
*

Яркий материал для образного оживления речи дает, конечно, не только литература древних народов, а литература вообще, в особенности художественные произведения последних веков. Литературный герой, литературный тип — ведь это, по меткому выражению Белинского, знакомый незнакомец. «Не говорите: вот человек с огромною душою, с пылкими страстями, с обширным умом, но ограниченным рассудком, который до такого бешенства любит свою жену, что готов удавить ее руками при малейшем подозрении в неверности — скажите проще и короче: вот Отелло!»[3]

И действительно, что может быть проще, короче и вместе с тем полнее и фигуральнее, чем следующие фразы:

1. «Манилов сидит в каждом народнике» (В. И. Ленин).

2. «К чему борьба, зачем междоусобицы? говорит Иудушка-кадет...»[4]

3. «Быть Мефистофелем в уездном городе — это очень легко, вы бы попробовали быть честным человеком!» (*М. Горький*, Зыковы, действие 4).

Каждый из этих литературных образов: Манилов, Иудушка, Мефистофель, Отелло и т. п. — это ведь целый мир в одном слове!

Когда речь идет о широко известном образе, то порой ограничиваются одним лишь намеком на него.

---

[1] Плиний Старший — римский писатель и ученый; жил в I в.

[2] *И. Эренбург*. Война, 1942, стр. 82.

[3] *В. Г. Белинский*. Избранные сочинения, 1948, стр. 73.

[4] *В. И. Ленин*. Соч., т. 2, стр. 298; т. 10, стр. 190. Образ Иудушки — образ пустослова и лгуна, двурушника и предателя, сутяги и хищника, жестокого, расчетливого — Владимир Ильич не раз использовал в своей борьбе с противниками.

Например, у Ленина: «Кто такую бессмыслицу предлагал[1], какая партия, мы не знаем. Если это имел в виду С. Маслов, то он воюет с ветряными мельницами»[2].

Однако не всегда можно ограничиваться одним только намеком или простым упоминанием художественного образа. В ряде случаев, чтобы образ был более доходчивым, следует несколько раскрыть его суть или ту его сторону, которая важна для нас в данном случае, как, например, у Г. В. Плеханова (о Богданове): «Вы похожи на мольеровского Журдена, очень долго не подозревавшего, что он говорит прозой».

А иногда полезно еще полнее раскрыть суть используемого художественного образа, как, например, в заметке Ленина «Социал-демократическая душечка» (1905 г.): «Тов. Старовер[3] очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ваничкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! В чьих-то объятиях очутишься ты завтра?»[4]

Подобрать меткий литературный образ и разумно воспользоваться им для развития своих мыслей — дело большой важности. Лектор и пропагандист должны это умение развивать и совершенствовать. А учиться есть у кого. В работах В. И. Ленина, например, образы одного лишь Салтыкова-Щедрина — всякие Деруновы, Разуваевы, Колупаевы и др.— приводятся в качестве эпитетов, сравнений, метафор более трехсот раз[5].

Все изложенное о литературном образе в полной мере относится, конечно, и к басенному материалу, хо-

---

[1] Речь идет о самочинном захвате земли.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 413.
[3] Старовер (А. Н. Потресов) — один из лидеров меньшевизма.
[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 9, стр. 384.
[5] См. *А. Цейтлин*, Литературные цитаты Ленина, 1934, стр. 17.

рошо известному народным массам. Высказывание, содержащее образ из басни, воспринимается осязаемо, зримо самой широкой аудиторией. Один только пример из «Мемуаров» Бомарше: «...цензор Марен хочет выглядеть значительнее, чем позволяют ему его возможности: он счастлив, когда другим кажется, будто он все знает, все умеет и все улаживает... Это... муха из басни: жужжит и мечется, обливаясь пóтом за лошадей, которые тащат карету, и выдает себя за главного героя всех событий...» [1]

Интересный материал для сравнений дает не только литература [2]. Много ярких примеров можно найти и в работах живописцев, скульпторов, в кинофильмах и т. п.

5. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ, ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ

Для усиления впечатления и большей наглядности мы нередко сопровождаем наши суждения *литературными изречениями,* меткими фразами выдающихся людей. Например: «Природа любит скрываться» (Гераклит); «Природа людей одинакова; разделяют же их обычаи» (Конфуций); «Души побеждаются не оружием, а любовью и великодушием» (Спиноза); «Из искры возгорится пламя» (Одоевский); «И дым отечества нам сладок и приятен!» (Грибоедов); «Да здравствует солнце, да скроется тьма» (Пушкин); «Короли уходят, а народы остаются» (В. Гюго); «Лучше меньше, да лучше» (Ленин); «Человек — выше сытости» (М. Горький); «В карете прошлого — никуда не уедешь» (М. Горький) [3].

Литературные изречения, эти концентраты мыслей и образов, используются для различных целей: иногда с полной серьезностью для развития и доказательства какой-нибудь мысли, иногда в чисто орнаментальных целях, а иногда ради комического эффекта. Например, у Г. В. Плеханова:

---

[1] *Бомарше.* Избранные произведения, 1954, стр. 206.

[2] См. *И. Вострышев,* Художественная литература в агитационной работе, 1958.

[3] В литературе и в быту встречается и другой вариант: «В карете прошлого далеко не уедешь».

«...всякий... кто учился философии не по новейшим популярным книжкам, должен иронически улыбаться, читая Ваши (Богданова.— *Э. Ф.*) нападки на «метафизиков», и повторять про себя слова той же (крыловской) басни:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»[1]

Или, например, у В. И. Ленина:

«...Мы прямо-таки не в состоянии отвечать на тявканье (Михайловского на Маркса.— *Э. Ф.*) и можем только пожать плечами:

Ай, Моська, знать она сильна, коль лает на слона!»[2]

Лаконичное крыловское двустишие с его едким сарказмом — прекрасный материал, более выразительный, более эффектный, чем самые сильные многословные фразы.

* *
*

Хороший материал для оживления речи дают и народные поговорки, пословицы, эти сгустки народного творчества, языкового фольклора, в которых обычно с предельной точностью и лаконичностью выражено нечто типическое и поучительное. Например: «Едут — дуга на дуге» (очень много); «На своей улочке и курочка храбра»; «На чужой стороне и весна не красна»; «Как месяц ни свети, а все не солнышко»; «На языке мед, а под языком лед»[3].

Или, например, пословицы и поговорки советской эпохи: «Лодырь в цехе, что трус в бою»; «Новатору — уваженье, лодырю — презренье»; «Машина любит ласку, чистку и смазку», «Колос к колосу — родине сноп»; «Колхоз без учета, что дом без дверей»[4].

Пословицами и поговорками зачастую становятся и изречения выдающихся людей, в особенности видных мастеров художественного слова. К примеру:

---

[1] *Н. Ленин* и *Г. Плеханов,* Против А. Богданова, 1923, стр. 105.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 141.

[3] См. *В. И. Даль,* Пословицы русского народа, 1957.

[4] См. *Н. М. Галочкин, С. А. Червяковский,* Сборник советских пословиц и поговорок, Горький, 1955.

1. Числом поболее, ценою подешевле.

2. Подписано, так с плеч долой.

3. Читай... с чувством, с толком, с расстановкой.

4. Служить бы рад, прислуживаться тошно.

5. Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок?

Все эти фразы из хорошо известной комедии Грибоедова «Горе от ума» и множество других оттуда же, как и целый ряд стихов из басен Крылова, из «Евгения Онегина» и др., уже давно вошли в живую речь народа в качестве пословиц и поговорок.

Вот почему такие изречения нередко приводятся без указания их автора. Например, у Ленина: ««Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев»[1].

В быту, а часто и в общей литературе слова «пословица» и «поговорка» употребляются в одном и том же значении; в специальной же литературе их отличают друг от друга. Пословица — это простое или сложное предложение, содержащее в себе какое-то поучение, наставление. Поговорка — это ходячее выражение, обычно образное, употребляемое в переносном смысле, без какой-либо поучительной тенденции. «Из поговорки слова не выкинешь»; «Поговорка — цветочек, пословица — ягодка» (В. Даль).

Пословицы и поговорки, по определению М. Горького, «формируют... социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и развертывать слова, крепко сжатые другими...»[2]

Сказанное Горьким имеет, без сомнения, отношение не только к писателям, но и ко всякому работнику слова.

Много интересных образцов удачного применения пословиц встречается у Ленина:

1. «Напрасно г. Горский прячется за спину *худших* (из возможных) социалистов... Есть хорошая

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 165. Ленин цитирует слова Репетилова из «Горя от ума».

[2] *М. Горький,* Собр. соч., т. 24, стр. 493.

латинская пословица, которая гласит: «ошибаться свойственно всякому человеку, но настаивать на ошибке свойственно только глупцу»».

2. «Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить — по-волчьи выть, а насчет того, чтобы всех волков истребить, как полагается в разумном человеческом обществе, то будем придерживаться мудрой русской поговорки: «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...»» [1].

Поговорки, пословицы, как и литературные изречения, служат не только дополнительным иллюстративным материалом, но порой и органической частью высказывания. Например, у М. Горького:

1. «Необходимо учиться побеждать в себе и вне себя дрянненькое наследие прошлого, а иначе — как же вы «отречетесь от старого мира»?»

2. «Рабочие и крестьяне должны знать и верить, что «наука и труд — всё перетрут», все цепи прошлого, всё, чем «хозяева» тысячи лет оглушали и ослепляли рабочий народ» [2].

* *
*

Цитируя пословицу или литературное изречение, не обязательно приводить их полностью. В ряде случаев достаточно привести только часть пословицы или даже ограничиться намеком. В особенности это применимо, когда речь идет о широко известном изречении. Например, у Ленина — в работе «К деревенской бедноте»: «Достаются все эти лучшие орудия одним только богатеям, а бедноте не достаются почти вовсе. Ей не до плугов и не до жаток, а быть бы только живу!» [3]

Или в работе Ленина «Что такое «друзья народа»...»: «И вот российская интеллигенция принимается за поиски «иных путей». Ищет и находит она их даже не первое десятилетие, доказывая изо всех

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т.19, стр. 500; т. 33, стр. 89—90.

[2] Заметьте, что у Горького здесь «наука и труд» вместо привычного сочетания «терпенье и труд».

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 6, стр. 348. Ср. с пословицей «Не до жиру, быть бы живу».

сил, что капитализм — «неправильное» развитие, ибо ведет к безработице и кризисам...

А русская буржуазия «слушает да ест»» [1].

Или, например, у Г. В. Плеханова: «Никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа, по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями» [2].

Кстати, подобными намеками иногда пользуются и в художественной литературе. Сравните, например, стих Пушкина «Мой дядя самых честных правил» («Евгений Онегин», гл. I) со стихом из басни Крылова «Осел был самых честных правил» («Осел и мужик»). Таким приемом Пушкин дал Онегину возможность вскрыть свое отношение к дяде [3].

* *
*

К только что указанной категории образных средств относятся и так называемые *крылатые слова* и фразеологические обороты — определенные словосочетания, представляющие по смыслу как бы одно понятие. Это тоже «слова, крепко сжатые другими». Например: вбить осиновый кол; положить в долгий ящик; тянуть лямку; играть в бирюльки; узнать подноготную; альфа и омега (начало и конец); вавилонское столпотворение; козел отпущения; яблоко раздора; дамоклов меч; иерихонская труба; развесистая клюква; буриданов осел; валаамова ослица; ахиллесова пята; Содом и Гоморра; между Сциллой и Харибдой (или: Сцилла и Харибда); у разбитого корыта; с открытым забралом; кто кого; догнать и перегнать и т. п.

Все такие обороты — это или определенные словосочетания из прошлой бытовой речи, употребляемые сейчас в переносном смысле, или же извлечения из литературных источников разных эпох и народов.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 293. Ср. со стихом «А Васька слушает да ест» (*И. А. Крылов,* Кот и повар).

[2] *Г. В. Плеханов,* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1938, стр. 62. Ср. с пословицей «Соловья баснями не кормят».

[3] См. *Н. Л. Бродский,* Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина, 1950, стр. 31.

Так, например, выражение «вбить осиновый кол» когда-то имело буквальное значение: по старинному суеверному обычаю в могилу колдуна вбивали кол из осины, чтобы тот не мог вредить после своей смерти. «Вбить осиновый кол» поэтому и значит: окончательно обезвредить, окончательно избавиться от чего-нибудь.

Выражение «Кто кого?» — в его современном политическом смысле — исходит от Ленина. На II Всероссийском съезде политпросветов (17 октября 1921 г.) Ленин говорил: «Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться,— и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого?» Еще раньше Ленин употребил выражение «Кто кого?» в «Плане речи на X съезде РКП(б) о замене разверстки налогом» (т. 36, стр. 493).

* *
*

Крылатые слова, пословицы и поговорки важно подбирать с умом, с толком. Ведь среди них есть и устаревшие, неправильные, вредные, как, например, «Тише едешь — дальше будешь»; «Дело не медведь — в лес не убежит»; «Каждый за себя, один бог за всех»; «Всяк сверчок знай свой шесток»; «Ты богу угоди, а сам думать — погоди» и тому подобные чуждые нашему советскому обществу изречения, являющиеся порой не чем иным, как поучениями церковников [1].

Конечно, не все так называемые народные пословицы и поговорки действительно народны по своему происхождению и устремлениям. Еще Н. А. Добролюбов протестовал против того, что «пошлый афоризм какого-то грамотея «Гром не грянет,— мужик не перекрестится» выдают за народную русскую пословицу» [2].

Пословицы и многие другие устойчивые словосочетания заключают в себе не только жизненный опыт поколений, не только мудрость народа или народов, но нередко и определенный штамп мышления, шаблон. Всякого рода поговоркам, пословицам, изречениям, вы-

---

[1] «Прежде говорили: «Каждый за себя, а бог за всех», и сколько горя из этого вышло» (*В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 280).

[2] См. *Н. А. Добролюбов,* Избранные сочинения, 1948, стр. 247.

ражающим консерватизм старого быта, поповщину, национальную ограниченность, национальную вражду, человеконенавистничество и другие пережитки прошлого, не должно быть места в речи пропагандиста и в речи советского человека вообще.

Впрочем, иногда можно воспользоваться и устаревшей пословицей, если ее соответственно осветить, придав ей новый смысл. Например, у Ф. Энгельса: «Буржуазная политическая экономия не в состоянии ни предотвратить кризисы вообще, ни уберечь отдельного капиталиста от убытков, от безнадежных долгов и банкротства, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты. До сих пор еще в ходу поговорка: человек предполагает, а бог (т. е. господство чуждых человеку сил капиталистического способа производства) располагает» [1].

* *
*

Пословицы, поговорки, литературные изречения, как и эпитеты, сравнения, метафоры и другие образные средства, в силу их частого употребления порой становятся тусклыми, стертыми, теряют свою выразительность. Отсюда следует, что мы должны уметь отбирать материал выразительный, свежий, а не изношенный, уметь привычное, будничное выражение тем или иным способом освежить, обновить или расширить, придавая ему определенную меткость, целеустремленность, как мы это часто видим у Ленина. Так, например, вместо привычного выражения «играть в бирюльки» мы у Ленина читаем: «добиться, чтобы коммунистические парламентарии не играли в буржуазно-парламентские бирюльки, а занимались насущнейшей работой пропаганды, агитации, организации в массах» [2].

Подобным же образом В. И. Ленин поступал иногда и с литературными афоризмами (см., например, Соч., т. 7, стр. 451).

Такого рода расширение и обновление поговорок, пословиц очень метко применял в своих полемических статьях Г. В. Плеханов, например в ответе А. Богданову:

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 300.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 95.

1. «Как видите, г. Богданов, ларчик открывается просто; но... Вы стремитесь не к тому, чтобы *открыть ларчик*, а к тому, чтобы *закрыть его.* И я понимаю, что открывать ларчик не в Вашем интересе» [1].

А вот пример перефразировки известного изречения Цезаря «Пришел, увидел, победил». Повествуя об иностранце, который побывал в Москве и написал о ней ряд небылиц, лектор сказал: «...он пришел, не видел, наболтал».

Поговорку или пословицу освежают порой самым простым способом, употребляя ее не как обычно, в переносном смысле, а в буквальном значении. Например, в речи Н. С. Хрущева на приеме в Кремле в честь сорокалетия Советской Армии: «Наша армия формировалась, закалялась в боях и из своей среды выдвигала командные кадры. Наполеоновская поговорка, что каждый солдат носит в своем ранце жезл маршала, была лишь поговоркой. Наши же генералы и наши маршалы действительно все прошли путь от солдата или от рабочего до маршала и генерала» [2].

* *
*

Уметь подобрать литературное изречение, яркую народную поговорку и вообще меткое выражение, в котором скупость словесной формы сочетается со смысловой насыщенностью,— одно из очень ценных качеств лектора и всякого говорящего. Вместе с тем необходимо уметь разъяснить или заменить ту или другую поговорку, если она, по предположениям лектора, не совсем доступна слушателям. К примеру, вы включили в свою речь следующие высказывания В. И. Ленина:

1. «Кто ведет «беспартийную» борьбу за свободу, тот либо не сознает буржуазного характера свободы, либо освящает этот буржуазный строй, либо откладывает борьбу против него, «усовершенствование» его до греческих календ».

2. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены,

---

[1] *Н. Ленин* и *Г. Плеханов,* Против А. Богданова, 1923, стр. 30, 31, 79. См. обновление крылатых фраз и у Герцена, в частности в гл. LXI «Былого и дум».

[2] «Правда», 24 февраля 1958 г.

напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни».

Естественно, что вы должны уметь разъяснить смысл таких выражений, как «до греческих календ», «краеугольные камни», и т. п. [1]

При толковании выражений, как и при их отборе, не следует действовать шаблонно, по готовому рецепту. В каждом отдельном случае, в зависимости от аудитории, от ее подготовки, лектор решает: подходит ли то или другое выражение, надо ли его разъяснять и каким образом. Культурный уровень наших людей растет с каждым днем; незнакомое вчера сегодня стало им известно. Надо с аудиторией разговаривать таким образом, чтобы никто из слушателей не имел основания считать, что лектор (или пропагандист) излишне популярничает и недооценивает культурный уровень аудитории.

6. СИНОНИМЫ. ГРАДАЦИЯ. ПЕРИФРАЗЫ

Хорошим, выразительным средством языка является и *синонимия* — употребление рядом или близко слов, сходных по значению, для усиления определенной части высказывания, равно и для освещения ряда оттенков одной и той же стороны какого-нибудь предмета или явления. Например, у С. М. Кирова (в докладе в 1933 г.): «Очиститься от лодырей, тунеядцев, прихлебателей и паразитов, каленым железом выжечь хищения, растраты, воровство — в этом, товарищи, заключается сейчас одна из важнейших задач» [2].

Синонимами пользуются также с целью избежать тавтологии и устранить частые повторения одного и того же слова вообще. Так, например, вместо «Наши силы сильны» говорят: «Наши силы велики» (или могучи, огромны, колоссальны и т. п.).

Неоправданная тавтология, повторение без надобности одного и того же слова на близком расстоянии,

---

[1] См. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова; Энциклопедический словарь; *Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина,* Крылатые слова, 1955.

[2] *С. М. Киров,* Избранные статьи и речи, 1939, стр. 550.

являющееся следствием бедности или неряшливости языка говорящего (пишущего), производит плохое впечатление на слушателя (или читателя). Напомним замечание М. Горького по поводу одного перевода:

«Все рассказы испещрены глаголом «говорить» в настоящем времени, это дает читателю право упрекнуть переводчика в небрежности или безграмотности.

Кроме «говорит» можно употреблять формы: «сказал», «заметил», «отозвался», «откликнулся», «повторил», «молвил», «добавил», «воскликнул», «заявил», «дополнил» и т. д.»[1]

Таким образом, надо стараться при помощи синонимов разнообразить речь, избегать повторений, монотонности, скуки, наносящих большой вред пропагандистской работе, в особенности лекционной.

При отборе слов для синонимии следует иметь в виду, что одни и те же слова в разное время, у разных социальных групп, в разных контекстах могут быть или не быть синонимами. Для помещика-крепостника Обломова, по утверждению И. А. Гончарова, «труд» и «скука» были синонимы[2], а для его работников, конечно, нет. Тем более ничего синонимичного в этих словах нет для нас, людей советских, для которых труд давно уже стал делом чести и славы.

Для капиталистического мира слова «пролетариат» и «рабочий класс» синонимичны, а для нас — не совсем. На это обратил внимание М. Горький в своей статье «О литературе» (1930 г.). Алексей Максимович писал: «Здесь же скажу два слова против возможного упрека мне в том, что я не говорю ничего о пролетарской литературе. Действительно, понятие «пролетариат» по отношению к рабоче-крестьянской массе Союза Советов выпало из моего лексикона. Это потому, что — на мой взгляд — как-то неудобно и неправильно именовать пролетариатом класс, который тратит миллиарды золота на строительство своего, рабочего государства. Ведь есть уже неоспоримое различие между пролетариатом мира и рабочим классом — полным

---

[1] Из приложений к книге К. И. Чуковского «Искусство перевода», 1936, стр. 221.

[2] *И. А. Гончаров,* Избранные сочинения, 1948, стр. 170.

властелином величайшей и богатейшей страны Союза Советов» [1].

Мы часто вместо слова ««противоречие» употребляем слово «антагонизм» или наоборот. Но «антагонизм» и «противоречие» — совсем не одно и то же, ибо противоречия бывают антагонистические, т. е. непримиримые, враждебные, классовые, и неантагонистические. Антагонизм исчезнет, говорил Ленин, а противоречие останется при социализме [2].

В ряде случаев «противник» и «враг» обозначают одно и то же. Например: противник (враг) перешел в наступление; противник (враг) оставил на поле боя много живой силы и техники. А нередко эти два термина имеют различный смысл. Например, у А. И. Герцена: «С первых слов я почуял, что (Чичерин.— *Э. Ф.*) это — не противник, а враг» [3].

Затем надо учесть, что одно и то же слово в силу своей многозначности может входить в разные синонимические ряды. Слово «разнести», например, в разных случаях может иметь своим синонимом глаголы «раздать», «распределить», «разбить» (лодку), «рассеять» (тучи), «раздуть» (щеку), «разругать» и др.

При пользовании синонимами их ставят в определенном порядке, чаще всего в порядке нарастания выражаемого ими качества или действия. Например, если мы в фразу желаем вставить слова «большой», «огромный», то мы их должны привести именно в этом порядке, а не наоборот, ибо после слова «огромный» слово «большой» только ослабляет впечатление, а не усиливает.

В одной из своих статей А. Ф. Кони рассказывает о словообильном защитнике, речи которого «походили на горячие публицистические статьи, причем его пафос не достигал своей цели вследствие странного расположения определений, которые шли обыкновенно в убывающем по силе порядке. «Господа присяжные! — восклицал он.— Положение подсудимого перед совершением им преступления было поистине адское. Его нельзя не назвать *трагическим* в высшей степени.

---

[1] *М. Горький*, Собр. соч., т. 25, стр. 256. Кстати, на это различие М. Горький указал еще в 1926 г. (см. т. 29, стр. 484).

[2] Ленинский сборник XI, 1929, стр. 357.

[3] *А. И. Герцен*, Былое и думы, 1946, стр. 342.

Драматизм состояния подсудимого был *ужасен;* оно было *невыносимо,* оно было чрезвычайно *тяжело* и, во всяком случае, по меньшей мере *неудобно»* [1].

Сожмите данное высказывание, опустив ненужное, оставив два-три определения в последовательном нарастании,— получится хорошая фраза.

Расположение слов в порядке возрастающей или убывающей силы высказываемого называется *градацией,* или усугублением.

Градация — один из распространенных приемов в художественной и публицистической литературе. К градации часто прибегал В. И. Ленин. Вот, к примеру, отрывок из статьи «О национальной гордости великороссов» (1914 г.): «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам» [2].

Или, например, выдержка из «Великого почина» (1919 г.): «Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней,* несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею» [3].

При отборе синонимов необходимо следить за тем, чтобы они были уместны, соответствовали друг другу, чтобы не было ни большого разрыва между ними, диссонанса, ни излишнего топтания на месте.

Примером такого топтания на месте могут служить отрывки из выступления одного обвинителя, которые приводит П. Сергеич в своей книге «Искусство речи на суде»: «Показания свидетелей в главном, в существенном, в основном совпадают; — развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях; — то,

[1] *А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 55.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 86.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 396.

что вы слыхали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом» (стр. 24).

Ясно, что такое уродливое применение синонимии может вызвать у слушателя неприятное чувство, а порой и раздражение.

* *
*

В качестве синонимов часто пользуются и так называемыми перифразами. *Перифраза* — это замена прямого, часто однословного, наименования описательным многословным выражением. Например: прибрать к рукам, почи(ва)ть на лаврах (успокоиться), хирургическое вмешательство (операция); или описательные выражения такого рода: «Дом Щепкина», «Дом Островского» (Малый театр в Москве); столица прогрессивного человечества (Москва); автор «Былого и дум», великий писатель земли русской (Л. Н. Толстой) и т. п.

Одним из видов перифразы является *эвфемизм* (греч.— благоречие) — употребление описательного выражения или иностранного термина взамен слова, признанного по каким-либо мотивам непристойным, предосудительным. Например: «Встречаются люди, которые толкуют об искусстве, понимая в нем столько же, сколько некое животное в апельсинах».

В речи лектора и пропагандиста перифразы имеют ту же положительную сторону, что и всякие иные образные выражения. Кроме того, они удобны для избежания однообразия, особенно когда приходится часто повторять одно и то же слово. Например: «В 1941 г. гитлеровский империализм вероломно напал на Советский Союз. Страна социализма разгромила гитлеровскую Германию и вышла из неслыханно тяжелой борьбы более сильной, чем была до 1941 г.»

Пользуясь перифразами, не следует, однако, забывать, что многие из них могут быть части аудитории неизвестны, как, например: «красный петух» — пожар, поджог; «столыпинский галстук» — виселица; «тушинский вор» — Лжедмитрий II [1], «победитель при

[1] Тушино (близ Москвы) в 1608—1610 гг. служило местопребыванием самозванца Лжедмитрия II.

Аустерлице» — Наполеон I[1]. Сюда же можно отнести и слова типа «шестьдесят семейств» — фактические хозяева США; «двести семейств» — крупнейшие богачи и правители Франции; или: «черное золото», «жидкий уголь» — нефть; «белый уголь» — движущая сила воды; «голубой уголь» — движущая сила ветра и т. п.

К таким выражениям надо прибегать осторожно и с обязательным толкованием (в массовой аудитории).

Затем важно помнить, что перифразы могут быть порой многозначны, неясны. Например:

1. Автор произведения «Что делать?»
2. Величайший корифей науки.

Кого имеет в виду первая фраза — Чернышевского или Ленина? А величайший корифей науки — это кто? В таких случаях неясность или возможное ошибочное понимание выражения следует предупредить путем замены или расширения его.

Наконец, надо иметь в виду, что примененная некстати перифраза звучит вяло, напыщенно, производит плохое впечатление.

7. АНТОНИМЫ И ДРУГИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Для большей выразительности и усиления впечатления часто применяют и *антонимы* — слова с разными корнями, обозначающие взаимно противоположные качества. Например, у А. В. Луначарского: «...Чтобы понимать всякое искусство, искусство всех времен, народов и классов, надо обладать историческим чутьем, надо уметь взять его в связи с его культурной обстановкой, и тогда то, что на первый взгляд показалось холодным, чуждым или варварским, окажется живым, родным и человечным».

Или, например, такого рода противоположения — у Н. Г. Чернышевского: «Старание быть остроумным тупоумно, старание быть грациозным и легким тяжело, неуклюже».

Благодаря употреблению в одной фразе контрастных по смыслу выражений мысль автора оттеняется сильнее, ибо черное пятно на белом фоне кажется еще чернее и наоборот.

[1] При Аустерлице (город в Моравии) Наполеон I одержал 2 декабря 1805 г. одну из своих знаменитых побед.

Вот почему антонимами пользуются в особенности для уточнения характеристики предметов, для более четкого определения понятий. Например, у Ф. Энгельса: «...физиология установила, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс» [1].

Противоположные качества выражаются не только посредством антонимов, но и путем прибавления к слову в положительной форме какой-либо частицы или приставки с отрицательным значением. Сравним, например: приличный — неприличный, грамотный — безграмотный, марксистский — антимарксистский, революционный — контрреволюционный и т. п. Такого рода противоположности нередко употребляются наряду с антонимами. Например: Истинное, прекрасное и революционное развиваются в борьбе с ложным, безобразным и контрреволюционным.

При подборе слова с противоположным значением (как впрочем, и любого слова) следует иметь в виду, что слово то и дело употребляется в переносном смысле и является зачастую многозначным. В силу этого одному и тому же слову в разных контекстах могут быть противопоставлены различные антонимы. Например, антонимом «старого» может быть не только «молодой», но и «новый» или «свежий»; антонимом «холодного» будет «теплый», «горячий», «жаркий», или «живой», или «радушный» и др.; противоположностью «буржуазного» нередко бывает «пролетарский», а иногда и «социалистический», т. е. понятие, которое чаще всего противополагается понятию «капиталистический».

Для усиления и уточнения определенной части высказывания применяют не обязательно антонимы, а противопоставления вообще, ибо суждения, в которых употребляются противоположения, являются более вескими. Противоположение, или *антитеза*, получается разными способами: противопоставляются друг другу и отдельные слова всевозможных форм и значений, и отдельные словосочетания, и целые фразы. Например:

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 121.

1. «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их»[1].

2. «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира» (Ф. Энгельс)[2].

Или такой пример — из лекции К. А. Тимирязева: «...забывают, что задача физиолога не описывать, а объяснять природу и управлять ею, что его прием должен заключаться не в страдательной роли наблюдателя, а в деятельной роли испытателя, что он должен вступать в борьбу с природой и силой своего ума, своей логики вымогать, выпытывать у нее ответы на свои вопросы, для того чтобы завладеть ею и, подчинив ее себе, быть в состоянии по своему произволу вызывать или прекращать, видоизменять или направлять жизненные явления»[3].

Изложение при помощи сопоставлений является, как уже было выше указано, неоценимым средством в лекционной работе, в особенности тогда, когда требуется четкое разграничение ряда понятий, в какой-то степени соприкасающихся и могущих поэтому быть ошибочно смешанными.

* *
*

Выразительность антонимов и антитез особенно ощутима, когда они находятся рядом друг с другом или на очень близком расстоянии в одной фразе, как, например, в «Манифесте Коммунистической партии»: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...»

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 19.

[2] *К. Маркс, Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, стр. 123.

[3] *К. А. Тимирязев*, Жизнь растения, 1940, стр. 20.

Или пример из лекции международника: «Мир разделился на два лагеря — лагерь жизни и лагерь смерти, лагерь счастья и лагерь горя, лагерь правды и лагерь лжи, лагерь мира и лагерь войны».

На антонимах и антитезах построены многие пословицы и изречения. Например: «Прямым путем по кривой не ездят»; «Где хвост начало, там голова мочало»; «Не мудрено начать, мудрено кончить»; «Умей видеть великое в малом»; «Живое слово дороже мертвой буквы».

Последнее изречение заключает в себе двойную антитезу: 1) «живое» — «мертвой», 2) «слово» — «буквы». Двойная антитеза содержится и в следующих изречениях:

1. «У человека с коротким умом язык обыкновенно бывает слишком длинный» (Аристофан).

2. «Дневной свет мысли мне роднее лунного освещения фантазии» (А. И. Герцен).

Или у Ленина: «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь», «Худой мир лучше доброй ссоры» [1].

Антонимами и антитезами нередко пользуются и при составлении заголовков к статьям, докладам, как и во многих других случаях, когда встречается необходимость в кратком, резком и метком наименовании или высказывании. Например, ряд заголовков к статьям у В. И. Ленина: «Максимум беззастенчивости и минимум логики» (т. 7); «Хорошая резолюция и плохая речь» (т. 19); «Честный голос в хоре клеветников» (т. 24); «Самое ясное изложение самого путаного плана» (т. 9); «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?» (т. 9).

А порой на антитезах строят также целые статьи, очерки, доклады и пр. См. «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, а также «О музыке толстых» М. Горького (т. 24).

8. ПОВТОРЕНИЯ. ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ

Противопоставления или синонимия не всегда, однако, уместны. Часто и мастера слова избегают словесной многокрасочности, а для усиления впечат-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 310; т. 5, стр. 331.

ления пользуются повторением одного и того же выражения. Например, у В. И. Ленина в статье «Марксизм и восстание» (сентябрь 1917 г.): «...мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы и в казармы:* там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания» [1].

Повторение слова «там» звучит здесь каждый раз как удар набата, еще более увеличивая силу и выразительность высказывания.

Особый вид повторения — это так называемое *единоначатие,* или *анафора,* когда ряд членов предложения, фраз или абзацев начинается одним и тем же словом или одной и той же группой слов. Например, у Ленина: «Не может быть, нет и не будет «равенства» угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых с эксплуататорами. Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца» [2].

Или пример из речи В. И. Ленина при открытии памятника Марксу и Энгельсу:

«Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых» [3].

Единоначатие и повторение вообще придают фразе, речи известную целеустремленность.

В виде повторения приводится порой и целое предложение. Такой повтор (рефрен) применяется

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 8.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 100.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 146.

чаще всего в гимнах, песнях, но он бытует и в других жанрах. Например, в речи В. И. Ленина «О профессиональных союзах...» (1920 г.) в качестве вывода-рефрена употребляется следующая фраза: «Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им» [1].

Наконец, практикуется прием повторения на близком расстоянии ряда слов одного и того же корня. Этим приемом пользуется Ленин в начале своей статьи «Ясность прежде всего!» (1914 г.):

«Можно ли говорить серьезно с людьми, явно не умеющими отнестись серьезно к серьезным вопросам? Трудно, товарищи, очень трудно! Однако вопрос, о котором не умеют серьезно говорить некоторые люди, сам-то по себе настолько серьезен, что не вредно разобрать даже явно несерьезные ответы на него.

Серьезный вопрос — это вопрос об единстве русского рабочего движения. Люди, не умеющие серьезно к нему отнестись,— это сотрудники газеты «Единство»» [2].

Или, например, у А. В. Луначарского: «Важно, чтобы пища была не только сытной, но и вкусной, но в тысячу раз важнее, чтобы полезный предмет быта был не только полезен и целесообразен, но и радостен... Радостно должно быть платье, радостна должна быть мебель, радостна должна быть посуда, радостно должно быть жилище».

* *
*

Когда приходится повторять не только какой-либо отдельный член предложения или словосочетание, но и ряд сочетаний, то это чаще делается не простым повторением одних и тех же слов, а так называемыми *параллелизмами*, т. е. соединением двух и более предложений (или частей), имеющих много общего в смысловом и грамматическом (структурном) отношениях. Например, у А. И. Герцена: «Народность, как знамя, как боевой крик, только тогда окружается

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, стр. 18.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 510.

ореолом, когда народ борется за независимость, когда свергает иноземное иго».

Или, например, у Энгельса (по поводу смерти Маркса): «Самый могучий ум нашей партии перестал мыслить, самое сильное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться» [1].

Или у В. В. Маяковского: «Будущее не придет само, если не примем мер. За жабры его, комсомол! За хвост его, пионер!» («Выволакивайте будущее!»).

К параллелизмам прибегают обычно ради того, чтобы не быть утомительным и скучным в повторении мыслей. Надобность же в таком повторении вызывается либо требованиями ясности, точности, полноты изложения, либо желанием усилить впечатление на слушателей или читателей, либо соображениями чисто ритмического порядка, либо теми и другими мотивами вместе.

В лекции параллелизмы применяются еще иногда и для того, чтобы дать слушателям некоторый умственный отдых, направляя их внимание на восприятие не новой мысли, а лишь новой оболочки.

9. ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ПРИЕМЫ ОЖИВЛЕНИЯ РЕЧИ

Чтобы оживить свою речь, необходимо уметь пользоваться не только словарным богатством языка, но и всевозможными структурными формами изложения, уметь разнообразить эти формы, пользуясь, в частности, следующими приемами приближения речи к разговорному стилю, к беседе.

а) Вопросно-ответный прием

Изложение материала в виде вопросов и ответов очень ценно в пропагандистской работе, так как в силу своей природы оно требует предельной ясности и четкости как в постановке вопросов, так и в формулировке ответов. Недаром В. И. Ленин так часто пользовался этим видом изложения. Вот, к примеру, отрывок из статьи В. И. Ленина «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905 г.): «...К чему стре-

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 357.

мится современное крестьянское движение в России? К земле и воле.— Какое значение будет иметь полная победа этого движения? Добившись воли, оно устранит господство помещиков и чиновников в управлении государством. Добившись земли, оно передаст помещичьи земли крестьянам.— Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков (отнятие земли у помещиков) товарное хозяйство? Нет, не устранит.— Устранит ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков одиночное хозяйничанье крестьянских дворов на общинной земле или на «социализированной» земле? Нет, не устранит»[1].

В лекционной работе часто применяется так называемый эмоциональный, или *риторический*, вопрос, т. е. утверждение в форме вопросительного построения, как, например, у В. И. Ленина в статье «Луиблановщина» (1917 г.):

«Спрашивается, может ли взрослый человек удовлетворяться тем, что люди о себе *думают*, не проверяя этого тем, что они *делают*? Может ли марксист *не* отличать пожеланий и заявлений от объективной действительности?

Нет. Не может»[2].

Или у М. Горького: «Какая правда важнее? Та правда, которая отмирает, или та, которую мы строим? Нельзя ли принести в жертву нашей правде некоторую часть той, старой, правды? На мой взгляд, можно»[3].

Нередко эмоциональный вопрос задается и без сопровождения его формальным ответом. Например, у В. Г. Белинского в «Письме к Гоголю»: «Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»

При вопросно-ответном изложении для большей активизации слушателей вопрос иногда задается в такой формулировке, что сами слушатели дают на него ответ, как, например, в речи М. И. Калинина на совещании секретарей парторганизаций Москвы 12 января 1944 г.:

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 9, стр. 410.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 17.
[3] *М. Горький*, Собр. соч., т. 26, стр. 63.

«...вот сейчас на фронте,— спрашивает Калинин,— что считается важнейшим требованием для достойного кандидата партии? (*Голос с места:* «Героизм».)

Героизм, правильно. Хорошие боевые действия...» [1]

Однако такой прием может быть применен не во всякой аудитории. Он допусти́м в кругу достаточно организованных, подготовленных и одинаково с лектором мыслящих слушателей.

К вопросно-ответному приему относится и постановка лектором могущего возникнуть у слушателей вопроса или цитирование возможного ответа, дополнения, возражения противника или кого-либо другого в целях их подтверждения, развития или опровержения. Примером может служить уже приведенная выдержка из статьи Ленина «Большевики должны взять власть»:

«История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации».

б) Прямая речь

В ряде случаев полезно изложить материал в виде прямой речи, т. е. инсценируемого разговора со вторым лицом или с самим собой. В качестве примера можно взять отрывок из речи Н. С. Хрущева на Всесоюзном совещании хлопкоробов 19 февраля 1958 г.

«Товарищи, мне на всю жизнь запомнилась одна беседа в первые годы после завершения коллективизации с довольно пожилым человеком. Приехали мы в село и зашли в кузницу. Вы знаете, что крестьяне любят в свободное от работы время заходить в кузницу; там образуется что-то вроде клуба.

Зашли и мы, разговорились. Спрашиваю этого старика:

— Ну как дела у вас в колхозе?

— Да дела у нас идут хорошо.

— А как твоя старуха думает насчет колхоза?

— Тут дело сложное,— отвечает старик.— Она поломала на моей спине 3 коромысла, пока я убедил ее пойти в колхоз.

---

[1] *М. И. Калинин,* О коммунистическом воспитании, 1958, стр. 367.

— Ну а теперь,— спрашиваю,— как относится она к колхозу?

— Теперь, если бы я ушел из колхоза, она наверняка поломала бы на моей спине четвертое коромысло. Не миновать бы этого. *(Смех в зале.)*» [1]

Передача разговора в виде прямой речи является незаменимым приемом в лекционной работе, особенно в лекции на политическую, историческую, литературную, художественную, производственную или бытовую тему, где то и дело приходится излагать, разбирать чужие чувства и чужие мысли. Конечно, во множестве случаев можно и должно пользоваться косвенной речью, описательными выражениями. Однако, как справедливо замечает П. Сергеич, передать вполне понятным образом чужое чувство, чужую мысль «несравненно труднее в описательных выражениях, чем в тех самых словах, в коих это чувство или мысль выражается непосредственно. Последний способ выражения и точнее, и понятнее, и, главное, убедительнее для слушателей» [2].

Прямая речь может оказать неоценимую услугу лектору, в особенности такому, который стремится запечатлеть свои слова в сознании слушателей как можно ярче и глубже, который желает взволновать чувства своей аудитории, подчинить ее себе.

в) Обращение

Как вы помните из грамматики, *обращение* — это слово или группа слов, обозначающие лицо или предмет, к которому обращаются с речью. Например, у В. В. Маяковского в «Левом марше»:

Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.

К обращению нередко прибегают и в пропагандистской речи, ибо высказывание, содержащее обращение, действует более внушительно на слушателя или читателя. Например, у В. И. Ленина в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»:

---

[1] «Правда», 22 февраля 1958 г.
[2] *П. Сергеич,* Искусство речи на суде, 1910, стр. 67.

«Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищающие отечество» японское от американского, американское от японского, французское от английского и так далее! Продолжайте «отписываться» от вопроса о средствах борьбы против империалистских войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу Базельского манифеста 1912-го года), господа рыцари II и II $^{1}/_{2}$ Интернационалов со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество» [1].

Другой пример — из Обращения июньского Пленума ЦК КПСС ко всем трудящимся Советского Союза (1959 г.): «Как не испытывать огромного внутреннего удовлетворения, сознавая, что в общих победах есть и твоя доля, что не гостем, а полновластным хозяином шагаешь ты, гражданин Советского Союза, по жизни, и все, что видишь кругом, и все, что будет сделано,— это для тебя, для твоих детей, для всех нас, для советского общества — общества строителей коммунизма, для нашей Родины!»

Обратите внимание, что в последнем примере, кроме обращения («гражданин Советского Союза»), имеются и другие приемы оживления речи: противопоставление («не гостем, а полновластным хозяином»), метафора («шагаешь ты... по жизни»). Опустите какой-либо из этих приемов, и фраза несколько потускнеет, станет менее действенной.

г) Эллиптические и назывные предложения

Об эллиптических фразах мы уже упоминали, говоря о ясности и краткости; сейчас подойдем к ним с точки зрения живости речи. *Эллиптическими* фразами полна, как известно, бытовая речь. Немало их и в диалогах художественных произведений, так как разговор героев идет о хорошо известных или находящихся рядом вещах и собеседники понимают друг друга и с полуслова.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 34—35.

Эллиптические построения бытуют и в публицистическом жанре, в особенности в фельетонах. Например, у И. Эренбурга (в годы Отечественной войны):

1. «Припадочный ефрейтор Гитлер вопит: «Вперед в Остланд!» Как здесь не вспомнить старую пословицу: «Не засаливай ус на чужой кус»?

Сто га земли на каждого СС?

Нет, два аршина. На особенно рослых — три».

2. «Спорить с ними? — Штыками. Опровергать их ложь? — Пулями».

3. «Они больше не поют. Они теперь видят, что такое «веселая война». Эта война придет к ним. Они не спрячутся от нее ни в какие подвалы.

Они начали. Мы кончим» [1].

В ряде из этих предложений пропущены слова, тем не менее сказанное вполне понятно. Больше того. Пропуск слов помогает нам почувствовать напряженность положения, быстроту действий.

Наряду с эллиптическими применяются и *назывные* предложения, т. е. такие, в которых какой-либо предмет называется, но о нем, кроме того, что он есть, ничего не высказывается. Например: Зима. Лес. Старик. Костер. Подобные фразы часто производят более сильное впечатление, чем обычные, полные, распространенные. Поэтому назывными предложениями, как и эллиптическими, нередко пользуются и в пропагандистской речи. Примером может служить статья В. И. Ленина «Капитализм и печать» (1914 г.), вскрывающая «прелестные» нравы буржуазного газетного мира. Вот несколько отрывков из этой статьи:

«Пляска миллионов. Пятимиллионный баланс «Нового Времени», из них около трех миллионов — фикция... Займы в банках сотни тысяч. Всеобщая продажность. Проституция всех сортов, незаконная и законная, браком освященная. Лучшее и высшее петербургское общество. Миллионеры, министры, биржевики, знатные иностранцы. Игорные дома. Шантаж разных видов... Зависть и подножки...

Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это — наша «большая пресса».

---

[1] *И. Эренбург,* Война, 1942, стр. 53, 62, 57.

Это — цвет «высшего» общества. Этих людей «все» знают, у них «везде» связи... Бесстыдная наглость крепостников, обнимающаяся впотьмах с бесстыдной продажностью буржуазии, вот она — «святая Русь»» [1].

Когда вы читателю дадите фигуру или обстановку, дальше он сам, своим воображением дополнит картину. Этим, говорит М. Горький, вы как бы заставите читателя быть участником событий, которые вы изображаете. Сказанное важно знать и лектору, да, пожалуй, еще важнее, чем писателю. Воздействуя непосредственно на слушателя всеми данными голоса, равно как и мимикой, жестом, паузой, мы самым незначительным словом можем высказать многое. Вот почему маленькое назывное предложение в устах лектора может иногда выразить больше, чем многословная фраза в книге.

Вы рассказываете, к примеру, о борьбе народа против царского правительства и феодально-капиталистического строя, о работе партии до и после Октября; или же вы говорите об Отечественной войне и ее героях, об успехах науки и труда, о борьбе народов за мир, свободу и независимость, о Китае, о Вьетнаме или об Италии, о Чайковском или о Горьком — во всех этих и многих других случаях необходимо как можно чаще развертывать перед слушателем живые картины, употребляя в подходящие моменты назывные и эллиптические предложения, как и иные приемы оживления речи.

Конечно, очень увлекаться назывными и эллиптическими предложениями не следует, ибо слишком сжатая, недосказанная речь иногда может быть не совсем правильно понята. Кроме того, она очень отрывиста, а потому и несколько утомительна для слушателя. Отрывистая, бессоюзная речь, короткие предложения, быстро одно с другими сплетаемые, уместны в моменты наиболее напряженного действия, быстрой смены жестов, настроений. А вообще фраза должна быть плавной, полной, дающей слушателю или читателю ясное представление о происходящем.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 145—146.

д) Замена времен глагола

Хорошим выразительным средством часто является замена прошедшего времени глагола (действия) настоящим или будущего времени — прошедшим, и наоборот. Так, например, описывая в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» главные этапы истории большевизма, В. И. Ленин вместо прошедшего времени глагола употребляет почти исключительно настоящее время:

«Годы подготовки революции (1903—1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарско-революционного ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов» [1].

Вы видите, как Ленин переводит все события из рассказа о прошлом в рассказ о действии, совершающемся как бы сейчас, что заставляет нас глубже переживать пройденные этапы.

А вот пример другой замены у Ленина: «Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство,— я уже не говорю, как социалистическое,— погибли» [2].

Желая, видимо, придать своему высказыванию больше решительности, категоричности, Ленин употребляет здесь последний глагол в прошедшем времени вместо будущего.

А иногда, наоборот, будущее время употребляется вместо прошедшего. Например, в речи А. В. Луначарского о Ленине: «...его огромный ум вместе с его другой коренной чертой, его веселостью и поразительной душевной ясностью, сказывались в том, что он все

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 10.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 389.

делал с шуточками, улыбаясь: над одним посмеется, другого вышутит, третьего ласково — словесно — по плечу потреплет,— и в Совнаркоме мы работали так, как будто это — веселое общество друзей, благодаря Владимиру Ильичу» [1].

Глаголы «посмеется», «вышутит», «потреплет» — в форме будущего времени — применяются здесь для обозначения повторявшихся действий.

Иной раз будущее время глагола приводится вместо прошедшего для выражения внезапного наступления действия. Например, у Гончарова: «Начались обыкновенные явления качки: вдруг дверь отворится и с шумом захлопнется. В каютах, то там, то здесь, что-нибудь со стуком упадет со стола или сорвется со стены, выскочит из шкафа и со звоном разобьется — стакан, чашка, а иногда и сам шкаф зашевелится» [2].

К замене времен глаголов, а также к другим заменам нередко обращаются и для избежания однообразия.

Указанные замечания следует иметь в виду и в лекционной работе, избегать по возможности чрезмерно частого столкновения слов с одинаковыми грамматическими окончаниями. Повторение одних и тех же форм вызывает скуку, утомляет слушателя.

е) Замена личных форм глагола

Живости содействует и замена личных форм глагола. Сюда относится прежде всего употребление формы 1-го лица глагола вместо 3-го лица, т. е. когда говорящий, рассказывая о каком-либо лице, вдруг обрывает рассказ и превращается как бы сам в это лицо.

К этому приему часто обращался А. В. Луначарский. Так, например, в докладе на тему «Искусство и его новейшие формы» Анатолий Васильевич говорил:

«Уже самое название экспрессионизм показывает, что тут нечто противопоставляет себя импрессионизму... Импрессионизм значит искусство впечатле-

---

[1] *А. Луначарский*, Ленин, 1924, стр. 18.
[2] *И. А. Гончаров*, Фрегат «Паллада», т. I, 1952, стр. 79.

ний, экспрессионизм значит искусство выражения. Художник-импрессионист говорит: я хочу целиком, честнейшим образом передать импрессию, которую мне дает природа, и притом во всей ее непосредственности и чистоте. Художник-экспрессионист говорит: мне никакого дела нет до природы, единственно, что я желаю от искусства, это чтобы мне была дана возможность представить мой внутренний мир».

«Основная беда экспрессионизма пока заключается в том, что ему нечего, в сущности, говорить. Он вообще протестует. Он говорит: я пророк, я вам скажу великую истину. Какую? А вот я еще ее не нашел, я ищу ее».

«Если вы скажете экспрессионисту: голубчик, то, что ты намалевал, ничего нам не говорит, он в ответ скажет: «Что же мне делать, если у меня душа именно такая? Что же я должен свою душу прилизывать, причесывать? — это не будет экспрессионизм. Разве я должен опускаться к толпе? — Нет,— я должен поднять ее до себя, до великого, единственного ищущего пророка». И поэтому экспрессионист бывает иногда до такой степени темным, что больше темноты нельзя себе и представить» [1].

Еще пример — из лекции А. В. Луначарского в Коммунистическом университете имени Свердлова: «Вы чувствуете, что автор (Сервантес.— *Э. Ф.*) говорит: да, правда, жизнь сера, действительность победила романтику, действительность победила идеализм. Умер идеал, умерла настоящая доброта, умер подвиг. В ваших серых буднях, в вашем мире трактирщиков идеальный рыцарь смешон, он превращается в комическую фигуру. Но поймите, подлецы, что этот смешной Дон-Кихот в тысячу раз выше вас, что он подвижник, что он добр. Вы смеетесь над ним, и читатели смеются, и я сам смеюсь, но в то же время мы все чувствуем, что его душевное величие нас трогает, хватает нас за сердце» [2].

Далее, в целях выразительности употребляется форма 2-го лица единственного числа глагола, выра-

---

[1] *А. В. Луначарский,* Искусство и революция, 1924, стр. 213—214, 219.

[2] *А. В. Луначарский,* Статьи о литературе, 1957, стр. 505—506.

жающая обычно обобщенно-личное значение. Например: Шила в мешке не утаишь; Что посеешь — то и пожнешь.

Форма 2-го лица единственного числа глагола подчас применяется даже вместо формы 1-го лица. Такой заменой говорящий придает своему высказыванию обобщающий характер и как бы втягивает слушателя в свои переживания. Например, у М. И. Калинина: «Я тоже был преподавателем... преподавателем марксизма в подпольном кружке. И вот иногда рассказываешь что-либо и сам чувствуешь, что до народа не особенно доходит. Тогда я стал прибегать к такому методу: минут 15 занимаемся теорией, а потом уже беседуем по душам, разбирая отдельные явления конкретной действительности» [1].

Наконец, мы в лекции нередко заменяем 2-е лицо множественного числа 1-м лицом. Нам надо, например, сказать аудитории: «Вы должны...», «Вы еще не умеете...», «Ваша обязанность...» и т. п., но слушатели не любят назидательного тона, поэтому мы и себя включаем и говорим: «Мы должны...», «Мы еще не умеем...», «Наша обязанность» и т. п. В таком виде наши советы будут лучше приняты.

Вот отрывок из речи М. И. Калинина на совещании учителей-отличников 28 декабря 1938 г.: «Вы сами знаете, что в лекции нередко три четверти — вода, а одна четверть — полезные сведения. *(Смех.)* Мы, к сожалению, не умеем, как следует, выжимать воду» [2].

ж) Единственное число вместо множественного

Оживляющим средством является и употребление повелительной формы глагола в единственном числе вместо множественного. Например, у Сталина в речи «О правом уклоне в ВКП(б)»:

«Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих лю-

---

[1] *М. И. Калинин,* О коммунистическом воспитании, 1958, стр. 452—453.

[2] Там же, стр. 173.

дей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!»

Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег»» [1].

Вместо «держитесь», «режьте», «ложитесь», «закройте» мы здесь имеем «держись», «режь» и т. д. Такая замена в подобных случаях выражает побуждение к большей организованности в действиях, к большей сплоченности, к единению.

Впрочем, единственное число повелительной формы глагола вместо множественного иногда употребляется и с целью уничижения. Например, у В. В. Маяковского: «Катись назад, заводчики...» («Летающий пролетарий»).

Бóльшая сплоченность и единение могут быть выражены и применением существительного в единственном числе вместо множественного, как, например, в известной речи рабочего-революционера Петра Алексеева, сказанной им на суде в 1877 г.: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах» [2].

Замена множественного числа существительного единственным (или наоборот) подчас применяется и с целью уничижения. Например, в стихотворении Маяковского:

Ешь ананасы,
рябчиков жуй!
День твой последний приходит, буржуй!

Или, например, у М. Горького: «Я хорошо видел, что именно копейка служит солнцем в небесах мещанства и что это она зажигает в людях мелкую и

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 12, стр. 17—18.

[2] По свидетельству А. Ф. Кони, речь Петра Алексеева произвела своей энергией потрясающее впечатление, «и смущенный и растерявшийся председатель выслушал, не останавливая его, воззвание о скорейшем приходе того времени, когда мозолистый кулак рабочего сотрет с лица русской земли самодержавное самовластие и все гнилые учреждения, которые его поддерживают» (*А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 503).

грязную вражду. Горшки, самовары, морковь, курицы, блины, обедни, именины, похороны, сытость до ушей и выпивка до свинства, до рвоты — вот что было содержанием жизни людей, среди которых я начал жить» [1].

Разумеется, употребление единственного числа вместо множественного не всегда идет фразе на пользу. Возьмем, к примеру, такое высказывание: «Прекрасные здания, к которым раньше простые люди Китая под страхом жестоких наказаний не смели даже приблизиться, теперь превращены в очаг культуры».

Здесь со всех точек зрения должно быть не «очаг», а «очаги».

Или такой пример: «Она ему нравилась с головы до кончика ножек». Цитируя эту фразу, М. Горький справедливо замечает: «...если она — не инвалид, так у ее ножек два «кончика»» [2].

з) Обратный порядок слов

Ценным средством выразительности служит и обратный порядок слов — *инверсия,* т. е. помещение того или иного члена предложения не на свое обычное место. Так, например, если прилагательное (в русской фразе) поставить не перед существительным, к которому оно относится, а после, то этим усиливается значение определения, характеристики предмета. Например, у В. И. Ленина: «...из России нэповской будет Россия социалистическая».

Или у А. В. Луначарского: «Чернышевский влюблен не просто в действительность; он влюблен в действительность развивающуюся, в действительность вечно новую, погруженную в этот поток времени».

Для помещения того или иного члена предложения в центре внимания слушателя применяются самые различные перестановки, вплоть до вынесения сказуемого (в повествовательном предложении) или какого-нибудь второстепенного члена в самое начало фразы, а подлежащего — в середину или в конец. Например, у Ленина:

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 24, стр. 479.
[2] Там же, стр. 412.

«Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза» [1].

Присмотритесь к порядку слов в следующих фразах:

1. Песня помогает нам жить и строить.
2. Нам песня строить и жить помогает.
3. Нам песня помогает жить и строить.

Благодаря всевозможным перестановкам из предложения, состоящего из небольшого количества слов, зачастую можно сделать много вариантов, и каждый из них будет иметь те или иные смысловые оттенки. Естественно, что при всевозможных перестановках надо следить за ясностью, точностью и другими качествами языка.

Найти для каждого случая «единственно возможный порядок единственно возможных слов» (Л. Н. Толстой) — одна из важных задач лектора, пропагандиста и каждого работника речевой культуры.

и) Неожиданный вывод и игра слов

Определенный эффект в речи достигается иногда и без особых образных слов или специальных грамматических приемов, а просто неожиданным выводом, поворотом мысли или даже неожиданно примененным словом. Например, у М. Горького: «Плохо выдумывает он (Петров-Водкин.— *Э. Ф.*) потому, что, при всей его непомерной хвастливости и самообожании, он человек всесторонне малограмотный».

Или в рассказе Карамзина о Тредиаковском. «Тредиаковский,— говорит Карамзин,— учился во Франции... знал древние и новые языки; читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать».

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 9.

Или у И. Эренбурга: «Можно жить без конфет, без шелковых рубашек, без кресла. Но нельзя жить без будущего...»

Сюда же можно отнести и парадоксальную форму изложения, например игру словесных противоречий, оттеняющую действительные противоречия: «А эта линия (мартовцев, центристов.— *Э. Ф.*)... состоит в отсутствии линии» (Ленин).

Разящей парадоксальной формой часто пользуются в фельетонах. Например, у И. Эренбурга: 1. «Москва у них (у гитлеровцев.— *Э. Ф.*) под носом. Но до чего далеко до Москвы! Между ними и Москвой — Красная Армия» [1]. 2. «Проходя по пышным залам музея (музея Конго в Бельгии.— *Э. Ф.*), видишь все время то, что не выставлено: кровь рабов» [2].

Выразительности речи может способствовать и остроумная игра слов вообще: сходство звуков речи, перестановка слов, всевозможные сопоставления и т. п. Например:

1. «Они (Погодин и Шевырев.— *Э. Ф.*) обвиняли Грановского в пристрастии к западному развитию, к известному *порядку идей,* за которые Николай из *идеи порядка* ковал цепи да посылал в Нерчинск» (А. И. Герцен).

2. «Случается и так, что иной, чем сильнее чувствует, тем бесчувственнее живет» (В. Г. Белинский).

3. «...Маркс всегда помнил слова, сказанные им в юности, что писатель не должен работать для того, чтобы зарабатывать, а должен зарабатывать для того, чтоб работать...» (Ф. Меринг).

Или надпись на стене рейхстага, сделанная от имени советского народа: «Мы пришли с мечом в Берлин, чтобы навсегда отучить фашистов от меча!»

к) Концессия. Стилизация

Прекрасно действующим приемом в речи иногда является *концессия* (лат.— уступка, согласие). Она заключается в том, что лектор якобы соглашается с положением противника и, став на точку зрения последнего, бьет его собственным оружием.

---

[1] *И. Эренбург,* Война, 1942, стр. 106.

[2] «Литературная газета», 21 июня 1950 г.

Много поучительных образцов концессии читатель найдет в сборниках речей выдающихся ораторов, судебных деятелей. Вот, к примеру, несколько отрывков из поединка А. Ф. Кони с принцем Ольденбургским.

Принц вызвал к себе Кони и директора Училища правоведения, в котором знаменитый юрист читал курс лекций, и сообщил им свое решение: чины и воспитанники училища должны подать государю адрес и выразить свое негодование по поводу оправдания Засулич и неправильных действий суда присяжных вообще[1]. «Вчера еще я приказал,— говорит принц...— чтобы все было готово к подписанию адреса воспитанниками и преподавателями...»

«Позвольте, ваше императорское высочество, прежде чтения проекта адреса обратить ваше внимание на совершенную необычность такого заявления перед государем со стороны воспитанников учебного заведения. Я не знаю ни одного случая подачи подобного адреса».— «Как! а адресы университетов по случаю выстрела Каракозова и по поводу недавней войны?» — «Да, такие адресы были поданы, но война есть событие, касающееся всей страны от мала до велика, да и адрес этот был подписан лишь профессорами, желавшими доказать, что идея борьбы за славян находит себе сочувственный отголосок и в ученом мире, а адрес по поводу 4 апреля содержал в себе выражение радости о спасении любимого монарха. Не знаю, подписывали ли его студенты, но не сомневаюсь, что ваше высочество не допускаете мысли об отождествлении покушения на жизнь государя с покушением на жизнь Трепова...»

Стрела попала в цель, и принц в негодовании забормотал: «Ах! как можно, как можно! Какое мне дело до Трепова, но вот эти присяжные...» — «Присяжные, ваше высочество, установлены законом, данным государем; учреждение этого суда санкционировано державной волей. Удобно ли, чтобы ученики, готовящиеся быть специальными служителями закона и государственных учреждений, выражали свое порицание форме суда, установленной государем?

---

[1] См. сноску 2 на стр. 160.

Отчего тогда не допустить порицаний с их стороны и другим государственным учреждениям? И кто же будет порицать? Мальчики, не знающие жизни и никогда даже и в суде-то не бывавшие...» [1]

* *
*

Для выразительности речи, особенно в целях насмешки, применяется и *стилизация* — нарочито подчеркнутая имитация (подделка) характерных особенностей языка определенной социальной среды, эпохи или определенного вида литературы. Например, разобрав в одной из своих публицистических статей [2] ряд несообразных возражений своего оппонента, Плеханов предлагает своим читателям решить математическую задачу:

«Дан г. Михайловский; дано полное незнание им Гегеля; дано совершенное непонимание им Маркса; дано его неудержимое стремление рассуждать о Гегеле, о Марксе и об их взаимном отношении; спрашивается: сколько еще ошибок сделает г. Михайловский благодаря этому стремлению?» [3]

Или, например, в речи А. Ф. Кони на банкете в честь работников Художественного театра. «Господа присяжные,— начал свою речь Кони,— перед вами два преступника (К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.— *Э. Ф.*), совершивших жестокое дело. Они, с заранее обдуманным намерением, зверски убили всеми любимую, хорошо нам всем знакомую, почтенную престарелую... (после некоторой комической паузы) — *рутину*». [4]

л) Ирония, шутка

В лекторской и пропагандистской работе вообще следует почаще пользоваться таким убийственным оружием, как смех, в особенности в тех случаях, когда надо бичевать пережитки капитализма в со-

[1] *А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 583—584.

[2] В статье «Еще раз г. Михайловский, еще раз «триада»».

[3] *Г. В. Плеханов,* К вопросу о развитии монисгического взгляда на историю, 1938, стр. 179.

[4] См. *К. С. Станиславский,* Моя жизнь в искусстве, 1941, стр. 311.

знании людей или другие пороки либо вскрывать ложь и лицемерие наших врагов. Ведь высмеять — значит, по выражению Горького, вылечить, а «одним из наиболее умных приемов борьбы со злом жизни является презрение к нему». Вот почему писатели, художники, общественные деятели и многие другие подчас обращаются к этому убийственному оружию.

Приведем отрывок из речи Н. С. Хрущева, опубликованной в «Правде» 7 марта 1954 г.: «У нас есть еще немало работников, которые привыкли только заседать и писать резолюции. Но они не любят и не умеют работать с людьми, не откликаются на насущные запросы трудящихся, не вникают глубоко в детали. Такие чиновники не знают дела, но могут давать директивы по любому вопросу — и как собак стричь и как кур доить. *(Смех в зале.)*»

Одним из распространенных средств вышеуказанного бичевания является *ирония* (греч.— притворство) — употребление слов в смысле, прямо противоположном их обычному значению. Ирония может быть сосредоточена в одном слове и в ряде слов. Например, у В. И. Ленина:

1. «Дороговизна жизни и тяжелая жизнь капиталистов» (название статьи в «Правде» в 1913 г.).

2. «Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков» [1].

А подчас иронией насыщено и целое высказывание, как, например, следующий отрывок из «Что делать?» (1902 г.) В. И. Ленина: «...иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому» [2]. Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той или другой страны, сопоставлять условия военного полуабсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и исключительного закона о социалистах, сравнивать экономический быт и экономи-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 36, стр. 202; т. 17, стр. 65.

[2] Иловайский Д. И. — реакционный историк и публицист идеалистического толка. Его учебники долго применялись в качестве обязательных пособий в царской средней школе.

ческое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социал-демократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг, катедер-социалисты), но и с тактическими (Лассаль) заблуждениями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они пай-мальчики» [1].

Едкой иронией насыщены многие работы наших вождей, например «Святое семейство» Маркса и Энгельса, «Анти-Дюринг» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и др. Ирония, насмешка почти всегда сильнее действуют на противника, чем самые резкие слова негодования.

Прекрасные образцы иронии имеются и в ряде выступлений А. В. Луначарского. См., например, его лекцию «А. И. Герцен и люди сороковых годов» (в книге «Статьи о литературе»). Много примеров иронии лектор найдет в произведениях Ч. Диккенса, М. Твена и других юмористов [2].

Насмешку можно вызвать различными путями, в основе которых лежит несоответствие, контраст. Стоит лишь удачно включить в фразу какое-нибудь слово из другой, несоответствующей ей лексической среды, и комический эффект обеспечен. Например, у А. П. Чехова в рассказе «Ионыч»: «...Я ему говорю, что он не имеет никакого римского права сидеть у себя в больнице».

Или, например, в «Комсомольской правде» (от 16 мая 1951 г.): «Природа ничем не обидела этого парня... Все дала ему с избытком: высокий рост, красоту, молодость. Не дала природа нашему Лёвику только совести. И вот он ходит в таком некомплектном виде по городу... позоря себя и своих родителей».

Впечатление комического достигается и таким средством, как оперирование «обрубками» слов или каким-либо другим новообразованием: «замы», «помы» [3], «канцелярствовать» и т. п. Например, у

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 330.

[2] Ирония может распространяться и на целое произведение. См., например, «Остров пингвинов» Анатоля Франса.

[3] «Замы», «помы» — заместители, помощники.

В. В. Маяковского в стихотворении «Канцелярские привычки», в котором поэт зло высмеивает писак, любящих чертить свои фамилии, адреса «везде — у скал, на массивном грузе Кавказа... на стенах уборных...»

Таким нельзя
без фамилий и дат!
Всю жизнь канцелярствовали, привыкли люди.
Они
и на скалу
глядят, как на мандат.

Или, скажем, такое образование, как «прокукиш» — название, данное Лениным Общественному комитету помощи голодающим (1921 г.), в состав которого входили контрреволюционеры Прокопович, Кускова и Кишкин, пытавшиеся использовать эту организацию для борьбы с Советской властью.

Наконец, для различных целей можно себе разрешить и простую шутку. Удачно приведенная шутка, меткая острота, кстати рассказанный анекдот[1] полезны и для некоторого разряжения атмосферы, предупреждения усталости слушателей. «Шутка — минутка, а зарядит на час»,— говорит народ. Однако шутить надо уметь. Шутка, юмор — оружие обоюдоострое, «требующее в обращении с собой... тонкого вкуса и специального дарования» (А. Ф. Кони). Пустому смехачеству и зубоскальству не должно быть места в серьезном разговоре, тем более в лекции.

10. ПРОСТО, ЕСТЕСТВЕННО, БЕЗ ГИПЕРБОЛ И МИШУРЫ

Образные и выразительные средства языка в работе лектора, пропагандиста имеют огромное значение. С их помощью мы делаем известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

Однако образные средства следует употреблять подходящие и в меру. В противном случае они приводят к обратным результатам, ибо «все чрезмерное оскорбляет сильнее, чем то, что представляется недостаточным» (Цицерон).

[1] Анекдот — предельный по лаконизму рассказ о столкновении фактов.

Поэтому надо быть осторожным, в частности, в применении преувеличенных эпитетов, неестественных сравнений и вообще так называемых гипербол. *Гипербола* (греч.— преувеличение) — это явно преувеличенное высказывание по поводу чего-нибудь. Напомним несколько хорошо известных гипербол из бытовой речи: Гора с плеч; Из мухи слона сделать; Сто лет не видались; Тысячу раз говорил.

Бывает и обратная гипербола — чрезмерное уменьшение. Например: Двух слов связать не может; Тише воды, ниже травы; Мальчик с пальчик.

Гипербола придает обычно грандиозность художественному образу. Например, у Н. В. Гоголя в описании Днепра: «...никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра... Пышный! ему нет равной реки в мире» («Страшная месть», X).

Гипербола — очень резкое изобразительное средство, с ним надо обращаться умеючи, не злоупотребляя. В противном случае гипербола ведет к ходульности, неестественности.

Не следует, конечно, увлекаться гиперболами в лекции, где требуется максимум точности в изложении.

* *
*

Слог надо беречь от ложной художественности, от «мишуры дешевеньких прикрас» (Горький). Истинные мастера слова всегда вели борьбу против такой мишуры и явных ухищрений. Молодой А. С. Пушкин, говоря о любителях мнимой красоты и кудрявых фраз, писал в 1822 г.: «Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба... Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном [1]. Боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса... Точность и краткость — вот первые

[1] Талия — одна из девяти муз в древнегреческой мифологии, покровительница комедии. Мельпомена — покровительница трагедии. Апполон — бог музыки, пляски и поэзии, предводитель муз.

достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»[1].

В речи, а тем более лекторской, надо вообще избегать всякой напыщенности. Стоит лектору начать говорить неестественными, напыщенными фразами, щеголять изысканными, вычурными приемами, и его не будут слушать. Аудитория знает, что под такими фразами и приемами скрывается пустота содержания. «У кого скудная мысль,— писал Монтень,— тот раздувает ее словами»[2].

В лекции все должно быть естественно и в меру. Даже удачные, уместные образы должны быть в очень ограниченном количестве. Ибо, как мы уже говорили, излишняя образность — скопление эпитетов, сравнений, метафор или других изобразительных средств — вредит высказыванию. Поучительно замечание А. П. Чехова в письме к А. С. Суворину от 23 января 1900 г.: «...все у Вас острят, играют словами, и это немножко утомляет внимание, рябит; язык Ваших героев похож на белое шелковое платье, на котором все время переливает солнце и на которое больно глядеть».

Если обилие образных средств утомляет читателя, то тем более, конечно, оно утомительно для слушателя. Поэтому не следует гнаться за количеством. Лучше меньше, да лучше.

И еще одно нужно иметь в виду: образные и выразительные приемы лучше всего тогда, когда они не бросаются в глаза. Пример из речи В. И. Ленина в 1920 г.: «Как только международная буржуазия замахивается на нас, ее руку схватывают ее собственные рабочие»[3].

Кажется, слова в этой фразе самые обыкновенные, а какой выразительный, рельефный образ содержится в ней! Поставьте перед собой задачу — нарисовать плакат на основе данной фразы Владимира Ильича, и вы еще больше почувствуете пластичность этого образа.

Словом, если вещь сделана мастерски, то мастерства не замечаешь. Вот почему творения больших

---

[1] *А. С. Пушкин,* Полное собр. соч., т. VII, 1958, стр. 15. См. также «Заметки на полях статьи П. А. Вяземского».

[2] *М. Монтень,* Опыты, 1954, стр. 203.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 285.

мастеров ясны и просты. Вот почему истинные художники и настоящие ценители искусства твердили и твердят, что красота в простоте.

Однако простоту не следует смешивать с примитивом. Творить просто — это очень сложно. Простота, которой добиваются истинные мастера, заключается в строгом и последовательном развитии мысли, одетой в хорошо скроенный из добротного материала и прекрасно сшитый костюм. Такая простота достигается лишь в результате упорных и напряженных исканий. Вдумайтесь, например, какой глубокий смысл заключен в следующих простых словах Ленина: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверяя и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине» [1].

Подобной точности и простоты должен добиваться и лектор. Цицерон, говоря о качествах оратора, отмечает: он скромен и прост, подражает обиходному языку; эту простоту речи, кажется, легко воспроизвести, но, когда испробуешь на деле, оказывается, нет ничего труднее. Хороший оратор говорит чистой речью [2], ясно и удобопонятно, предусмотрительно выбирая приличествующие случаю выражения. Он осторожен в пользовании, так сказать, арсеналом ораторских средств. Он не допустит смелости в образовании новых слов, будет осторожен в употреблении метафор, скуп на архаизмы [3] и сдержан в применении остальных украшений слов и мысли. Он отвергнет всякие искусственные средства для наведения белизны и румянца. Простая речь нравится без всяких прикрас.

В этой связи полезно напомнить слова М. Горького о выступлении В. И. Ленина на V Лондонском съезде партии в 1907 г.

Владимир Ильич, говорит Горький, «не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл...

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 174.

[2] У Цицерона: «Латинской чистой речью».

[3] Архаизм — слово или оборот речи, вышедшие из употребления.

Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре,— точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали: «Густо говорит...»»

* *
*

Простота, естественность языка достигается прежде всего тем, что лектор говорит своим языком, без готовых фраз, без штампов. У каждого человека своя манера изъясняться, свой язык, как и своя походка и свое лицо. Этот язык надо развивать, совершенствовать, учась у мастеров слова, но ни в коем случае не насыщать свои высказывания трафаретами. Фразы, в которых то и дело встречаются шаблонные выражения, а в особенности обороты, перегруженные терминами, иностранными словами, лишенными конкретной выразительности,— такие фразы не привлекут к себе внимания слушателей или читателей.

Михаил Иванович Калинин, человек с огромным пропагандистским опытом, неоднократно указывал, что «готовой фразой вы впечатления на людей не произведете. Не произведете потому, что ее и без вас знают. Вы опасаетесь, что, если по-своему скажете, это будет не столь красиво. Ошибаетесь». «Надо, чтобы слово было уместно и своевременно сказано, чтобы оно само выходило... Надо, чтобы не механически, а органически лились слова, чтобы они выражали твою мысль... Язык, на котором вы общаетесь с населением,— продолжает М. И. Калинин,— делайте простым, своим, применяя естественный стиль. Если стиль неестественный, то получается отталкивающий привкус» [1].

Разумеется, стремясь к простоте и естественности речи, не следует избегать таких готовых фраз, как

[1] *М. И. Калинин,* О коммунистическом воспитании, 1958, стр. 182, 184.

поговорки, пословицы, литературные изречения и т. п. Все такие фразы, как уже было сказано, не только уместны, но часто весьма желательны, ибо короче, яснее и ярче не скажешь, чем это сформулировано в народной поговорке или в литературном изречении. Вот почему виднейшие мастера слова, крупнейшие ученые и мыслители нередко прибегают к таким готовым формулам, в особенности когда встречается необходимость мобилизовать целый ряд выразительных средств, чтобы ими настойчиво и упорно бить в один и тот же пункт. Например, у В. И. Ленина в статье «Как организовать соревнование?» (январь 1918 г.):

«...*без руководящей роли* практиков-организаторов из «народа», из рабочих и трудящихся крестьян ни в коем случае не обойтись. «Не боги горшки обжигают» — эту истину должны крепче всего зарубить у себя рабочие и крестьяне. Они должны понять, что сейчас все дело *в практике*, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой, когда в особенности верны слова Маркса: «всякий шаг практического движения важнее дюжины программ»,— всякий шаг в деле практически реального обуздания, сокращения, взятия под полный учет и надзор богатых и жуликов важнее дюжины отменных рассуждений о социализме. Ибо «теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»» [1].

В этой выдержке мы видим и древнее изречение («не боги горшки обжигают»), и цитату из Маркса, и афоризм из гетевского «Фауста» («теория, друг мой, сера...»), и много других приемов выразительности, примененных Лениным для того, чтобы всецело направить внимание читателя на важность практики и необходимость привлечения практиков из народа для государственного строительства.

Однако и в применении пословиц, литературных изречений и других готовых фраз надо быть осмотрительным, экономным. А. Ф. Кони в своих «Советах лекторам» справедливо замечает: «Лучшие речи *просты, ясны, понятны и полны глубокого смысла.*

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 373—374.

При недостатке собственной «глубокой мысли» дозволительно пользоваться мудростью мудрых, соблюдая меру и в этом, чтобы не потерять своего лица между Лермонтовыми, Толстыми, Диккенсами...»[1]

Итак, надо говорить своим языком, пользуясь изобразительными средствами в меру, соответственно излагаемому предмету и культурному уровню слушателей. При этом следует помнить: если излагаемый материал сам по себе занимателен и преподносится убедительно и искренне, наша речь не нуждается ни в каких украшениях. Они даже повредили бы ей. Чем материал ответственнее, тем строже должен быть язык.

11. БЛАГОЗВУЧИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

Большое значение в лекторской и пропагандистской работе имеет и внешняя сторона речи, ее звучание. Известно, каким благозвучием наделены народные творения — пословицы и поговорки. Например: «Видом сокол, а голосом ворона»; «Пить до дна, не видать добра»; «Не сули с гору, а подай в пору»; «В камень стрелять — только стрелы терять»; «Хлеб на стол, так стол престол»; «Коротко, да ясно, оттого и прекрасно».

Слово — самый массовый, самый ходкий «предмет». Оно должно быть хорошо сложено — удобно для органов речи и приятно для слуха. За последние десятилетия создано огромное количество сокращенных слов разных типов, в том числе и такие, как «РТС», «роно», «вуз», «втуз» и т. п., а вот сло́ва «пуз» — педагогическое учебное заведение — не образовали, и вряд ли оно будет образовано.

Мы знаем, как внимательно прислушивался к звучанию слов Владимир Ильич и как часто он в тех или других случаях отмечал: «плохо звучит». А. В. Луначарский как-то рассказывал: однажды он прочел Владимиру Ильичу телеграмму, в которой фигурировало слово «шкраб». «Кто? Кто?» — спросил Ленин. Луначарский разъяснил, что так стали сокращенно называть школьных работников. «А я думал,— ска-

[1] *А. Ф. Кони.* Избранные произведения, 1956, стр. 115.

зал Ильич,— это какие-нибудь крабы... Что за безобразие назвать таким отвратительным словом учителя!» [1]

В своей статье «О прозе», разбирая язык Андрея Белого, М. Горький замечает: «Почему нужно писать «тутовый» вместо — здешний? Есть тутовое дерево и есть тошнотворное, достаточно уродливое словцо — «тутошний»,— зачем нужно еще более уродовать его?» [2]

В Куйбышеве большой известностью пользуется фабрика-кухня № 1. Однако многим из ее посетителей не идет на язык такое неаппетитное наименование, и они предпочитают говорить: «Пойдем обедать к Вере Григорьевне». Сообщая этот факт в № 12 журнала «Работница» за 1954 г., автор справедливо заключает: «Жаль, что в городском тресте столовых до сих пор не догадались дать фабрике-кухне № 1 иное, более приятное для слуха название».

Слова могут оказаться неподходящими не только потому, что они вызывают неприятную ассоциацию, но и вследствие только одного неприятного их звучания. Так, например, многие стилисты признают в русском языке неблагозвучными слова с обилием шипящих и свистящих звуков.

Не любил таких слов, например, А. П. Чехов [3]. М. Горький считал, что «все эти «вши», «щи» и прочие свистящие и шипящие слоги надобно понемножку вытравлять из языка, но, во всяком случае, надобно избегать их, по возможности», потому что они «придают языку некрасивый тон» [4].

Чехов, Горький и многие другие мастера слова требовали от себя и своих коллег внимания к благозвучию фразы. «...Надо,— говорил Чехов,— заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала»» [5].

«Не учитесь писать так вот, «как каторжник»,— указывал М. Горький,— это скверно! Вообще избегайте одинаковых слов, звуков, слогов на близком расстоянии» [6].

---

[1] «Вечерняя Москва», 21 января 1929 г.

[2] *М. Горький,* Собр. соч., т. 26, стр. 394.

[3] См. «Русские писатели о языке», 1954, стр. 666.

[4] *М. Горький,* Собр. соч., т. 29, стр. 207; т. 28, стр. 340.

[5] *А. П. Чехов,* Полное собр. соч., т. XVII, стр. 168.

[6] *М. Горький.* Собр. соч., т. 28, стр. 216.

Если Горький был недоволен сочетанием «как каторжник», то тем более он протестовал бы против скопления «к» в следующей фразе (из «Литературной газеты» от 25 сентября 1954 г.): «Где кончается правда жизни, где начинается лакировка? Мне пришлось особенно много думать об этом, так как как раз на моей работе... особенно резко сталкивались прямо противоположные толкования этой проблемы».

Прочтите эту фразу вслух, и вы увидите, что «так как как раз» звучит плохо.

Трудное, неприятное звучание слов может получиться не только от скопления одинаковых согласных, но и от встречи ряда гласных или от столкновения сходных слогов. Например: «А у Ауэра» или: «приписываемый ему отрывок...» и т. п. Разумеется, таких столкновений надо по возможности избегать, стремясь к тому, чтобы фраза была удобопроизносима.

Из этого следует, что лектору полезно проверять фразы на слух, обращая внимание на то, чтобы фраза не содержала никаких трудных, комических, двусмысленных, а тем более неприличных звуковых сочетаний. Подобной проверкой можно выявить многое такое, что глаз обычно пропускает.

Но ведь слова нельзя обтесать для лучшей их пригонки друг к другу! Поэтому целесообразно заменить другим какое-либо слово, мешающее благозвучию, или переставить слова таким образом, чтобы они друг к другу подошли, не искажая при этом, конечно, смысла фразы.

В тех же случаях, когда слова, мешающие благозвучию, нельзя заменить или переставить, их следует произнести несколько раз по слогам, медленно, четко, пока органы речи их освоят. Так же обычно поступают со всеми трудными для произношения словами.

* *
*

Как известно, ритм играет выдающуюся роль в стихотворной речи. Но о ритмичности надобно думать и лектору. Его речь не должна быть целиком размеренной, как в стихах, но она должна быть хорошо прилажена. Такую речь легче произносить, приятнее слушать, нежели шероховатую, неотесанную.

В прозаической речи ритм создается в основном надлежащим порядком слов. Большое значение для образования размеренной речи имеет и симметрическое расположение частей фразы. Например:

1. «...Материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое — вторичное» [1].

2. «...Революция освобождает человека не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально» [2].

В приведенных примерах симметрия, а с нею и определенная ритмичность вызваны антитезами. Однако симметрическое расположение слов, мерное членение фразы возможны и при отсутствии противопоставлений. Например, у Сталина: «Капитализм может частично стабилизоваться, он может рационализировать свое производство, отдать управление страной фашизму, зажать временно рабочий класс, но он никогда не вернет себе того «спокойствия» и той «уверенности», того «равновесия» и той «устойчивости», которыми он щеголял раньше, ибо кризис мирового капитализма дошел до такой степени развития, когда огни революции неизбежно должны прорываться то в центрах империализма, то в периферии, сводя к нулю капиталистические заплаты и приближая день за днем падение капитализма» [3].

Хорошо организованная речь, плавная, ритмичная не только облегчает восприятие сказанного, но и доставляет слушателю эстетическое удовольствие.

* *
*

Лектор должен придерживаться норм общепринятого литературного произношения (орфоэпии), норм, коими руководствуются, например, работники сцены, эстрады, дикторы. Ценные указания по вопросам литературного языка — словарного состава, грамматических форм, произнесения слов — найдем в слова́рях и пособиях, указанных выше (стр. 90).

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 134.
[2] *М. Горький,* Собр., соч., т. 26, стр. 53.
[3] *И. В. Сталин,* Соч., т. 10, стр. 246.

Если у лектора плохое произношение, невнятное, невыразительное, а тем более если он неверно произносит какие-либо звуки речи, ему следует заняться исправлением своих недостатков. Надо, в частности:

1. Отчетливо произносить слова, в особенности *гласные* звуки: университет, администрация, эмпириокритицизм, человеколюбие, человеконенавистничество, распропагандированный, переквалифицированный, высокомеханизированный, шестидесятирублевый.

2. Строго различать звуки «и» — «ы»: бить — быть, вить — выть, питать — пытать, мило — мыло, сито — сыто.

3. Следить за тем, чтобы «р» не звучал как «л» или «х», а «л» не походил на «у» или «в»: природа, Арарат, лилия, лелеять, аллегория, перераспределение.

4. Правильно произносить *шипящие* и *свистящие* звуки, не заменяя их: Шушенское, шестерня, Чичиков, сосуществование, шестнадцать, железистый, очищенный, очерченный, щелочной, шестичасовой.

5. Не допускать, как правило, замены *звонких* звуков «б», «в», «г», «д», «ж», «з» соответствующими глухими — «п», «ф», «к», «т», «ш», «с», или наоборот: бить — пить, ваза — фаза, год — код, дом — том, жест — шест, злой — слой.

На конце слова указанные звонкие согласные заменяются (в русском языке) соответствующими глухими. Так, например, слова «столб», «нрав», «луг», «стог», «код», «нож», «груз» произносятся: столп, нраф, лук, сток, кот, нош, грус.

Соответствующими глухими звонкие согласные заменяются и перед глухими. Говорят не «вход», «трубки», «лавки», «ногти», «груздь», «лезть», а «фхот», «трупки», «лафки», «нокти», «грусть», «лесть». И наоборот. Глухие согласные перед звонкими (кроме «в») заменяются соответствующими звонкими. Например, слова «сбор», «сбыт», «отблеск», «отбыл», «к городу» произносятся: збор, збыт, одблеск, одбыл, г городу.

6. На месте «г» в окончании «ого», «его» (красного, синего, второго, кого, чего, его) следует произносить «в». Сказанное относится и к словам «итого» («и того»), «сегодня» («сего дня»), «сегодняшний» и т. д.

В некоторых словах на месте «г» произносится «х»: легкий, мягкий, легче, мягче, легкость, мягкость

и т. д. В словах «ага», «ого», «эге» и т. п. на месте мгновенного «г» произносится длительный звук «h».

В общем, «г» следует произносить как мгновенный «г»: он образуется так же, как звук «к», но с голосом: город, голова, огонь, подгорелый, гипербола, горизонт, Гамлет, Гегель.

7. Следить за правильным *смягчением* звуков в соответствующих местах: кров — кровь, вяз — вязь, пыл — пыль, эконом — экономь, удар — ударь, шест — шесть.

Звуки «ж», «ш», «ц» произносить всегда твердо: жизнь, рожь, режь, шелк, шило, брошюра, парашют, лишний, спешишь, цирк, цитата, революция, цивилизация, национализация.

Надо произносить: «газета» (не «газэта»), «дизель», «музей», «демагог», (не «дэмагог»), «депо», «декорация», «демарш», «деталь», «деликатес», «текст» (не «тэкст»), «телефон», «тема», «тенор». Но в словах «демонтаж», «демос», «демпинг», «денонсация», «декольте», «термос», «термостат» и в ряде других должно звучать «дэ», «тэ» (см. «Русское литературное ударение и произношение» под ред. А. И. Аванесова и С. И. Ожегова).

Взрослому человеку исправить произношение — дело не из легких. Однако при известном упорстве можно освободиться от любых речевых изъянов, можно добиться прекрасной дикции [1].

Живой голос, да еще в многолюдной аудитории,— это могучее средство воздействия одного человека на других.

Поэтому лектору важно развивать в себе умение пользоваться этим средством, чтобы влиять на ум и чувства своих слушателей. «Меняя тон, ритм, темп и силу звука,— говорит П. Сергеич,— оратор без труда передает своим слушателям самые незаметные, самые прихотливые оттенки чувства и настроения, самые противоположные движения души».

Развить в себе умение пользоваться всеми данными голоса лектору помогут упражнения: чтение вслух художественной прозы, стихов, басен, а также ярких публицистических отрывков.

---

[1] Много практических советов по исправлению произношения дает книга Е. Саричевой «Техника сценической речи».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДГОТОВКА ЛЕКЦИИ И ПОДАЧА МАТЕРИАЛА

1. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ. ИЗУЧЕНИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Лекция на любую тему требует очень серьезной подготовки. О чем бы ни предстояло вести речь, лектор не может ограничиваться одним своим опытом, лишь своими наблюдениями. Ему нужны дополнительные сведения, главным образом из литературных источников: из книг, газет, журналов, документов и т. д.

Поэтому лектору очень важно уметь организовать свою работу на всех ее этапах возможно более разумно и целесообразно.

а) Тема и целевая установка

Изберите тему, которая отвечает вашим интересам, на которую вы можете говорить со знанием дела и с предельной искренностью. Если вы не чувствуете потребности высказаться по данному предмету или вам нечего сказать больше того, что знает слушатель, не беритесь за такое выступление.

При определении темы спросите себя, чем она может быть интересной для слушателя. Помните, что его одинаково не интересует как совершенно неизвестное, так и слишком хорошо известное. Тема увлекает, если она достаточно актуальна, затрагивает злободневные вопросы.

Впрочем, в хороших руках может стать актуальной, интересной любая тема. Если вы сможете показать значение темы для покорения сил природы, для роста народного хозяйства и обороноспособности

страны, для повышения материального и культурного уровня жизни народных масс, а также в целях развития их патриотических чувств, человеколюбия, пролетарского интернационализма, эстетического вкуса и т. д.,— словом, если слушатель почувствует значение вашей темы для человека и человеческого общества, он будет ловить каждое ваше слово.

Важную роль играет и сама формулировка темы — название лекции. Живое название привлечет внимание большего круга людей, чем сухое, отвлеченное. Порой целесообразно дать лекции название, кратко раскрывающее сущность темы. Например: «Почему нельзя верить в бога», «Как вода превращается в топливо», «Что снижает кровяное давление» и т. п.

Вместе с определением темы полезно сформулировать и задачу лекции, ее целевую установку. Например:

показать величие будничного труда[1];

показать, что сущность нашей партийной работы состоит в организации людей на высокопроизводительный труд во имя строительства коммунизма;

убедить в необходимости систематически заниматься изысканием ресурсов для увеличения производства, повышения производительности труда, облегчения условий работы;

доказать, что существо социалистической демократии состоит в том, что власть полностью находится в руках народа и используется в интересах народа;

показать, что дружба и взаимопомощь советских народов вытекают из самой природы социалистического общества и т. п.

Правда, не всегда удается четко сформулировать задачу лекции одновременно с темой. В особенности это нелегко, когда тема подсказывается лектору какой-либо организацией или намечается им самим до того, как он успел ознакомиться с нужным для выступления материалом. Однако лектор должен знать, что, если он будет готовиться к лекции без ясной цели, он многого не достигнет.

---

[1] «Хорошо делать — значит хорошо жить» (М. Горький). «Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда» (слова Ирины в «Трех сестрах» А. П. Чехова).

б) Разработка темы

К разработке темы можно приступить таким образом: начинаем с того, что уже знаем. Допустим, тема лекции — «Влияние автоматизации (технического прогресса) на положение трудящихся в СССР и в США». Задача лекции: на конкретном примере показать преимущества социалистического общественного и государственного строя перед строем капиталистическим, превосходство советской культуры и советской идеологии над культурой и идеологией буржуазного Запада. Начинаем отмечать все мысли, имеющие отношение к нашей теме, сперва в случайном порядке, по мере их появления на ум, а затем в логической последовательности в виде стройного плана или рабочей записи. Например:

Внедрение передовой техники, прежде всего комплексная механизация и автоматизация производства отвечает интересам советского народа: повышает производительность труда, содействует увеличению выпуска продукции, облегчает труд людей, высвобождает время для учебы и культурного отдыха. Короче говоря, новая техника способствует дальнейшему подъему материального благосостояния и культурного уровня людей.

Поэтому трудящиеся нашей страны кровно заинтересованы в разработке и внедрении новой техники и сами активно в них участвуют. (См. материалы июньского Пленума ЦК КПСС 1959 года, а также обязательства, взятые на себя отдельными рабочими, коллективами предприятий, областями, республиками до, во время и после Пленума. Поучительна опубликованная в «Правде» от 24 июня 1959 г. статья «Мы работаем в цехе-автомате», написанная наладчиками автоматического цеха массовых подшипников Первого государственного подшипникового завода А. Манюшиным, П. Федяниным, И. Калгановым.)

А в капиталистических странах? Там каждая новая машина, а в особенности автоматизация производства, ведет к усилению эксплуатации трудящихся, к росту безработицы, приносит баснословные барыши капиталистам за счет ухудшения жизни рабочего класса.

Об этом уже немало было сказано в нашей печати [1]. И в докладе Мориса Тореза на XV съезде Французской компартии было подчеркнуто, что в условиях капиталистического общества развитие техники не приводит к облегчению труда рабочих и к улучшению их материального положения, напротив, капиталисты используют новую технику и автоматизацию для сокращения числа рабочих, для усиления их эксплуатации, для создания армии безработных в качестве резерва для промышленности [2].

Даже американские профсоюзные лидеры вынуждены говорить об ухудшении положения рабочих в «свободном» мире. Так, например, выступая 11 марта 1958 г. на чрезвычайной конференции американских профсоюзов, председатель АФТ — КПП (Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов) Д. Мини заявил [3]:

«...страна переживает трудности — серьезные экономические трудности...

...безработица стала инфекционной болезнью... безработица сама порождает безработицу.

...текущие данные о безработице еще не спубликованы... Я предсказываю, однако, что они будут настолько близки к 5 250 тыс. безработных, что не будет никакой необходимости в исправлении этих сведений...

Но это не все,— говорит Мини.— В феврале больше трех миллионов человек работали лишь часть времени — три — четыре дня в неделю...

Более 25 проц. наших производственных мощностей бездействует. В некоторых отраслях промышленности, например, в сталеплавильной, производственная мощность используется лишь на 50 проц. ...Экспорт сократился на 25 проц. по сравнению с мартом 1957 г.»

Как же Соединенные Штаты Америки оказались в таком затруднительном положении?

«Ключом является экономическая политика, которая поощряла и субсидировала бум промышленных капиталовложений, уменьшая в то же время покупательную способность потребителей. В результате мы

---

[1] См., например, в «Правде» 24 июня 1959 г. статью «Капиталистам — барыши, труженикам — муки безработицы».

[2] «Правда», 25 июня 1959 г.

[3] Цитируем по «Правде», 18 марта 1958 г.

создали колоссальную способность производить, но не обращали внимания на способность страны потреблять».

Вот какие язвы разъедают «свободный» мир! Конечно, Мини говорит о них в мягкой, обтекаемой форме, дабы никто не подумал, что он выступает слишком решительно. Он вносит ряд предложений для улучшения положения в стране. Он надеется, что предприниматели сами повысят заработную плату и изменят политику цен. Он уверяет, что «более высокая заработная плата означает более высокую покупательную способность... чем больше заработная плата, тем больше производство, а чем больше производство, тем больше занятость. Чем больше занятость, тем больше процветание и не только для нас, но и для фермера, и для предпринимателя, и для представителя любой профессии, и для каждого сектора нашего общества».

Однако вскоре, в апреле 1959 г., на конференции по безработице Мини пришлось признать, что промышленное производство достигло 95 процентов докризисного уровня, а занятость в промышленности — лишь 40 процентов. Только двое из каждых пяти уволенных рабочих вновь числятся в платежных ведомостях[1].

Следовательно, упования Мини на увеличение занятости при росте производства и на процветание для всего американского общества не оправдались.

О разрыве между производством и занятостью, между производством и потреблением в США немало горьких слов сказал на конференции по безработице и председатель объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности Уолтер Рейтер:

«...Ни одно из человеческих переживаний в свободном обществе невозможно хотя бы отдаленно сравнить с тем, что испытывает безработный как человеческое существо, когда после многих дней напрасных поисков работы, после того, как исчерпаны его пособия по безработице, он должен идти домой, зная, что он увидит своих голодных ребятишек, и думая о том, что же он им скажет...

[1] См. «Правда», 15 апреля 1959 г.

...Мы возвращаемся к тому уровню в создании экономического богатства, на котором мы находились. Но у нас все еще 5 миллионов безработных...

...Ускоренное поступательное движение техники продолжается. Сейчас мы оказываемся в конфликте с техникой...

Мы знаем, как производить вещи, но мы не научились, как распределять то, что мы умеем производить. И вот почему мы испытываем трудности...

...Автоматика и новая техника могут решить проблемы будущего только одним способом — если мы приспособим их к нуждам многих, а не к корыстным желаниям кучки людей...

Сейчас мы испытываем трудности потому, что людей, живущих заработком, фермеров и потребителей обсчитывают, потому, что несколько гигантских промышленных монополий забирает более чем пропорциональную долю плодов нашей развивающейся техники» [1].

Вот что творится в «свободном» мире! Речи американских деятелей, опубликованные в «Правде» от 18 марта 1958 г. и от 15 апреля 1959 г. следует обстоятельно изучить. Мы там найдем много данных о результатах автоматизации производства в Соединенных Штатах Америки, о противоречиях между трудом и капиталом, о том, что «железнодорожники находятся в отчаянном положении», что «предпринимателям выгодно наличие большого числа безработных». Мы увидим, что в самой богатой капиталистической стране многие граждане голодают, когда склады переполнены продуктами питания, что, по переписи 1956 г., 13 миллионов семей жили в домах, не отвечающих принятым стандартам, что многие дети членов профсоюзов учатся «в зданиях, которые не намного лучше какого-нибудь курятника». Мы увидим, что в стране с высокоразвитой техникой, с огромными резервами квалифицированных рабочих, с неограниченными экономическими ресурсами большой процент мощности не используется, экономика хромает, люди с большим стажем работы бродят по улицам.

---

[1] См. «Правда», 15 апреля 1959 г.

Будем читать эти речи сугубо внимательно, критически, сопоставляя американскую действительность с нашей, социалистической, и станет ясно, что корень американских трудностей не в новой технике, а в устарелом социальном строе, тормозящем развитие страны. И прав был А. И. Микоян, когда, будучи в Соединенных Штатах в 1959 г., на вопрос, что может дать коммунизм американскому рабочему, он ответил: «Если бы я ответил на этот вопрос прямо, меня могли бы обвинить в «коммунистической пропаганде» и вмешательстве во внутренние дела Соединенных Штатов. Но я могу ответить на него косвенно. В Советском Союзе при таком же уровне развития производства, как в США, рабочий жил бы вдвое лучше, чем американский рабочий» [1].

Вот наши первые наметки лекции. Этого еще недостаточно для составления подробного плана, но некоторые контуры уже выделяются. Намечается и точка зрения на предмет.

Далее, ставим себе задачи: изучить хотя бы в общих чертах историю США, узнать, почему и как они стали главной страной капитализма; обратить особое внимание на историю рабочего движения и профсоюзных организаций; еще раз посмотреть книгу «Ревизионизм — главная опасность» и сборники «Против современного ревизионизма».

Для лучшей ориентации мы вооружаемся двумя выписками из сочинения В. И. Ленина. Во-первых — из «Нашей программы», которую Ленин писал еще в конце прошлого века и в которой последователям Бернштейна, ревизионистам, дается такая характеристика: «...они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов» [2].

Во-вторых, из «Тезисов об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала»

[1] «Правда», 12 января 1959 г.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 191.

(1920 г.): «Одна из главных причин, затрудняющих революционное рабочее движение в развитых капиталистических странах, состоит в том, что, благодаря колониальным владениям и сверхприбылям финансового капитала и т. п., капиталу удалось здесь выделить сравнительно более широкий и устойчивый слой небольшого меньшинства рабочей аристократии. Она пользуется лучшими условиями заработка и больше всего пропитана духом цеховой узости, мещанскими и империалистскими предрассудками. Это — настоящая социальная «опора» II Интернационала, реформистов и «центровиков», а в данный момент это — едва ли не главная социальная опора буржуазии» [1].

Эти выписки помогут нам лучше понять многие явления американской (и европейской) действительности, в частности и политику Мини и его друзей.

Естественно, что в процессе работы над лекцией мы будем подбирать в периодической печати факты и высказывания, имеющие прямое или косвенное отношение к теме.

Вот, например, видный буржуазный историк профессор Колумбийского университета Фредерик Шуман призвал американцев понять, что «антикоммунизм не является и никогда не может быть действенной внешней политикой. Это обильный источник дохода для многих академиков, священнослужителей, политических деятелей и публицистов, большинство которых обеспечивает себе доходы, понося противников антикоммунизма... Антикоммунизм является еще более обильным источником дохода для американских бизнесменов, имеющих большие контракты для производства на оборону. Антикоммунизм при определенных условиях является формулой для уничтожения демократии силами фашизма, как это было в Италии, Японии, Германии и Испании в 20-х и 30-х годах. Антикоммунизм за границей много раз служил предлогом для самой кровавой и самой разрушительной войны, которая когда-либо велась, и для самого зверского массового убийства людей в истории». Антикоммунизмом в США, продолжает Шуман, прикрывается чудовищная система расовой дискриминации, сегрегации, пресле-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 169.

дования «и других бесчисленных пороков, которыми страдает современное американское общество». «Но нам нужно понять, что антикоммунизм не может быть внешней политикой, если мы не хотим, чтобы наша внешняя политика привела нас через разочарование к агрессии и непоправимой трагедии...

Нам нужно понять, что Америка не является всемогущей» [1].

Или вот суждения противника коммунизма, но реалистически мыслящего политика, известного американского обозревателя Уолтера Липпмана: «Что нам необходимо, так это решительная, беспощадная переоценка наших привычек и представлений». «Политика военных пактов с целью сдерживания и отбрасывания коммунистической революции не может принести никакого успеха. Наоборот, она восстанавливает против себя народные массы и таким образом помогает распространению коммунизма» [2].

Или такой пример. Корреспондент газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» Вуди Клейн приводит следующие данные:

«В 1952 году в Нью-Йорке жило 7 891 957 человек. В 1958 году число жителей уменьшилось примерно на 22 тысячи. Но если в 1950 году в трущобах проживало 899 200 человек, то в 1958 году там было уже 1 132 тыс. человек» [3].

Да, ужасное положение. И мало надежды на то, что оно скоро улучшится, ибо «президент Эйзенхауэр наложил вето на принятый конгрессом законопроект об ассигновании 1375 млн. долларов на жилищное строительство в Соединенных Штатах. В своем послании конгрессу президент назвал этот законопроект расточительным и инфляционистским и просил конгресс представить взамен что-нибудь менее дорогостоящее» [4].

Можно себе представить, какое впечатление должна была произвести речь Ф. Р. Козлова в Вашингтоне 2 июля 1959 г., в которой было сказано, что в СССР «осуществляется широкая программа жилищного строительства, имеющая цель в самые ближайшие

---

[1] «Правда», 21 ноября 1958 г.
[2] «Правда», 7 июля 1959 г.
[3] «Правда», 27 июня 1959 г.
[4] «Правда», 9 июля 1959 г.

годы обеспечить каждого советского человека достаточной по размерам и вполне благоустроенной жилой площадью. За семь лет намечается построить за счет государства 15 миллионов квартир. Кроме того, при помощи государства в сельской местности будет построено около 7 миллионов домов. Следовательно, 22 миллиона советских семей в предстоящие семь лет справят новоселье» [1].

Или пример из другой области — рост преступности в США. «В 1958 году преступность достигла небывало высокого уровня, показав страшный прирост по сравнению с 1957 годом. Общая сумма, в которую обходится преступность всей стране, достигает сейчас цифры в 22 миллиарда долларов в год, т. е. составляет почти одну треть всего государственного бюджета федерального правительства за год!» [2]

Как же так! Самая богатая капиталистическая страна, высокий уровень жизни — и такая ужасная статистика! Сказываются, конечно, экономические трудности, безработица, нищета, голод, о которых говорилось выше. Большое значение здесь имеет и бесперспективность в положении многих американцев.

На рост преступности в США немалое действие оказывают и кинофильмы, восхваляющие насилие как выражение мужественности, и газетные сообщения, смакующие кровопролития, и приключенческая литература, прославляющая силу и высмеивающая высокие духовные ценности [3].

Наконец, надо принять во внимание и отсутствие больших интересов, больших идеалов у массы американцев, выросших в стране, где в силу многих исторических причин восхвалялось умение делать деньги, удовлетворение узкоэгоистических потребностей, достижение маленьких идеалов: хорошо поесть, иметь удобную квартиру, приобрести автомобиль, радиоприемник и т. п.

Слов нет, еда, жилье, вещи — все это очень важно, и человек должен быть ими обеспечен, но, как известно, большого счастья они не приносят, душу челове-

---

[1] «Правда», 3 июля 1959 г.

[2] «Правда», 19 июня 1959 г.

[3] См. в «Комсомольской правде» 14 июня 1959 г. отрывки из книги Г. Солсбери «Потрясенное поколение».

ческую они очень мало согревают. Человек — существо общественное, если он живет без общественных интересов, без возвышенной цели, он не чувствует подлинного смысла жизни. Он существует, но не живет. Такого человека нередко одолевает тоска, водка, духовная сивуха в разных видах, его влечет чрезмерная чувственность, а нередко он готов идти и на всякие преступления.

И наоборот. Если человек воодушевлен большим идеалом, живет интересами общества — коллектива, класса, народа, страны, человечества — и борется за эти интересы, он чувствует себя счастливым, сильным, окрыленным. Вчитайтесь в документы XXI съезда и июньского пленума, посмотрите еще раз сказанное на пленуме не только руководителями, но и рабочими (Дресвянкиным, Мамаем, Виташкевичем, Гагановой и другими), и вы поймете величие и силу духа человека, живущего большими идеалами.

Вот почему советские люди ставят перед собой и решают гигантские задачи, в том числе и задачу догнать и перегнать самую богатую капиталистическую страну, в то время как руководители американских профсоюзов вынуждены заниматься конференциями о безработице, на которых они выявляют всю свою беспомощность, двойственность и оппортунизм, надеясь лишь на бога и на «милосердие» американских волков...

Вот так примерно мы отбираем факты, высказывания, имеющие отношение к теме, сталкиваем их, даем им оценку, делаем обобщения и выводы. После этого нетрудно будет составить приблизительный план лекции.

в) Составление плана

Порой разработку темы именно и начинают с составления плана.

К примеру. Мы решили выступить с лекцией «О вреде пьянства». Начинаем отмечать все то, что приходит на ум по данной теме:

1. Пьянство ведет к браку, к авариям, к несчастным случаям на производстве. Большинство катастроф на транспорте, в частности на автомобильном, совершается людьми в нетрезвом состоянии.

2. Рядом с преступлением, как правило, стоит

водка. «Вино вину творит». «Много вина пить — беде быть». «Пьем да посуду бьем; а кому не мило, того в рыло».

3. Сколько семей разбивается на почве пьянства! Сколько драк и ссор в квартирах, в клубах, на улице! Петр (сосед) в канаве. Отморозил ступни. Пролежал три месяца в больнице. На днях избил свою жену, мать, пытался повеситься. Крики. Милиция. «Скорая помощь». А какой он хороший человек, когда не пьет!

4. Действие спиртных напитков на организм, в особенности на детский. А ведь есть родители, которые приучают детей к водке с дошкольного возраста!

Какое влияние пьянство и его последствия оказывают на молодое поколение.

5. Не включить ли вопрос о престольных (церковных) праздниках и пьянках? Во что они обходятся народу?

Сколько стоит обществу пьяница, хулиган, дебошир? Пожалуй, не меньше, чем вор, бандит.

Пьяница — человек, забывший честь и стыд. Он позорит себя, позорит общество.

«Мужики» Чехова, рассказы Вересаева, Бунина, Горького о пьяницах. «Первые радости» Федина. Побывать в суде. Просмотреть также «Записки психиатра» Л. А. Богданович. Там, кажется, говорится о действии водки на психику и поведение человека. Вероятно, в журнале «Здоровье» есть подходящий материал. «Крестный ход в Курской губернии» Репина, «Сельский крестный ход на пасхе» Перова и т. п.

6. Причины пьянства в прошлом и настоящем. Освежить в памяти суждения Энгельса («Полож. раб. класса в Англии»). Социальные корни. Сила привычек. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых». Новые города. Пятиэтажные здания, колонны, асфальт, парки, театры, богатые магазины, люди хорошо одеты, но кто-то невнятно бормочет, кто-то в помятой одежде припадает к стенам и заборам.

Многие пьют не потому, что им хочется, а под воздействием «общественного мнения» («Какой ты мужчина, если не пьешь!»).

В ряде столовых, закусочных всегда торгуют пивом, вином, а молоком, чаем — редко.

Почему многие современные писатели так смакуют сцены из быта пьяниц («Братья Ершовы» и т. п.)?

7. Борьба с пьянством — всенародное дело.

Наложение штрафа за появление в пьяном виде на улицах и в других общественных местах (из-за пьяного автобус задавил двух женщин, повалил дерево, помял борт).

Может, в вытрезвители отправлять всех пьяных, замеченных на улице, не дожидаясь, пока человек свалится или успеет совершить преступление?

Судить ли за пьянство? Да, конечно, но судом многого не достигнешь. Осуждающее или предостерегающее слово товарищей, соседей, знакомых, в особенности девушек, во многих случаях скорее даст положительные результаты, чем меры наказания.

Повышение жизненного уровня народа и улучшение жилищно-бытовых условий. План развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Сокращение рабочего дня.

Культурно-воспитательная работа. Больше интересных фильмов, хороших, занимательных книг и театральных постановок. Лучше поставить экскурсионное и лекционное дело, художественную самодеятельность, спорт, туризм. Обогащать людей духовно, развивать эстетические требования. «Хулиган» Маяковского.

Главное — поднимать политическое сознание наших граждан, воспитывая в них: более глубокие чувства гражданственности, коллективизма; больше уважения к человеческой личности, желание избегать пороков не только в делах своих, но и в сердце своем; желание бичевать носителей ложных идей, а также бороться против безыдейности, беспринципности, скептицизма и аполитичности; стремление жить и трудиться честно, благородно, по-коммунистически.

Калинин: «Когда знаешь, что жил честно, то жизнь кажется лучше и легче».

Н. Островский: «Самое дорогое у человека — это жизнь...» («Как закалялась сталь»).

Вот небольшой набросок мыслей по теме «О вреде пьянства». Он еще сыроват, как видите, но может служить путеводителем при собирании материала, а также при расположении данных по отдельным рубрикам.

* *
*

Если же встречаются затруднения в составлении предварительного плана или рабочей записи, надо обратиться за помощью к справочникам: к энциклопедиям (Большой, Малой, Технической, Сельскохозяйственной, Медицинской...) или к словарям (Энциклопедическому, Политическому, Философскому...) и т. п. В ряде случаев такую помощь окажет и газетная или журнальная статья на заданную тему, а подчас и соответствующий учебник.

При составлении плана лекции на политическую, социально-экономическую, историческую, философскую и иную тему лектор попытается получить необходимую консультацию в трудах основоположников марксизма-ленинизма, а также в соответствующих постановлениях партии и комсомола.

Допустим, надо подготовить лекцию «О моральном облике советского человека». Естественно, что мы обращаемся в первую очередь к работе В. И. Ленина «Великий почин» (т. 29) и к его речи «Задачи союзов молодежи» на III Всероссийском съезде РКСМ (т. 31). Эти два источника подскажут нам много ценных суждений по теме и вооружат нас самым главным — компасом, *точкой зрения* на предмет лекции.

Затем мы отмечаем интересующие нас данные в материалах XXI съезда КПСС, XIII съезда ВЛКСМ, в постановлениях о школе, в директивах о пропаганде. Заглядываем также в доклад В. Ульбрихта на V съезде СЕПГ в июле 1958 г. и выписываем оттуда основные законы морали нового, социалистического человека [1].

Наконец, мы обращаемся за дополнительным материалом к А. П. Чехову, уделявшему в своих сочинениях и письмах много внимания вопросам поведения человека и мечтавшему о том времени, когда люди будут по-настоящему воспитаны [2].

---

[1] «Правда», 11 июля 1958 г.

[2] Вспомните, например, слова Тузенбаха в «Трех сестрах»: «...надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку» (действие I). Или слова Астрова в «Дяде Ване»: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (действие II).

Берем, в частности, известное письмо А. П. Чехова к брату Н. П. Чехову (март 1886 г.), в котором писатель учит брата уму-разуму, излагая перед ним правила поведения «воспитанных людей»:

«...Воспитанные люди... должны удовлетворять следующим условиям:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам...

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках...

5) Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...» И т. д.

После всех этих наставлений А. П. Чехова и всего ранее изложенного мы уже более четко представляем себе костяк лекции «О моральном облике советского человека», что значительно облегчит дальнейшую задачу — собирание и расположение материала.

Многим лекторам с самого начала работы следует воспользоваться «Справочным томом к 4-му изданию Сочинений В. И. Ленина», ч. 1. Этот «Справочный том» может оказать неоценимую услугу не только благодаря полному учету в нем всех вопросов, по поводу которых имеются суждения в трудах Ленина, с указанием соответствующих томов и страниц. Этот справочник ценен еще и потому, что нередко он содержит разбивку материала по темам и по ряду подтем, что облегчает задачу составления предварительного плана.

Допустим, нас интересует вопрос о религии. Достаем «Справочный том», выписываем из «Предметного указателя» соответствующую тему (рубрику) с ее подтемами, и в наших руках оказывается прекрасный набросок плана, а именно:

«Религия

— сущность и социальные корни...

— борьба материалистической философии и науки против религии...

— и борьба с религиозными предрассудками...

— и идеализм...

— отношение пролетарской партии и пролетарского государства к религии...

— реакционная роль религии в обществе...»

Этим справочником удобно пользоваться на всех этапах работы, чтобы легко и быстро находить в сочинениях великого вождя и ученого те статьи и страницы, которые раскроют перед нами огромное количество интереснейших фактов и выводов по ряду вопросов и направят нас на правильный путь.

Таким образом, благодаря справочникам мы получим некоторое представление о важнейших вопросах (разделах) темы и сможем наметить предварительный план лекции.

Правда, не исключено, что в процессе дальнейшего изучения материалов предварительный набросок претерпит изменения, но это не существенно. Важно то, что с самого начала мы будем передвигаться по определенным ориентирам.

План рекомендуется составлять не краткий, а развернутый, с подразделением на пункты и подпункты, соблюдая, конечно, логическую и методическую стройность и последовательность в расположении материала.

После того как предварительный план составлен, каждый подпункт или даже каждое основное положение пишется на отдельном листе бумаги. Затем сюда заносится все то, что имеет отношение к данному подпункту или положению. Писать следует только на одной стороне листа, чтобы удобно было, если потребуется, переставить этот лист целиком или отрезать от него какую-либо часть.

Кроме того, надо иметь особый лист для всякого рода замечаний: о литературе, которую необходимо еще просмотреть, изучить; о положениях, которые требуют доказательства, развития; о фактах, цифрах, именах, которые нуждаются в проверке, и т. п.

Все эти листы следует держать в надлежащем порядке, чтобы легко было ими пользоваться при чтении материала для внесения в них добавлений и исправлений.

г) Изучение материала

Следующий этап — ознакомление с источниками. Оно заключается на первых порах в беглом просмотре книги, статьи, а иногда и ряда книг, для того чтобы иметь некоторое представление о содержании материала, его построении. Просматривая книгу, мы определяем, полезна ли она для нас или нет; не слишком ли она трудна; может, стоит раньше прочитать более доступную книгу или статью, а затем взяться за эту [1]. Беглый просмотр источника необходим и для того, чтобы наметить себе план, место и время чтения. Один материал можно читать в трамвае, в поезде, на бульваре, после работы; другой следует не читать, а изучать на свежую голову, за письменным столом, с пером в руке. Наконец, беглый просмотр источника подскажет, какой вид записей придется применить при работе над ним: подробный конспект, краткое изложение, выдержки и т. п.

При просмотре книги, а тем более при внимательном чтении ее желательно иметь листок, на котором отмечаются автор книги, ее заглавие, год издания и т. д. Такой листок нужен как при чтении книги, принадлежащей читателю, так и в особенности при пользовании библиотечной книгой, в которой никаких подчеркиваний не сделаешь.

На этом листке также отмечают, какие страницы (пункты, параграфы, абзацы) необходимо прочитать с особой тщательностью, какие данные следует сопоставить с данными в других источниках, что и как выписывать (полностью или сокращенно) и т. п. При этом обычно пользуются телеграфным стилем, сокращенными словами, рядом условных знаков, позволяющих легко находить в книге нужное место.

Подобные отметки особенно полезны в тех случаях, когда приходится брать материалы из нескольких источников. Эти материалы могут повторять или

---

[1] Любопытно замечание В. И. Ленина при просмотре 9-го тома Фейербаха («Теогонии»): «Кажись, интересного здесь нет, судя по перелистыванию. Впрочем, стр. 320 § 34, 36 (стр. 334) и следующий надо прочесть. NB § 36...» («Философские тетради», 1947, стр. 58). Кстати, отметка NB (nota bene — нóта бéне — заметь хорошо) встречается очень часто в конспектах Ленина.

дополнять друг друга, или же противоречить друг другу; вот здесь-то и нужен «учет наличия», дабы знать, где что лежит, иметь возможность сравнивать, сопоставлять тексты со стороны полноты и глубины содержания, свежести материала, методологического освещения, популярности и яркости изложения и т. п.

Составление листка помогает быстрее втянуться в работу. Чтобы сосредоточиться, необходимо начать записывать.

* *
*

Многие, читая книгу, не интересуются сносками, не заглядывают в примечания, не обращают внимания на список опечаток. Разумеется, лектору так поступать нельзя. Перед чтением книги — своей или библиотечной — надо аккуратно исправить важнейшие опечатки. Сноски и примечания следует читать не менее внимательно, чем весь текст. В них могут оказаться интересные дополнения или разъяснения. Так, например, в комментариях к первой книге Монтеня «Опыты» в изд. Академии наук сообщается, что Новой Индией Монтень называет Новый свет, т. е. Америку; что слово «трофей» когда-то означало памятник в честь победы, что во времена Монтеня (XVI в.) слово «педант» в большинстве европейских языков значило учитель.

В сносках и примечаниях порой бывают и очень существенные исправления, уточнения. Так, например, в тех же «Опытах» говорится о тридцати тиранах, осудивших Сократа на смерть. В комментариях обмолвка Монтеня исправлена: Сократ был приговорен к смерти не тридцатью тиранами, а афинским судом присяжных (в 400 г. до н. э.).

Или еще более поучительный пример. В «Манифесте Коммунистической партии» к известному положению о том, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», имеется примечание, сделанное Ф. Энгельсом: «То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках...»

Из всего этого видно, какой важный материал содержится иной раз в сносках и комментариях, и лектор не может ими не интересоваться.

Культурный читатель, а в особенности лектор, пропагандист, научный работник, должен сугубо внимательно изучить и имеющиеся в книге предисловие, введение или послесловие. В них могут оказаться чрезвычайно существенные замечания, нередко еще более важные, чем в сносках и комментариях. См., например, предисловия Ф. Энгельса к немецким изданиям «Манифеста Коммунистической партии», введение Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Наемный труд и капитал» и многие другие.

В книге обычно попадаются незнакомые слова. Во многих случаях мы схватываем смысл целого, не понимая значения одного какого-нибудь слова или группы слов в тексте. Однако лектору при изучении книги необходимо добиваться точного понимания текста и каждого слова в отдельности, ибо непонимание каких-то слов или неверное их толкование могут очень сильно исказить смысл текста. Хорошо придерживаться правила: лучше лишний раз посмотреть слово в словаре, чем поверить своим предположениям о его значении.

Сказанное относится и к собственным именам. Мы читаем, например, в «Манифесте»: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». Даже не зная истории, можно по тексту догадаться, что Меттерних и Гизо — какие-то власть имущие, консервативные деятели. Рядового читателя такие догадки подчас удовлетворяют. Лектору же при чтении этого текста необходимо точно узнать, кто такие эти исторические личности. Он должен также проверить, правильно ли он произносит их имена.

* *
*

Читать надо творчески, напряженно, держа в уме задачи лекции и ее конкретный план. То, что имеет непосредственное отношение к лекции, необходимо читать сугубо сосредоточенно, критически, обдумывая каждый факт, каждое положение, выставленное автором, и ход его мыслей.

О мыслях автора следует судить по существу, не обращая внимания на неудачную форму, которую автор подчас применяет, или на устарелую терминологию, которой он пользуется.

«Этика» Спинозы полна «богом». В этом главном произведении знаменитого философа, считавшего, что природа не создана никакими богами, что она причина самой себя,— многие фразы звучат, как церковные изречения. К примеру:

«Теорема 15. Все, что только существует, существует в боге, и без бога ничего не может ни существовать, ни быть представляемо».

И все же это слова материалиста и атеиста, который за свое учение подвергался гонениям со стороны еврейских и христианских клерикалов и сочинения которого были запрещены после его смерти. Все дело в том, что богом Спиноза называет природу.

Стало быть, термины надо толковать не по шаблону, не вообще, а конкретно, вскрывая их актуальное содержание. Надо помнить, как уже сказано, что тождество слов еще не означает тождества мыслей.

При изучении источников необходимо также иметь в виду, что многие ученые и писатели, чтобы оградить себя и свой труд от преследований церкви и сатрапов, прибегали к оговоркам, недомолвкам, иносказаниям, порой даже к изложению своих мыслей в противоречивой форме, как, например, Мишель Монтень в своих «Опытах». Поэтому не будем судить об авторе по первым впечатлениям, по отдельным выдержкам или случайным отзывам, а будем изучать его терпеливо, вдумчиво, вникая в суть его взглядов, отделяя характерное от случайного и несущественного, выделяя важное и передовое, учитывая при этом исторически-конкретную действительность, в которой жил и творил изучаемый автор.

Лектору нередко приходится читать и труды противников: во-первых, потому, что противников надо знать, чтобы успешнее с ними бороться; во-вторых, потому, что в их писаниях могут оказаться и некоторые полезные сведения вообще, как, например, в книге «История новейшего времени» Г. Эгельгафа, о котором В. И. Ленин отзывается такими словами: «Автор —

мерзавец, бисмаркианец. Но книга все же очень полезна, как сводка фактов и справочник. Простая сводка дает картину *империализма* и *демократических движений*, как главных отличительных черт *эпохи*... О социализме архимало вследствие тупой реакционности автора»[1].

Естественно, что книгу подобного толка необходимо читать с особым вниманием, чтобы уметь отсечь реакционную тенденцию ее автора.

Прочитанный материал надо стараться не только понять и запомнить, но и усвоить, т. е. увязать его с уже имеющимися представлениями, знаниями, опытом.

Перед нами, к примеру, статья А. В. Луначарского «О наследстве классиков». Читаем в ней: «Из ...рассуждений Маркса[2] чрезвычайно ясно следует, что между подъемом экономики — или, скажем так, власти человека над природой — и развитием искусства, в смысле его совершенства, нет совпадения. Это вовсе не значит, чтобы линия развития искусства не зависела от экономики. Зависимость и здесь остается во всей той полноте, в какой зависят от экономики другие надстройки. Но не надо считать эту зависимость такой простой, нельзя думать, будто бы все линии надстроек поднимаются параллельно с поднятием экономической линии»[3].

Этот текст вызывает в памяти читателя (лектора) много мыслей, представлений, связанных с развитием литературы и искусства в ту или иную эпоху. Приходят на ум суждения ряда мыслителей о базисе и надстройках, попытка одних совершенно замалчивать связь между экономикой и идеологией, тенденция других всемерно упрощать вопрос об этой связи. Читатель старается освежить в памяти как можно больше высказываний основоположников марксизма-ленинизма и их последователей по всем данным проблемам. Наконец, читатель пытается выразить прочитанное своими

---

[1] *В. И. Ленин*, Тетради по империализму, 1939, стр. 615. См. также отзыв Ленина о книжке белогвардейца А. Аверченко (Соч., т. 33, стр. 101).

[2] Здесь речь идет о высказываниях Маркса об искусстве во «Введении» к работе «К критике политической экономии».

[3] *А. В. Луначарский*. Статьи о литературе, 1957, стр. 93—94.

словами, сравнивает, сопоставляет их с формулировками автора, проверяя, таким образом, правильность своего понимания, после чего и приступает к записи [1].

д) Записи

Самый лучший, самый практичный вид записи — конспект, краткий пересказ прочитанного. Просеивая слова, фразы, а иногда и абзацы, читатель уплотняет содержание текста, стягивает ряд фраз в одну, следя за тем, чтобы ясно, сжато и точно передать суть, не искажая мыслей автора. Образцом такого уплотнения может служить приведенная выше запись Ленина из Гегеля о руке, отделенной от тела (см. стр. 128—129).

Или такой образец: у Л. Фейербаха в 4-м томе сочинений, 1910, стр. 34 (на немецком языке), сказано: «Философия Спинозы является *телескопом,* предносящим глазу человека невидимые для него в силу их отдаленности предметы; философия Лейбница — *микроскоп,* который делает видимыми незаметные в силу их малой величины и тонкости предметы». Эту мысль Ленин записывает таким образом: Ф(илософ)ия Сп(ино)зы — *телескоп,* Л(ейбница) — *микроскоп* [2].

Разумеется, при составлении конспекта лектору следует иметь в виду все те требования, о которых говорилось в предыдущих разделах. В одних случаях надо максимально сжимать, упрощать книжный текст, в других, наоборот, дополнять своими словами, потому что язык источника слишком скуп или излишне абстрактен и его надо сделать менее компактным, более доступным и конкретным, исходя из культурного уровня и речевых навыков своего будущего слушателя.

Читателю было бы весьма полезно ознакомиться с рядом статей в Философском словаре и в энциклопедиях, конспективно излагающих содержание таких книг, как «Манифест Коммунистической партии», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-

---

[1] Рекомендуем изучить: *Поль Лафарг,* Воспоминания о Марксе; *Н. К. Крупская,* Будем учиться работать у Ленина; *М. Гляссер,* О методах работы классиков марксизма-ленинизма над книгой.

[2] См. Ленинский сборник XII, 1931, стр. 126, 127, 147. Буквы, заключенные в скобки, вставлены редакцией Ленинского сборника.

демократов?», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др. Более подготовленному читателю рекомендуем изучить конспекты В. И. Ленина в «Философских тетрадях» (т. 38) и в «Тетрадях по империализму», конспект первого тома «Капитала» Маркса, составленный Ф. Энгельсом, и работу К. Маркса над книгой Моргана «Древнее общество» (в IX томе «Архива Маркса и Энгельса»). См. также изложение трудов основоположников марксизма в книге Ф. Меринга «Карл Маркс».

Наряду с конспектированием материала при чтении книги или статьи нередко приходится прибегать и к дословному выписыванию ряда мест, к цитированию. См., например, цитаты в конспектах В. И. Ленина, в частности в «Философских тетрадях».

Дословно текст выписывается вследствие того, что не удается выразить мысль автора другими словами, а еще чаще потому, что нет надобности выражать ее иначе. Возьмем, к примеру, такие фразы М. Горького: 1. «Законы науки строятся на повторяемости явлений»; 2. «Труд, огонь и речь — вот силы, которые помогли людям создать культуру — вторую природу»[1]. Эти фразы ясны, точны, экономны, и переделывать их нет смысла. Правда, вторую фразу можно немножко уплотнить, опустив слова «вот силы, которые». Но эта операция придаст фразе несколько иной смысловой оттенок.

Авторский текст зачастую имеет еще и другие качества: выделяется своей яркостью, образностью, поэтому и берешь его подчас целиком, обогащая себя не только мудростью автора, но и его изобразительными средствами.

Наконец, прибегают к дословным выдержкам, желая сохранить ряд суждений автора в их полноте, в их подлинных формулировках вне зависимости от их языковых качеств. К примеру. Мы собираем материал на тему «Империализм США». Читаем «Японский дневник» американского журналиста Марка Гейна, в котором попадаются такие строки:

«Полтора века Америка была символом свободы и прогрессивной мысли... Однако мы растратили это

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 29, стр. 355; т. 27, стр. 442.

сокровище меньше чем за три года. Новый облик Америки — это облик сильной, богатой и хищной страны, находящейся в союзе с реакцией и готовой подавить любое массовое движение, если оно левее центра, независимо от того, является ли оно коммунистическим, социалистическим или просто движением протеста против несправедливости, коррупции и угнетения» (1951 г., стр. 557).

Конечно, содержание этого текста можно было бы записать довольно сжато: США — мировой жандарм. Однако предпочтительнее сделать полные выписки, чтобы иметь перед собой материал во всем его словесном наряде: «облик сильной, богатой, хищной... в союзе с реакцией... подавить любое массовое движение» и т. д. Предпочтительнее потому, что язык, как мы знаем, очень тесно связан с мыслью, а изменение формулировок может повлиять в известной степени на смысл, иногда прямо его искажая.

Поэтому при работе над книгой нам то и дело хочется выписывать и выписывать, тем более что для механического выписывания не требуется большого ума. Разумеется, так делать не следует. Надо работать творчески и экономить время. Выписывать надо вообще только наиболее интересные места, точные определения, яркие формулировки, непосредственно относящиеся к теме. Понятно, если попадется очень ценный, но не относящийся к теме материал, его полезно иметь в виду про запас. Не уподобляться же нам петуху из известной басни, который не подобрал жемчужины! Но, как правило, не следует отвлекаться. Целесообразно идти прямо к делу, записывая то, что имеет близкое отношение к интересующему нас вопросу.

* *
*

Выдержки должны точно соответствовать книжному тексту. Если в нем имеются подчеркивания, какие-то слова набраны другим шрифтом — жирным или курсивом (рукописным), а тем более если имеются какие-либо сноски или комментарии,— все это следует отразить и в цитате.

В ряде случаев выписки целесообразно сопровождать замечаниями читателя, как, например, у

В. И. Ленина. В «Конспекте лекций Гегеля по истории философии» Ленин выписывает на немецком языке высказывание древнегреческого философа-материалиста Ксенофана (565—473 гг. до н. э.): «Если бы быки и львы имели руки, чтобы, подобно людям, создавать произведения искусства, то они также стали бы изображать богов и придавали бы им формы тел по своему подобию». Эту запись в конспекте Ленин отмечает сбоку словами: «боги по обр(азу) ч(елове)ка» [1].

Или такой пример. Ленин приводит цитату: «Так, Пиррон [2] однажды на корабле во время бури, указав своим оробевшим спутникам на свинью, которая сохраняла полное равнодушие и спокойно продолжала жрать, сказал: вот в такой безмятежности должен пребывать мудрец». А сбоку в конспекте Ленин замечает: «недурной анекдот про скептиков» [3].

Подобные отметки и замечания, сжато излагающие суть выдержки или дающие ей какую-либо оценку, содействуют лучшему закреплению записанного в памяти.

Цитаты полезнее всего заносить на отдельные листки или карточки. В таком виде их легко перекладывать, сортировать, сопоставлять, что очень важно при подготовке к лекции. Цитатами на листках или карточках удобнее пользоваться и во время самой лекции.

е) Цитирование и цитатничество

Цитаты занимают видное место во многих научных трудах. Цитатами полна, например, статья «Карл Маркс», написанная В. И. Лениным в 1914 г. для Энциклопедического словаря, издававшегося товариществом братьев Гранат [4]. В своем письме секретарю ре-

---

[1] Ленинский сборник XII, стр. 182, 183.

[2] Пиррон (около 360—270 гг. до н. э.) — основатель скептицизма в древней Греции; считал, что об окружающих нас вещах мы не можем ничего знать, мы знаем их лишь такими, какими они представляются нашим чувствам, но не такими, каковы они есть сами по себе. Поэтому, утверждал Пиррон, самым лучшим отношением к вещам будет воздержание от всякого суждения о них.

[3] Ленинский сборник XII, стр. 263.

[4] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 27—74.

дакции Ленин считал нужным даже специально оговорить свое обильное цитирование. «...Трудно было решиться отказаться от многих *цитат* из Маркса. По-моему,— говорит Владимир Ильич,— для словаря цитаты очень важны... Читатели словаря должны иметь под рукой *все* важнейшие заявления Маркса...» [1]

Такое же обилие цитат мы видим и в ряде работ Маркса, Чернышевского, Плеханова, Луначарского и многих других.

Цитаты обычно выполняют роль свидетельских показаний («цитата» происходит от латинского cito — призываю в свидетели). Г. В. Плеханов, развивая свои мысли о Гегеле и желая подкрепить их высказываниями Н. Г. Чернышевского, так и говорит: «... вызовем в качестве свидетеля... автора «Очерков гоголевского периода...»» — и затем приводит оттуда соответствующую выдержку [2].

Таким же образом поступает и лектор. Чтобы придать своим положениям больший вес, он их подтверждает словами авторитетного лица, крупного специалиста, видного ученого, известного художника, политического деятеля и т. п.

Нередко цитаты приводятся автором (лектором) не для подтверждения своих высказываний, а ради полемики с противником, ради опровержения его суждений, его формулировок. См., например, работу В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества...» (т. 1) или статью Ленина «На зубок новорожденному... «новому» правительству». (Статья построена целиком на цитатах из речей противников и на репликах Ленина.) [3]

Затем, к цитатам прибегают в целях передачи характерных особенностей речи какого-либо лица. Например: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)» [4].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 35, стр. 131.

[2] См. *Г. В. Плеханов,* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1938, стр. 48.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 328—330.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 190.

Наконец, пользуются цитатами как добротным, хорошо оформленным материалом для выражения своих мыслей. «Если я порой говорю чужими словами,— писал Монтень,— то лишь для того, чтобы лучше выразить самого себя» [1]. Благодаря «чужим словам» наша мысль в ряде случаев становится более точной, более доступной, более яркой.

* *
*

Цитаты следует брать по возможности из первоисточника, а не из вторых рук, ибо многие авторы часто цитируют по памяти, допуская обмолвки и ошибки. К примеру. В своих «Советах лекторам» А. Ф. Кони говорит: «...Нужно делать так, *чтобы слов было относительно немного, а мыслей, чувств, эмоций — много.* Тогда речь краткая, тогда она уподобляется вкусному вину, которого достаточно рюмки, чтобы почувствовать себя приятно опьяненным, тогда она исполнит завет Майкова: *словам тесно, а мыслям просторно»* [2].

Как известно, приписываемые здесь Майкову слова принадлежат Н. А. Некрасову. Ими кончается его стихотворение «Форма». А. Ф. Кони хорошо знал Некрасова, но в известный момент у одаренного юриста и талантливого литератора произошло ослабление памяти, что привело к ошибке в рукописи, а затем и в книге.

Стало быть, не надо слишком доверять своей памяти. Это во-первых. Во-вторых, цитаты, как и всякие другие данные, необходимо проверять, как правило, по первоисточникам.

В тех случаях, когда первоисточник в книге не указан, а это чаще всего бывает при цитировании литературных изречений, лектору необходимо обратиться за помощью к справочникам: к Толковому словарю русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, к книге «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной.

При цитировании или изложении материала своими словами надо стараться иметь более или менее ясное представление о всех упоминаемых в цитате

---

[1] *М. Монтень,* Опыты, 1954, стр. 191.
[2] *А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 114.

или изложении лицах, фактах, географических пунктах и т. п.

Цитаты должны отображать мысли их автора не только формально, но и по существу, без всяких искажений. Нельзя ухватиться за случайно брошенное автором слово или сказанную для специального случая фразу. Кроме того, недопустимо цитировать произведения того или иного автора в отрыве от тех конкретно-исторических условий, о которых говорится в цитате. Тем более, конечно, недопустимо подбирать цитаты по способу рецензента-фельетониста из «Анны Карениной». Этот фельетонист, говорится в романе, «понял всю книгу (Сергея Ивановича) так, как невозможно было понять ее. Но он так ловко подбирал выписки, что для тех, которые не читали книги... совершенно было ясно, что вся книга была не что иное, как набор высокопарных слов, да еще некстати употребленных... и что автор книги был человек совершенно невежественный» (часть восьмая, гл. I).

Словом, надо цитировать точно, добросовестно, чтобы цитата соответствовала и букве и духу сказанного.

Из этого, однако, не следует, что в цитатах не может быть сокращений. Они возможны, а подчас и необходимы, ибо в выдержках обычно приводят те слова и строки, которые имеют непосредственное отношение к разбираемому в данный момент вопросу. При этом учитывают характер аудитории и ряд других обстоятельств. Допустим, перед нами следующая мысль М. Горького: «Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг» [1].

Эту фразу можно привести полностью, но ее можно и сократить, цитируя один из следующих вариантов:

1. «Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов...»

2. «Подлинная красота языка... создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг».

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 5.

3. «Подлинная красота языка... создается точностью, ясностью, звучностью слов...»

Цитировать эту фразу полностью либо тот или другой сокращенный вариант — это решается в зависимости от ряда конкретных условий лекции.

Понятно, что многие фразы не допускают над собой таких операций, их приходится либо цитировать полностью, либо передавать их смысл своими словами.

* *
*

Выписывая фразу целиком или частично, надо следить за тем, чтобы она была понятна и вне контекста. Для достижения этой цели в цитаты приходится иногда вставлять заключенные в скобки разъяснения, как, например, в следующей выдержке: «*Дуализм* никогда не мог ответить удовлетворительно на неизбежный вопрос о том, каким образом эти две отдельные субстанции (дух и материя.— *Э. Ф.*), не имеющие между собою ничего общего, могут влиять одна на другую» [1].

Подбирая цитаты для лекции, необходимо учесть и их язык, анализируя его со всех точек зрения, главным образом с точки зрения его понятности, доходчивости для массовой аудитории.

Порой цитату следует перевести «на человеческий язык», как это делает, например, В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ленин приводит выдержку из книги буржуазного экономиста Кестнера, содержащую ряд туманных выражений, и добавляет: «В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство попрежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок» [2].

В переводе нуждаются и цитаты, изложенные хорошим языком, но не всякой аудитории доступным, как, например, следующая выдержка: «Народ вообще

---

[1] *Г. В. Плеханов,* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 7.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 195.

плохой филолог, слово «республика» его не тешит, ему от него не легче» (А. И. Герцен).

В таких случаях мысль автора целесообразнее сперва выразить своими словами («одни политические права очень мало дают народу», «народ интересуется не словами, а делами» и т. п.), а затем привести цитату с соответствующими разъяснениями.

Когда в цитируемом тексте встречаются термины, нуждающиеся в объяснении, оно должно последовать тут же.

Намеченные к цитированию тексты следует перечитывать несколько раз вслух, чтобы суметь подать их аудитории достаточно выразительно, следя за логически правильным членением фразы, меняя соответственно тон, ритм, темп и силу звука. К примеру. Вы хотите привести в лекции следующее высказывание В. И. Ленина из «Детской болезни «левизны» в коммунизме»: «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном,* самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,— так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного» [1]. Если читать в аудитории данную или подобную по структуре фразу без предварительных упражнений в произнесении ее, не удастся оттенить все ее смысловые оттенки, а возможно, и не хватит дыхания для нее.

При цитировании фразы, в которой содержится ирония, необходимо дать слушателю почувствовать эту иронию, что также требует соответствующих предварительных упражнений.

Цитатами надо пользоваться умеючи. Высказанное в цитате положение не следует превращать в догму, в абсолют. Доказывать нужно не выписками, не ссылками на то или другое высказывание, а бесспор-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 52.

ными фактами, убедительными доводами. Кроме того, необходимо помнить, что обилие цитат утомляет слушателя. Поэтому перед лектором и пропагандистом ставится задача уметь ясно и точно излагать мысли того или иного источника своими словами применительно к разным аудиториям.

ж) Оформление текста лекции

После того как все намеченные к изучению источники или самые важные из них проработаны, усвоены, составляем подробнейший план лекции. Это не требует больших усилий, потому что в процессе собирания и изучения материала мы следили за нашим предварительным планом, дополняя и изменяя его на ходу. Остается теперь разложить все наши записи по плану согласно логическим и методическим требованиям, проверить, доработан ли материал, взвесить, какой пример, какая иллюстрация, какие выводы хороши, убедительны, необходимы, а от каких следует отказаться. Затем составляем оглавление, отражающее детальнейшим образом все намеченное к изложению, вплоть до мельчайшего примера, проверяем соразмерность частей, их стройность, органическую связь, плавность переходов от одной к другой. После этого по оглавлению мысленно прочитываем весь материал. Если чувствуем, что все идет четко, ясно, убедительно, без натяжек, можно приступить к написанию лекции [1].

Писать лекцию — дело нелегкое. Поэтому многие лекторы неохотно берутся за него, убеждая себя и других, что лекция в уме лучше, чем на бумаге. При этом они ссылаются на практику видных ораторов и судебных деятелей, не прибегавших к писанию речей. Однако такая ссылка неправомерна. Многие ораторы, судебные деятели, мастера устного слова утверждают обратное: речи должны быть непременно составлены в письменном виде. Опытный судебный деятель П. Сергеич категорически заявляет: «...речь судеб-

[1] См. образцы таких планов у В. И. Ленина: 1) «План чтения о Коммуне» (т. 8, стр. 180—182); 2) Конспект реферата «Первое мая и война» (т. 36, стр. 284—289); 3) Первоначальный набросок апрельских тезисов (т. 36, стр. 392—393).

ного оратора должна быть написана от начала до конца... Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого, и эти части соединены между собою в общее *неуязвимое* целое. Вы должны достигнуть этой неуязвимости; иначе вы не исполнили своего долга» [1].

«Истинным оратором может быть лишь тот, кто пишет свои речи»,— говорит Виктор Гюго. Известно, что в античном мире писание рассматривалось как единственный способ приготовления речей. «Нужно воспитать себя посредством привычки писать, весьма пригодной для нашего усовершенствования во всех способах изложения»,— сказано у Цицерона. «Лишь с помощью писания можно достигнуть легкости речи»,— уверял Квинтилиан.

Написанную лекцию можно проверять, исправлять. Ее можно показать товарищам, дать на просмотр специалисту, добиваясь, таким образом, улучшения материала и формы изложения, а этого не достигнешь, если лекция только в уме.

Наконец, написанная лекция легче запоминается и дольше удерживается в памяти, нежели неоформленный в окончательном виде материал. Вот почему А. Ф. Кони советует лекторам «написать речь и, тщательно отделав ее в стилистическом отношении, прочитать вслух». Ибо «факты, выводы, примеры, картины и т. д., приводимые в лекции, не могут измениться в самой аудитории: это вполне готовый, сложившийся материал, и накануне, и перед самым началом, и после лекции он остается неизменным...» [2]

Итак, лекция должна быть написана от начала до конца в литературно обработанной форме. Чтобы облегчить себе задачу, можно сперва писать начерно, не обращая внимания на стилистические шероховатости; затем переписывать, исключая все лишнее и исправляя неправильности, неточности выражений. Писать следует, как уже было сказано, на одной стороне листа, и не в тетради, а на отдельных листах.

---

[1] *П. Сергеич,* Искусство речи на суде, 1910, стр. 352.
[2] *А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 105, 107.

В «Афоризмах» Марка Твена есть такое положение: «Когда вы с чувством удовлетворения окончили свою статью, тут только и нужно начинать ее писать. К этому моменту вы обрели ясное и логичное представление о том, что вы, собственно, хотите в ней сказать» [1].

Это положение имеет непосредственное отношение и к работе лектора. Лекция написана — надо еще раз проверить последовательность и соразмерность ее частей; взвесить количество и качество иллюстративного материала, нет ли тут чего-нибудь лишнего, малоубедительного, трудного для восприятия массовой аудитории; еще раз продумать важнейшие формулировки и определения, нет ли в них слов, нуждающихся в толковании, и отыскивать в каждой фразе, какие выражения следует опустить, подправить или заменить другими. Наконец, посмотреть, не однообразно ли изложена лекция. Может быть, кое-где нужно заменить одну грамматическую форму другой, применить метафору или сравнение и т. п.

После этого лекция дается на проверку. Если товарищи по работе и рецензенты ее одобрят, этого еще недостаточно. Лекцию надо пропустить также через «цензуру» рядового слушателя, рядового читателя, как это делал, например, Владимир Ильич, когда писал в Шушенском свою книгу «Развитие капитализма в России». Вот что об этом рассказывает Н. К. Крупская в письме к М. А. Ульяновой от 14(26) октября 1898 г.: «Первая глава уже готова, мне она показалась очень интересной. Я изображаю из себя «беспонятного читателя» и должна судить о ясности изложения «рынков», стараюсь быть как можно «беспонятнее», но особенно придраться ни к чему не могу» [2].

Таким же образом следует поступать и нам. Дадим лекцию на отзыв знакомому со средним уровнем знаний и выслушаем его замечания о ясности изложения, о занимательности и силе воздействия материала и т. д. Если и этот рецензент даст о лекции положительный отзыв, можно уже начать думать о подаче материала в аудитории.

---

[1] *Марк Твен*, Избранное, т. II, 1953, стр. 564.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 37, стр. 478.

2. ПОДАЧА МАТЕРИАЛА И ПОВЕДЕНИЕ ЛЕКТОРА В АУДИТОРИИ

а) Владеть материалом

Хорошо написанный и интересный текст еще не гарантирует успеха лекции. Большое значение имеет и форма изложения материала в аудитории, поведение лектора, его умение завоевать внимание слушателей, установить с ними тесную связь, взаимопонимание.

Чтобы наладить такую связь, необходимо прежде всего установить со слушателем *зрительный* контакт. Это возможно лишь в том случае, когда лектор не прикован к своим записям, а смотрит в аудиторию, обращаясь со своим словом непосредственно к слушателям. Таким образом, вы заставляете их не просто присутствовать при речи, а участвовать в ней. С первых же фраз вы начинаете чувствовать токи непрерывного внимания, идущие из зала к вам. Это вызывает в вас воодушевление, ощущение силы, которые неизбежно передаются аудитории, еще больше усиливая ее внимание к вашим словам.

Стало быть, читать лекцию по записи, как это делается подчас в академической среде, массовому лектору ни в коем случае нельзя. Ему следует прийти в аудиторию с живой беседой, с речью, которая должна произноситься легко, естественно, просто, приближаясь и по своему строю к живому разговорному языку. В ней должен быть более простой синтаксис, чем в письменной речи — в частности, больше коротких фраз, бессоюзных предложений, меньше причастных и деепричастных оборотов.

Правда, в устной речи, возможно, не будет той отделки фраз, которая имеется в написанном тексте, но какое это имеет значение по сравнению с теми преимуществами, которыми обладает живое слово. Говорящему приходят на помощь и голос, и темп, и интонация, дающая возможность варьировать каждое слово до бесконечности, в то время как в письме оно имеет одно только начертание. Кроме того, говорящий прибегает к мимике и жестам. Благодаря этому он может чаще, чем пишущий, пользоваться всякого

рода неполными предложениями, применяя порой такие комбинации из слов, мимики и жестов, которых в письменной речи никак не выразишь.

В этом, кстати, и заключается основная причина наших затруднений при письме. Характеризуя Наташу в «Войне и мире», Л. Н. Толстой говорит: «Она не умела писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить в письме правдиво хоть одну тысячную долю того, что она привыкла выражать голосом, улыбкой и взглядом».

Вот почему «речи ораторов,— как отметил еще Аристотель— даже если они имели успех, в чтении кажутся неискусными».

Как известно, и В. И. Ленин указывал: «...я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал» [1].

И естественно. Устная и письменная речь — это два различных вида общения, протекающие в разных условиях, и то, что хорошо для одного вида, не всегда годится для другого. Приведем пример. Свою статью «На путях построения коммунизма» (в 9-м номере журнала «В помощь политическому самообразованию» за 1958 г.) академик С. Струмилин начинает таким образом:

«Народная мудрость гласит: «Довлеет дневи злоба его». Действительно, в каждую эпоху перед человечеством возникают, назревая, все новые исторические задачи и, становясь злобой дня, настоятельно требуют своего разрешения».

Такое начало в письменной речи, да еще в теоретическом журнале, вполне допустимо, но оно немыслимо в массовой лекции. И вот почему. Как правило, среди читателей процент подготовленных людей выше, чем среди слушателей, да и глаз наш больше привык к трудным выражениям и легче с ними справляется, нежели наше ухо. Человек, взявший теоретический

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 97—98.

журнал в руки, психологически подготавливает себя к преодолению трудностей, слушатель же обычно рассчитывает на доступный материал. Если читатель затрудняется в понимании каких-нибудь оборотов речи, он может справиться о них в словарях, энциклопедиях или у знакомых либо уловить смысл этих оборотов из всего дальнейшего материала, в то время как слушателю при таких обстоятельствах ничего не остается, как присутствовать на лекции в качестве безучастного зрителя. Словом, выражения, подходящие для статьи, в которой автор ведет разговор с белым листом бумаги, а в лучшем случае — с воображаемым собеседником, могут быть совершенно противопоказаны для лекции, которая протекает при непосредственном общении лектора с аудиторией.

Вот почему лектору необходимо подавать материал с таким учетом, чтобы с первых же слов создать атмосферу сближения между собой и слушателями, предельно активизируя их восприятие и интерес, воодушевляя их своими убеждениями и целенаправленностью.

С этой задачей лектор справится лишь тогда, когда он будет владеть материалом в совершенстве и будет чувствовать себя в аудитории свободным, уверенным, спокойным. Чтобы добиться такого состояния, лектору следует проделать кроме вышеуказанного еще ряд подготовительных работ.

Необходимо прежде всего материал лекции написать в виде развернутого, но четкого плана, пользуясь главным образом неполными и назывными предложениями. В плане могут быть отмечены цифры, даты, имена, сжатые формулировки; могут быть указаны ссылки на данные, имеющиеся в тексте лекции или в других источниках, и т. п. План следует писать на одной стороне листа таким образом, чтобы его можно было легко запомнить и удержать в памяти [1].

[1] См., к примеру, план статьи В. И. Ленина «Второй партийный съезд» (т. 7, стр. 42—43) или «План доклада об апрельской конференции» (т. 36, стр. 408—411). См. также планы речей В. И. Ленина на X съезде РКП(б) (т. 36, стр. 493—495), на II Всероссийском съезде политпросветов (т. 36, стр. 506—507), на IV конгрессе Коминтерна (т. 36, стр. 536—537). Сравните эти планы с соответствующими докладами (т. 32, стр. 191—205; т. 33, стр. 38—56, 380—394).

После составления плана следует заняться повторением текста лекции, ибо творить словом в момент речи — не легко, в особенности начинающему лектору. Текст надо читать несколько раз, сугубо внимательно, не допуская никаких ошибок в запоминании фактов, дат, цифр, формулировок, а также в произношении трудных терминов и непривычных для нашего уха собственных имен. (Речевая ошибка оставляет глубокий след, ее не всегда легко искоренить, поэтому лучше не допускать таких ошибок.)

Чтобы легче запомнить материал лекции, нужно разнообразить способы восприятия, используя и зрение, и речь, и слух. Существенное значение имеет и составление всевозможных схем, диаграмм и других наглядных пособий, многие из которых окажутся полезными и во время лекции как для самого лектора, так и для слушателей.

Повторение текста лекции должно состоять, конечно, не в зубрежке фраз, а в осмысленном запоминании всего изложения. Такое запоминание значительно продуктивнее механического. Впрочем, когда речь идет об очень важных, ответственных формулировках, смысловое запоминание текста полезно подкрепить и заучиванием наизусть.

После окончательного изучения текста следует вернуться к плану, чтобы запечатлеть его в памяти. Запомнив план в целом и в деталях, можно приступить к произнесению лекции в уме. Затем рекомендуется лекцию повторить вслух. Практикуйтесь до тех пор, пока вы не будете в состоянии передать всю лекцию в полном порядке, не заглядывая в план. При этом, однако, не загружайте памяти большим количеством материала справочного характера.

Наконец, проверьте себя: во время чтения попробуйте прервать свои мысли совершенно посторонними думами. Если вам удастся схватить вновь нить вашей лекции, значит, можно не волноваться: лекция подготовлена.

Такие репетиции, освежающие и закрепляющие лекционный материал в памяти, необходимы перед каждым выступлением, ибо самое главное, что может придать лектору бодрость и уверенность в себе,— это сознание, что он хорошо владеет материалом, что он

его донесет при всех обстоятельствах, даже в том случае, когда в аудитории вдруг потухнет свет.

Затем полезно составить несколько вариантов лекции для разных по подготовке аудиторий и на различную продолжительность — на сорок, шестьдесят и девяносто минут. Каждый вариант должен быть зафиксирован на бумаге и в уме.

Кроме того, попытайтесь сжать лекцию до минимума (1—2 страницы) с тем, чтобы изложить ее суть в течение трех — пяти минут. В качестве образца могут служить речи В. И. Ленина, записанные на граммофонных пластинках (1919 г.), в частности следующие: «О крестьянах-середняках»; «Что такое Советская власть?»; «О погромной травле евреев» (см. т. 29).

Готовиться к лекции следует не в последнюю минуту. Перед самой лекцией надо немного отдохнуть, чтобы прийти в аудиторию со свежими силами.

б) Знать слушателя

Лектор должен знать, кто его будет слушать. Даже в том случае, когда тема лекции отвлеченная, лектор не имеет права идти в аудиторию, не зная, с кем конкретно ему предстоит вести речь. А если лекция читается по вопросам экономики, организации производств, санитарии или по вопросам политики, права, морали, искусства и т. д., необходимо иметь как можно более полное представление о тех, перед кем придется выступать.

Поэтому, как только лектор получил путевку (вызов, приглашение) на лекцию, ему следует позаботиться о том, чтобы узнать состав слушателей, их интересы, культурный уровень, попытаться представить себе их взгляды, стремления, предубеждения, для того чтобы как можно лучше «пригнать» лекционный материал к конкретной аудитории.

Знать аудиторию — очень важное требование. Недаром В. И. Ленин в статье «О лозунгах...» (1911 г.) указывал, что «о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со

страниц зарубежного органа...»[1] Естественно, это указание В. И. Ленина в равной степени относится к изложению любого вопроса.

А уметь говорить — это значит, кроме всего прочего, уметь приспособить свою речь к уровню слушателей, уметь пользоваться словами и оборотами из обиходного, профессионального, возрастного языка своей аудитории. Такие слова нередко оказываются выразительнее и убедительнее, чем слова красивые. Они сразу понятны, так как взяты из быта, а все привычное внушает к себе больше доверия.

Знание повседневной жизни слушателей, их мыслей и настроений дает нередко возможность самой обыкновенной фразой, намекающей на те или другие конкретные обстоятельства, вызвать в аудитории самый живой отклик, а иногда и сильнейшую реакцию.

Итак, перед каждым выступлением лектору необходимо не только освежить в памяти материал лекции, но и приспособить его с точки зрения важности, актуальности и доходчивости для конкретной аудитории, учтя при этом целый ряд обстоятельств, в том числе и настроение слушателей.

Одновременно следует также проверить, легко ли читаются все выдержки, намеченные к цитированию, лежат ли они, как и другие материалы, в должном порядке, в исправности ли приборы, наглядные пособия и т. п.

в) Завоевать внимание аудитории

На лекцию надо явиться заблаговременно, чтобы иметь возможность отдышаться, привести себя (костюм, прическу) в порядок, осмотреть помещение, в котором придется выступать, и сделать все необходимые технические приготовления: разместить приборы, пособия, карты и т. д. Следует также проверить освещение в зале и на кафедре, ведь «лицо говорит вместе с языком» (А. Ф. Кони). Кафедру рекомендуется ставить как можно ближе к слушателям, но так, чтобы лектору удобно было стоять не только за ней, но и

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 304.

впереди. (Когда стоишь за кафедрой, чувствуешь себя несколько скованным, поэтому желательно иметь возможность также находиться впереди ее или рядом.) Затем надо позаботиться о бумаге и карандашах для слушателей и договориться о регламенте, о перерыве во время чтения (лучше — без перерыва) и о всех других мелочах.

Полезно до начала побеседовать с некоторыми представителями из аудитории, заинтересовать их проблемами лекции, а заодно и узнать, чего они ждут от нее. Это не значит, что надо идти на поводу случайных требований или настроений тех или иных слушателей, но учесть эти требования и настроения порой не мешает. Такой непосредственный контакт со слушателями до выступления важен и в том смысле, что он несколько успокоит лектора, придаст ему уверенность, необходимую для того, чтобы говорить с кафедры.

Получив слово, подойдите к кафедре или к столу, положите перед собой материалы лекции и часы и начинайте спокойно говорить. Если в зале шум, кричат: «Не слышно!», «Громче!» — не смущайтесь, повторите начатое и продолжайте спокойно. К таким повторениям придется прибегать и в дальнейшем, всякий раз, когда какой-либо шум, смех или аплодисменты будут заглушать ваши слова.

От лектора требуется большая выдержка и умение владеть собой при всех неблагоприятных обстоятельствах. «Никакие отвлекающие причины не должны на него действовать (бинокли, газеты, поворачивания, шорох, плач ребенка...). Лектор должен делать свое дело... Если перед началом речи можно предположить, что будет шумно, если видно, что публика нервна, самую речь начать с призыва к тишине, а в этот призыв полезно включить одну-две фразы завлекающего характера» [1].

При всех условиях надо стараться увлечь слушателя первой же фразой. Она должна говорить о близком, интересном и важном. Она должна быть ясной, доступной и хорошо построенной. Если вступительные фразы не слишком удачны по построению,

---

[1] *А. Ф. Кони,* Избранные произведения, 1956, стр. 110.

говорит П. Сергеич, если в них слышится неуверенность оратора, у слушателей складывается представление, что речь не подготовлена.

Словом, лектор должен сразу дать почувствовать аудитории, что с ней будут вести серьезный и поучительный разговор.

Приведем начальные фразы из некоторых выступлений.

1. Из лекции В. И. Ленина «О государстве», читанной в 1919 г. в Свердловском университете: «Товарищи, предметом сегодняшней нашей беседы по тому плану, который у вас принят и мне был сообщен, является вопрос о государстве» [1].

2. Из речи А. В. Луначарского «Ленин», произнесенной на общем собрании работников искусств Москвы: «Товарищи, я хочу в беглых чертах сказать вам о том, кем являлся Ленин в истории России, нашего отечества, кем он являлся в истории мира, и затем хочу поделиться некоторыми личными воспоминаниями...» [2]

3. Из лекции К. А. Тимирязева на тему «Лист», читанной в 1876 г. в аудитории Московского музея прикладных знаний: «В настоящей беседе мы поставим себе задачей ознакомиться в главных чертах с жизнью листа. Эта задача будет несколько труднее и сложнее предшествовавшей, потому что едва ли о каком органе растения существуют такие неполные и ложные понятия в среде людей, незнакомых с наукой» [3].

Такими коротенькими вступлениями говорящий вводит слушателя в предмет речи. Однако зачастую обходятся и без всяких введений как в письменной речи, так и в устном выступлении. Вот, к примеру, первые строки работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»: «Труд — источник всякого богатства, утверждают политикоэкономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство...»

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 433.
[2] *А. Луначарский*. Ленин, 1924, стр. 5.
[3] *К. А. Тимирязев*, Жизнь растения, 1940, стр. 96.

А вот начало доклада М. Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей: «Роль трудовых процессов, которые превратили вертикальное животное в человека и создали основные начала культуры,— никогда не была исследована так всесторонне и глубоко, как она того заслуживает» [1].

Таким же образом, с места в карьер, можно начать и лекцию. Конечно, право лектора — начинать речь с обращения, с введения или без них, но не начинайте с того, что без вас хорошо известно. Если вступление необходимо, постарайтесь, чтобы оно было как можно короче и проще.

г) Следить за речью и поведением

Слова следует произносить предельно четко, членораздельно, не проглатывая звуков, не скрадывая окончаний.

Говорите звучно, но не слишком громко и не очень тихо. Излишняя громкость вызывает гул в помещении, утомляет слушателей и может сорвать ваш голос, а слишком тихая речь не дойдет до многих. Говорите не торопясь, но и не чересчур медленно. Трудно понимать говорящего быстро или подчеркнуто медленно. Кроме того, ненормальный темп речи действует утомляюще. Чем больше помещение, тем медленнее должен быть темп.

Не оставайтесь без воздуха. Пользуйтесь каждой паузой между словосочетаниями и фразами, чтобы добрать воздух на место израсходованного.

Помните, что темперамент лектора проявляется не в крике, не в быстроте речи, не в резких жестах, короче — не во внешнем поведении говорящего, а в его внутреннем огоньке, в его партийной страстности и ораторской приподнятости.

Говорить следует немонотонно, выразительно, с толком, с чувством. Ведь не все слова в фразе играют одинаковую роль. Среди них есть более и менее важные. В зависимости от этого одни слова должны произноситься более значительно, более подчеркнуто, а

---

[1] *М. Горький,* Собр. соч., т. 27, стр. 298. См. также начало докладов и речей В. И. Ленина в т. 24, стр. 115, 264, 272; т. 27, стр. 65.

другие наоборот. С разными интонациями произносят не только отдельные слова, но и целые фразы или даже ряд фраз. Когда речь идет о будничных делах, говорят просто, о великих — величаво, а о средних — стилем, промежуточным между обоими. Еще Аристотель предупреждал: «...если оратор говорит жестким тоном нежные вещи или нежным тоном жесткие вещи, он становится неубедительным». А если оратор, дополним со своей стороны, говорит все одним тоном, однообразно, он усыпляет аудиторию. Говорить выразительно — не значит, однако, говорить напыщенно, с ложным пафосом [1]. Напыщенная, ходульная речь не убеждает, вызывает неприязнь.

В тоне лектора должна быть уверенность, убежденность и скромность. Не заискивайте перед аудиторией и не говорите с нею свысока, тоном наставника. Речь тем лучше, отмечает один из немецких методистов, чем выше у говорящего взгляд на слушающих. Произносите слова просто, естественно, искренне. Неверно взятый тон, развязный, жалобный и всякий другой, не соответствующий месту и теме, производит неприятное впечатление и может испортить лекцию.

Лектор говорит не только голосом. В его речи участвуют и лицо, и фигура, и руки. Зачастую поднятая рука, сжатый кулак или другой жест сто́ит целой фразы. Однако жесты и мимика, чтобы быть эффективными, должны иметь смысл, должны быть в согласии со значением слов и с чувством говорящего [2]. Если же лектор машет руками без надобности и его жесты ничего не выражают, кроме суетливости, они лишь надоедают и раздражают.

Слушатель ценит спокойствие, собранность и простоту в повадке лектора. Поэтому, кстати, в аудиторию следует прийти просто и прилично одетым, чтобы костюм и обувь не стесняли лектора и не привлекали

---

[1] Ложный пафос — это «неуместный и пустой пафос там, где вообще не должно быть пафоса, или неумеренный там, где нужен умеренный» («Античные теории языка и стиля», 1936, стр. 209).

[2] Надо, «чтобы жест соответствовал речи, а выражение лица — жесту». «Ни игрой своего лица и движениями рук, ни чрезмерным выбеганием вперед оратор вовсе не должен напоминать актера...» Эти справедливые замечания Квинтилиана в еще большей степени относятся к лектору.

внимания слушателей своим неряшливым или вычурным видом.

Некоторые лекторы имеют привычку во время лекции расхаживать по комнате (эстраде), забавляться часами, кольцом или другими предметами. Ясно, что такие повадки не способствуют успеху лекции.

Ни в коем случае не допустимо курение в аудитории. Не рекомендуется пить воду во время выступления, в особенности когда лектор разгорячен и его мучит жажда. В таком состоянии питье обыкновенной, несоленой воды лишь усиливает жажду. Если начинает беспокоить горло, следует переключиться на более медленный темп речи, с меньшим напряжением голоса. В исключительных случаях можно себе разрешить глоток воды.

* *
*

«У лектора не должно быть одной какой-то точки, к которой привлекается во все время речи его взор» (А. Ф. Кони). Следует всматриваться в отдельные группы слушателей, отыскивая тех, кто проявляет особый интерес к лекции. Однако думать надо не только о них. Наша задача — привлечь внимание всей аудитории, завоевать и сосредоточить его на предмете речи с самого начала.

Внимание аудитории нужно не только завоевать, но и удержать. Для этого необходимо все время двигать тему вперед, развивая ее предельно стройно, логично, без задержек, без топтания на месте. Выставили положение, раскрыли его суть, привели доказательства, возражения, сделали вывод и пошли дальше. Если вы заметили, что аудитория поняла вашу мысль и без примеров, опустите их и переходите к следующему пункту. Слушателю понравилась ваша формулировка, он спешит записать — повторите ее. Вы прочли на его лице сомнение, возражение — приведите еще аргумент, еще факт, подтверждающий верность ваших слов.

При всем этом полезно руководствоваться следующими советами (П. Сергеича и др.):

1. Не доказывать очевидного и не опровергать невероятного.

2. Не доказывать большего, когда можно ограничиться меньшим.

3. Отбросить все посредственные и ненадежные доводы.

4. Не спорить против несомненных доказательств и верных мыслей противника.

5. Не договаривать, когда факты говорят за себя.

6. Доказывая и развивая каждое отдельное положение, не упускать из виду главной мысли и других основных положений.

Если слушатель бросил ценную реплику, постарайтесь ее использовать для активизации внимания аудитории и углубления усвоения. Если реплика несущественная, обойдите ее молчанием или покажите ее никчемность, не допуская, однако, при этом никакой грубости и не раздувая из мухи слона.

Чтобы аудитории было легко следить за мыслью говорящего, некоторые методисты рекомендуют перед каждым новым отделом речи указывать в немногих словах его содержание. Кроме того, переход от одного раздела к другому следует оттенить переменой интонации.

Когда есть основание предполагать, что внимание слушателей могло утомиться, можно себе разрешить небольшое освежающее отступление. Оно должно быть легким «и в то же время стоять в связи с содержанием данного места речи» (А. Ф. Кони).

Главное — избегайте однообразия. Ничто так не утомляет слушателей и не лишает их внимания, как однообразие: однообразие жеста, выражений, однообразие фактов и мыслей. Поэтому очень важно уметь применять разные средства оживления речи, о которых говорилось в предыдущих разделах, ибо, как отмечали еще в древности, в постоянном своем повторении надоедает даже и всяческая красота, как надоедает и все приятное.

Лектору необходимо следить не только за аудиторией, но и за своей речью, не допуская ошибок и обмолвок. Если сорвалось неудачное выражение, извращающее мысль, следует остановиться и указать на ошибку. Если же обмолвка имеет невинный характер и случилась она при быстрой речи, в патетических местах, поправляться не стоит. Слушатель поймет, что

лектор увлечен своими мыслями и не может следить за отдельными звуками или словами.

Закончить лекцию можно призывом к какому-нибудь конкретному общественному делу. Ее можно закруглить, связать с началом или же повторить в том или ином порядке основные положения или выводы лекции. В ряде случаев полезно указать литературу по обсуждаемому вопросу. Нередко речь заключают литературным изречением или пословицей. Иногда последним аккордом выступления служит образное сравнение. Так, например, для конца лекции о листе К. А. Тимирязев воспользовался басней Крылова «Листы и корни», из которой вывел совершенно иную мораль [1].

После лекции последуют вопросы, устные или в письменном виде,— их следует рассортировать по определенному (тематическому) принципу, выделив в первую очередь те, которые имеют непосредственное отношение к теме. Если время разрешит и лектор чувствует себя подготовленным, можно отвечать и на вопросы не по теме. Ответы должны быть по возможности четкими, определенными, по существу. На вопросы, заданные с демагогическими целями или с другим умыслом, старайтесь отвечать как можно спокойнее. Оперируйте бесспорными фактами и убедительными аргументами, не допуская окриков и нотаций. Если есть потребность, можно себе разрешить резкость, но не грубость. Чувствуете себя неподготовленным к ответу на какой-либо вопрос, так и скажите. Не пытайтесь объяснить то, что сами не вполне понимаете.

Перечень заданных вопросов (или записки) следует сохранить, чтобы изучить их потом и подготовить по ним более квалифицированные ответы, чем те, которые давались в аудитории.

---

[1] См. *К. А. Тимирязев,* Жизнь растения, стр. 115—116.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Лектор выполняет высокую гуманистическую и патриотическую миссию. Он несет в гущу народа великую правду — правду марксизма-ленинизма. Он зовет людей на труд и на подвиги во имя народа.

Обогащая слушателей новыми для них сведениями из той или иной области науки и жизни, лектор старается не только исправлять и уточнять их представления о вещах и явлениях, но и учить их мыслить правильно, последовательно, партийно, без противоречий, помогая отсталым людям изжить свои предрассудки, не допускать идеализма и двойственности в вопросах философских, политических и житейских делах.

Лектор разъясняет слушателям, что коммунизм предполагает высокую принципиальность и идейность, нравственную чистоту, сознательное служение обществу, деловитость и скромность, коллективизм и товарищество, умение сочетать личное с общественным, интернациональные чувства с любовью к Родине, к своему народу.

Лектор призывает слушателей активно участвовать в создании материальных и духовных благ для народа, бороться против бесхозяйственности, расточительства, нерадивого отношения к народному добру, против бюрократизма и рутины, против всего того, что вредит коммунистическому строительству.

Лектор зовет слушателей на практические дела, чтобы не когда-то в будущем, а сейчас, немедленно,

на каждом участке, на каждой стройке улучшить работу, добиться повышения производительности труда, снижения себестоимости, улучшения качества продукции.

Чтобы хорошо выполнить свою миссию, лектор должен работать и работать не только до лекции, но и после нее. Ибо лекция по-настоящему «дозревает» на публике, и лишь после ряда повторений становится полноценной. К этим повторениям надо серьезно готовиться. Надо прежде всего критически оценить свое выступление в аудитории, учесть недостатки и достоинства. Надо еще раз внимательно просмотреть важнейшие источники, которыми вы пользовались, готовясь к лекции. При повторном чтении материала нередко обнаруживаешь в нем немало интересного, ранее незамеченного. Необходимо изучить и ряд других источников, которые остались вне поля зрения при подготовке к лекции или которые появились позже. Полученные таким образом новые сведения следует внести в соответствующие места текста лекции как исправления или дополнения либо использовать их для новой темы.

Добросовестный лектор непрестанно работает над повышением своих знаний и мастерства. Он следит за общественной жизнью и достижениями науки, интересуется литературой и искусством. Он изучает речи выдающихся ораторов прошлого и наших дней. На докладах, лекциях, собраниях он обращает внимание не только на содержание, но и на построение речей, на приемы ораторов, на их ошибки и удачи, отмечая в особенности то, что вызывает расположение и интерес аудитории.

Словом, он старается быть мастером, специалистом своего дела, чтобы сегодняшнее выступление было лучше вчерашнего, а завтрашнее лучше сегодняшнего.

Добросовестный советский лектор всегда готов по первому зову нести свои знания народным массам, памятуя, что на него возложена благороднейшая задача — развивать, воспитывать, воодушевлять человека — строителя нового, коммунистического общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава третья
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В РЕЧИ ЛЕКТОРА

Глава четвертая
ПОДГОТОВКА ЛЕКЦИИ И ПОДАЧА МАТЕРИАЛА

Фалькович Элья Мордухович

ИСКУССТВО ЛЕКТОРА

Редактор *А. Толмачев*

Художник *Н. Растощенов*
Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *Т. Попова*

Сдано в набор 7 августа 1959 г. Подписано в печать 18 ноября 1959 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 8¹/₄. Условн. печ. л. 13,53. Тираж 100 тыс. экз. А 08646. Учетно-изд. л. 13,8. Цена 4 р. 20 к. Заказ № 744.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

4р. 20к.

